Протоиерей
Константин ***РОВИНСКИЙ***

БЕСЕДЫ
СТАРОГО СВЯЩЕННИКА

ПРОТОИЕРЕЙ
КОНСТАНТИН РОВИНСКИЙ

БЕСЕДЫ СТАРОГО СВЯЩЕННИКА

СО СВОИМИ ДУХОВНЫМИ ДЕТЬМИ О НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЯХ И СЛУЧАЯХ, КОТОРЫХ ОН БЫЛ СВИДЕТЕЛЕМ И ОЧЕВИДЦЕМ, КОТОРЫЕ ОН САМ ИСПЫТАЛ И О КОТОРЫХ СЛЫШАЛ ОТ ЗАСЛУЖИВАЮЩИХ ДОВЕРИЕ ЛИЦ, БЛИЗКИХ ЕМУ ПО ДУХУ

Москва 1995

ББК 86.372
Р58

Протоиерей Константин Ровинский.
Р58 Беседы старого священника. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 1995. — 192 с., ил.
ISBN 5-7429-0006-6

Исповедник Русской Православной Церкви о. Константин Ровинский принял сан по благословению Св. Патриарха Тихона в послереволюционные годы и по совету своего духовного отца о. Алексея Мечева стал служить в храме Иверской иконы Божией Матери при общине сестер милосердия. Необыкновенные события его жизни и окормление страждущих в больнице общины позволили ему воочию увидеть, как проявляются любовь и милосердие Божие к людям в ответ на их молитвы и обобщить свой пастырский опыт в этой книге, проникнутой чистой верой и радостью о Господе.

ББК 86.372

ISBN 5-7429-0006-6

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Протоиерей Константин Ровинский был одним из многих людей, духовный путь которых сложился под благодатным водительством московского старца отца Алексея Мечева. Встреча их произошла в 1920-м году, и вскоре после этого автор воспоминаний по благословению Святейшего Патриарха Тихона и отца Алексея в возрасте пятидесяти девяти лет принял священство.

По совету о.Алексея о.Константин был назначен в церковь при Иверской общине сестер милосердия на Большой Полянке и служил там до закрытия храма в 1922-м (или 1923-м) году, а потом до своего ареста в 1924 году — в храме св.Николая Чудотворца в Кленниках на Маросейке. Умер в ссылке, во время войны.

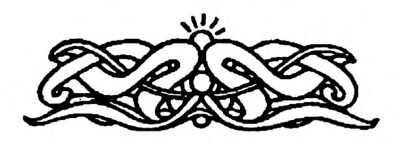
Книга "Беседы старого священника" изобилует живыми свидетельствами силы Божией, являемой в ответ на человеческую веру и любовь. Чудеса, описанные автором, несут в себе ярко выраженный евангельский смысл — они обнаруживают милующую и спасающую любовь Божию.

О.Константин не был известным духовником, создателем большой общины, он просто жил с крепкой верой в единстве со своим старцем-духовником. Образ такого христианского устроения умиротворяет и вдохновляет читателя.

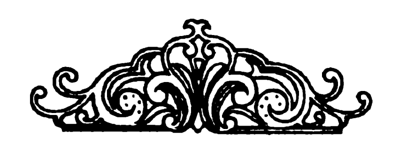
Когда несколько лет назад мне случайно попала в руки для редактирования машинопись "Бесед", меня поразила благоуханная бесхитростная искренность их автора. Однако по-настоящему я оценил их важность лишь теперь, когда меня назначили восстановить церковь Иверской иконы Божией Матери, последним священником которой был о.Константин.

Совпадение это вполне в духе тех "малых" чудес, которые во множестве описаны на страницах книги. От таких знаков живее становится ощущение нашей связи с поколением мучеников и исповедников российских, смиренным представителем которого был и автор воспоминаний.

Священник Алексей Емельянов.

Протоиерей Константин Ровинский

"Итак, будем искать
того, что служит к миру
и ко взаимному
назиданию" (Рим. 14, 19).

"Чтобы вера ваша утверждалась
не на мудрости человеческой,
но на силе Божией"
(1 Кор. 2, 5).

"Утешающий нас во всякой скорби нашей,
чтобы и мы могли утешать находящихся
во всякой скорби тем утешением,
которым Бог утешает нас самих" (2 Кор. 1, 4)!

За долгую, почти что 75-летнюю многогрешную жизнь свою я был свидетелем многих чрезвычайных событий, ясно свидетельствовавших о том, что нашей жизнью руководит Промысел Божий, что наша молитва, приносимая с глубокой верой, бывает всегда услышана Господом, что чудеса бывают и теперь и что не признавать всего этого — значит во многих случаях отвергать очевидность, умышленно закрывая глаза на происшедшее, отрицать истину.

Между прочим, наблюдал я события и слышал также о случаях, ясно свидетельствовавших о том, что умершие находятся в молитвенном общении с живущими, что они нуждаются в наших молитвах за них, и особенно в принесении Бескровной жертвы, и что они, в свою очередь, являются нашими ходатаями и покровителями.

Далее, я убедился, благодаря многим фактам, что без помощи Божией и содействия благодати человек не может избавиться от своих грехов, привычек, недостатков и стать на путь спасения, что Бог поругаем не бывает и что Он является нашим Мстителем и Защитником от врагов.

Я утвердился в мыслях, что если полезно для укрепления нашей веры читать и слушать о всяких событиях, свидетельствующих о том, что Господь печется о нас, что мы не одиноки, что Он не только наш Промыслитель, но и поистине Отец Небесный, желающий нашего спасения, и что Пречистая Богородица, святые и умершие близкие нам лица являются нашими ходатаями, то еще важнее для каждого человека в этом отношении личный религиозный опыт.

Мой довольно продолжительный религиозный опыт и личные переживания несколько раз побуждали меня поделиться ими со своими духовными детьми для их пользы, и некоторым из них я передавал наиболее яркие эпизоды из моей духовной жизни, которые, по их словам, производили на них глубокое впечатление. Но более я никому, даже самым близким мне лицам, не рассказывал об этой интимной стороне моей жизни, и мне ни разу не приходила мысль изложить все это письменно.

Ныне две моих духовных дочери обратились ко мне с просьбой записать все, что я им передавал, дабы это могло служить для постоянного назидания и утешения как их самих, так и других близких им и мне лиц в дни испытаний. Это последнее обстоятельство, а также и то, что врачи признают, что у меня настолько ослабела деятельность сердца от миокардита, что дни мои сочтены, понуждают меня, пока я еще в силах, исполнить их просьбу.

К тому, что уже рассказывал, я намерен, если успею, прибавить описание нескольких других, происшедших со мною, моими родными и близкими мне лицами случаев, ознакомление с которыми, думаю, будет не бесполезно для благочестивых читателей моей рукописи.

Приступаю к этому труду с полным смирением и сознанием своего недостоинства и прошу читателей не думать, что я хочу выставить себя каким-то избранным сосудом Божиим, и не смущаться тем, что я, будучи великим грешником, как будет видно из дальнейшего, в нескольких случаях моей духовной жизни, несомненно, являлся орудием Божиим. Это объясняется единственно милосердием Его, благостью и неизреченной любовью к людям. Если в жизни человеческой бывает, что для достижения тех или других полезных целей, в зависимости от местности и состояния культуры, одни люди пользуются прекрасными, усовершенствованными орудиями, а другие плохими и даже первобытными, то точно так же и плохой и недостойный священник, на котором все же почиет благодать Божия, может быть иногда для блага людей орудием в руках Его, особенно в тех случаях, если в наличности нет более достойных пастырей.

Могу сказать по этому поводу словами апостола Павла: "Итак, я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу" (Рим. 15, 17), и вспомнить другие слова того же апостола: "...собою же не похвалюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы

кто не подумал обо мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня" (2 Кор. 12, 5-6).

Тебе слава подобает, Господи Боже наш, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Буди имя Господне благословенно отныне и до века!

В заключение сего предисловия обращаюсь к духовным чадам моим, друзьям и знаемым со словами, сказанными преподобным соловецким чудотворцем Зосимой на смертном одре своим ученикам: "Хотя я и отхожу от вас телом, по закону естества, но духом неотступно буду с вами".

Когда же совершится неизбежное и приидет страшный час мой смертный, не забывайте меня, грешного, в своих молитвах, да простит и помилует меня Христос Бог, да избавит вечныя муки и Небесному Царствию причастника меня быти сподобит.

ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ ГОСПОДЬ БОГ НЕОДНОКРАТНО СПАСАЛ МОЮ ЖИЗНЬ

"...Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих..." (Пс. 90, 10—11).

"...Дни ему определены, и число месяцев его у Тебя, если Ты положил ему предел, которого он не перейдет" (Иов. 14, 5).

1.

Когда я учился в 4-м классе гимназии, то, будучи очень здоровым мальчиком, отличался большой резвостью. Однажды весною, придя задолго до занятий в гимназию, я затеял с одним из товарищей возню, затем мы начали бегать, догоняя друг друга, причем перепрыгивали с парты на парту. Я не заметил, что задняя парта одного ряда неплотно прислонена к стене и, оттолкнувшись от нее на бегу, сделал скачок. Парта от этого движения быстро отодвинулась к стене, и я уже не мог совершить скачка, а со всего размаха упал, ударившись изо всей силы об одну из парт лицом. У меня хлынула кровь, мне сделалось нехорошо, и я едва не потерял сознание. Товарищ мой перепугался, побежал сообщить о несчастии по начальству. Пришел директор. Меня обмыли, перевязали голову, посадили на извозчика и повезли к доктору, дав знать обо всем случившемся моему отцу.

Оказалось, что я ударился левой бровью об острый угол верхней доски одной из парт и рассек бровь от одного конца до другого, причем рана образовалась очень глубокая, — до самой кости, отчего веко опустилось и почти совсем закрыло глаз. Врач мне поднял веко и зашил бровь в нескольких местах золотою проволокой. Впоследствии, когда рана зажила, оказалось, что верхняя кость глазной впадины дала у меня трещину, прикосновение к которой и теперь вызывает невыносимую боль; в течение нескольких лет у меня была потеряна чувствительность с левой стороны головы (я не чувствовал боли, если уколоть голову иголкой и т. п.), у меня перестал расти левый глаз, почему и его оболочки и зрачок меньшего размера, чем правого глаза. Благодаря густоте бровей, громадный шрам, образовавшийся на месте удара, незаметен.

Жизнь моя была спасена лишь благодаря тому, что я ударился об угол парты не глазом.

2.

В 1879 году будучи гимназистом 6-го класса, я гостил в Калужской губернии у родных, довольно состоятельных людей, пользуясь там всякими деревенскими удовольствиями и развлечениями. Между прочим, хозяйка дома, тетка моей матери, спросила меня, не желаю ли я покататься верхом. Я ездил верхом на нашем смирном кореннике, который возил "воду и воеводу", и никогда не брал серьезных уроков верховой езды. Мне же оседлали горячего коня, на котором ездил мой дядя-кавалерист, довольно известный спортсмен, бравший ежегодно призы на скачках в Красном Селе. Конь привык ходить на мундштуке, и конюх меня не предупредил об этом, а также о том, что он не любит, если натягивают поводья.

Все шло сначала хорошо: конь вынес меня в поле, "гордясь могучим седоком", идя галопом с левой ноги, но едва я начал сдерживать его, чтобы спуститься с горки к мосту, лежавшем мне на пути, и слегка натянул поводья, как он помчался в карьер, и чем я сильнее натягивал поводья, чтобы сдержать коня, тем более он горячился и наконец, закусив удила, свернул с дороги, понес меня, как бешеный, по полю, на котором в это время крестьяне убирали рожь, накладывая на телеги снопы.

Конь, не обращая на меня никакого внимания, брал барьеры, перескакивая через сложенные снопы, и мчал меня к глубокому оврагу, который был в конце поля. Если бы конь продолжал бежать в избранном им направлении, то мы оба свалились бы в овраг и сломали бы себе шеи. Крестьяне, видя неминуемую гибель коня и всадника, бросились нам навстречу с громким криком, потрясая граблями, чтобы не допустить взбешенного коня мчаться к оврагу. Конь встал на дыбы и внезапно повернул к усадьбе, усиливая свой бег и не обращая на меня никакого внимания. Вбежав на полном ходу на хлебный двор, он встретил на пути кучу соломы, лежавшей там, и, взлетев на нее, упал на одну сторону, а я — на другую.

Испуганные кучер и конюх прибежали, извиняясь, что не предупредили меня о пороке коня. Я возблагодарил Господа за спасение, но более кавалериста из себя не изображал.

3.

В 1884 году, когда я был студентом университета, мне пришлось запломбировать три зуба, пораженных кариесным процессом. Сделал это я у очень старого, когда-то знаменитого

дантиста. Он уже плохо видел и нехорошо очистил в них дупла, а между тем предложил мне, ввиду того, что зубы были очень прочные, запломбировать их платиной, которую потом ни при каких условиях удалить нельзя. Благодаря плохой очистке, кариесный процесс продолжался под пломбой, и у меня образовался жестокий периостит.

Петербургские (в 1886 году) зубные врачи, к которым я обратился, нашли, что необходимо эти три зуба удалить, иначе воспаление надкостницы не пройдет, но предупреждали меня, что, так как зубы очень крепкие, то выдернуть их будет нелегко, и я буду очень страдать. Я решил поэтому удалить их под наркозом. В это время из Америки был заимствован новый способ безболезненного удаления зубов под "веселящим газом" (закись азота), и я пошел в лечебницу к дантистке Бонгль, получившей образование в Соединенных Штатах, где этот способ практиковался. Так как я был исключительного здоровья, то решился выдернуть все три зуба в один день, раз за разом. При этой операции присутствовал врач, очень милый и внимательный молодой еврей, который все время держал мой пульс. Когда наступила анестезия, мне благополучно выдернули последовательно два зуба.

После десятиминутного отдыха мне наложили в третий раз маску, и я, вдохнув веселящего газа, потерял почти совсем сознание, ничего не чувствовал и ничего не видел, но слух очень обострился, и я ясно услышал следующий диалог, который произошел между доктором и дантистом, дергавшим зуб.

Доктор: "Рвите скорее, что вы мешкаете, у пациента останавливается пульс".

Дантист: "Ничего не могу сделать, у пациента неправильное расположение корней, ключ два раза срывался..."

Доктор: "Что вы делаете? У него остановилось сердце..."

Вслед за этим я услышал какой-то звук вроде издаваемого струной, которую приподняли и отпустили, и я куда-то, казалось, полетел, окруженный полным мраком, и окончательно потерял сознание.

Очнулся я оттого, что врач, бледный как полотно, тряс меня, как грушу, и у меня забилось снова сердце, как начинает биться маятник в засорившихся и остановившихся карманных часах, если их хорошенько встряхнуть. Испугавшийся сначала, доктор страшно тому обрадовался. У меня, оказалось, сделался сердечный шок, а доктор растерялся и не сделал мне, как надлежало, немедленного укола иглой в сердце, чтобы оно, сократившись, снова забилось, а от встря-

хивания моего тела оно могло и не начать работать, и, следовательно, я, попросту говоря, умирал.

Зуб пришлось выдергивать уже без наркоза, причем третий корень в нем был непомерно длинный (меня потом просили оставить зуб для музея лечебницы). Благодаря этому обстоятельству, операция была мучительная, и, удаляя зуб, мне выломали кусочек челюсти, причем врач с трудом остановил кровотечение. Но как бы то ни было, Господь Бог сохранил мне жизнь, которая так безвременно уходила.

4.

В 1924 или 1925 году зимой я проходил по Арбату. Была метель при довольно сильном ветре. Сухой снег летел прямо в глаза и слепил их. Мне нужно было перейти улицу, что я и стал делать несколько наискосок. Вдруг мой мозг пронизали настойчивые мысли: "Обернись, обернись!" Я обратился назад, повернувшись справа налево. Едва я успел это сделать, как мимо меня быстро пронеслись крупные ломовые лошади, запряженные в тяжелые сани; левая оглобля пришлась на полвершка выше моего правого плеча и едва не задела ухо. Извозчик сидел спиной к лошадям на клади, закрывшись от ветра, несшего острые кристаллики сухого снега, рогожей, и не управлял. Если бы не назойливая мысль обернуться, оглобля ударила бы меня прямо в затылок.

5.

В 1900 году раннею осенью в Петербург прибыли транзитом в Германию, куда должны были быть отправлены на пароходе, 20 клеток с дикими зверями, приобретенными в России известной Гамбургской фирмой Ганенбека, снабжающей зверями все зоологические сады мира. Среди зверей были: несколько прекрасных экземпляров тигра, водящегося в Средней Азии, тигр амурский, серебристый барс и другие хищные звери, водящиеся в Закавказье и закаспийских степях. Эти звери были выставлены на короткое время во дворе одного дома на Песках, кажется на Слоновой улице.

Я отправился их смотреть со своей дочерью, которой тогда было 10 лет. Клетки, в которых помещались звери, были на колесах и ставились прямо на железнодорожные платформы и таким образом были перевезены в столицу. Каждая клетка имела с левой стороны небольшое отделение, снабженное дверью, через которую можно было входить в клетку. Это отделение имело и наружную решетчатую дверь. Обе двери затворялись длинными шпингалетами, входящими глубоко в особые пазы и снабженные большими кольцами, за которые

их следовало тянуть, чтобы открыть двери, что требовало большого усилия.

Когда мы пришли, началось кормление зверей. Чтобы было удобнее бросать зверям пищу, предварительно наружные двери вышеуказанных отделений были открыты, и служитель, входя на площадку каждого отделения, бросал через прутья клетки зверям пищу — громадные куски мяса. Звери, ожидая каждый свою порцию, очень волновались, ходили по клеткам сильно возбужденные и рычали. Особенно волновался удивительно красивый тигр, пойманный в камышах Аму-Дарьи. Он метался по клетке, яростно рыча, поднимался на задние лапы, цепляясь за прутья клетки, подскакивал, бросаясь на дверь, которая вела в отделение, откуда ему должны были дать пищу. По мере того как служители, кормившие зверей, приближались к этому тигру, он приходил все в большее и большее возбуждение, яростно бил лапами и, наконец, сделав прыжок, ударил так сильно по кольцам шпингалетов, что один из них опустился, а другой поднялся, и дверь в отделение, где наружная дверь была открыта, отверзлась, и тигр очутился в этом отделении.

Перед клеткой стояло человек 20—25, впереди всех я с дочерью. Все в панике с криками бросились в сторону. Я же, взяв дочь, поставил ее позади себя и не тронулся с места, и вот мы очутились друг против друга — я и тигр. Нас разделяло пространство не более трех шагов, и взоры наши встретились. Изумился ли он, что неожиданно оказался на свободе, или крик отхлынувшей толпы на него повлиял, но он стоял неподвижно, не делая никаких попыток выскочить из клетки и кинуться на меня. Так прошло 5—6 секунд, и мы смотрели друг другу в глаза. Тут прибежали служители, загнали тигра в клетку и, наконец, кинули ему кусок мяса.

Не было воли Божией, чтобы голодный тигр, фактически бывший на свободе, меня растерзал.

6.

В июле 1911 года, когда я был управляющим казенной палатой в одной из западных губерний, мне было необходимо выехать по делам службы в один уездный город, стоявший на железной дороге. Когда я, имея в одной руке небольшой дорожный чемоданчик, а в другой палку, вышел на платформу, поезд медленно отходил; пока я успел подбежать к одному из последних вагонов, он ускорил свое движение. Схватившись за поручни, я хотел, продолжая держать вышеуказанные предметы в руках, вскочить на площадку, но палка, бывшая в правой руке, запуталась между моих ног и мешала мне сделать

необходимый прыжок кверху, чтобы с нижней ступеньки попасть сразу на площадку. Если бы я сделал это, — несмотря на прыжок, палка меня искалечила бы. Выпустить ее из руки я тоже не мог, так как тогда я остался бы висеть на одной левой руке, державшей одновременно чемодан, следовательно, я не имел твердой опоры, чтобы не упасть под вагон. Медлить тоже нельзя было, так как приближались столбы, на которых держалась крыша, и платформа, которые я должен был задеть. Спасения, казалось, не было.

Но вдруг на площадку вышел какой-то пассажир высокого роста. Сразу поняв, в чем дело, он взял меня за обе руки, благодаря чему я быстро вытащил палку, мешавшую мне сделать скачок, и, подняв кверху, поставил меня на площадку вагона. Я, конечно, прежде всего возблагодарил Бога за чудесное спасение, а потом горячо поблагодарил моего спасителя. Признаться сказать, пассажир, несмотря на то что я был в форме, жестоко меня побранил за неосторожный поступок. Он тоже рисковал собою, так как, не будь он сильным человеком, я мог бы увлечь его за собой под вагон.

7.

В конце февраля 1925 года в яркий солнечный день я шел в Москве по Остоженке, куда повернул, следуя из Обыденского переулка. Была сильная оттепель. С крыши громадного дома, мимо которого я проходил, сильно капало. Солнце заметно грело. Небо было безоблачное. Весело порхали и чирикали воробьи, я шел несколько медленнее, чем обычно хожу, наслаждаясь прекрасной погодой. Вдруг громадная ледяная глыба, образовавшаяся наверху над поврежденной воронкой водосточной трубы и имевшая вид сталактита, промелькнула перед моими глазами и упала у моих ног; ударившись о землю, она рассыпалась на множество кусков. Эта ледяная глыба весила, наверное, около пуда.

Иди я обычной своей походкой, глыба эта ударила бы меня по голове, и я тогда не мог бы написать этих строк.

8.

Весной 1934 года от усилившегося артериосклероза у меня начали лопаться капиллярные сосуды на руках и ногах, если я поднимал даже не очень тяжелые вещи. Однажды я пришел с базара, принеся не более 10—12 ф. продуктов, и у меня руки и ноги покрылись массою красных и синих небольших пятен от лопнувших сосудов. Я призадумался, тем более что за две недели перед этим у моей сестры в Москве лопнул капиллярный сосуд, по счастью не внутри мозговой оболочки, а на по-

верхности мозга, почему ее не разбил паралич, а лишь двенадцать дней она ходила с перекошенным лицом.

Смерть неизбежна, но быть разбитым параличом в моем положении было бы ужасно: имея больную жену, постоянно требующую помощи и ухода, сделаться в полном смысле слова инвалидом и быть в тягость другим меня не могло не пугать. Снова я пошел делать покупки, и у меня обнаружились еще более грозные явления, и невольно я пришел в удрученное состояние духа.

Когда через некоторое время я шел в этом состоянии духа на вокзал, у меня вдруг появилась интуитивная мысль: "Обратись к гомеопату". Первоначально я не обратил на эту мысль никакого внимания, но, когда я, возвращаясь домой, поровнялся с тем местом, на котором у меня появилась вышеуказанная мысль, она снова навязчиво возникла, и я решил пойти к врачу-гомеопату, приезжающему от времени до времени в наш город. Когда я пришел к нему и показал ему руки и ноги, врач спросил меня: "Вы понимаете, чем это пахнет?" Я ответил: "В лучшем случае смертью, в худшем — параличом". "Вот именно, — сказал врач, — нужно немедленно начать лечение, иначе будет плохо". Он прописал мне средство, которое очень скоро укрепило мои сосуды и подняло жизнедеятельность всего организма. Все отмеченные явления прошли. Затем другие средства, прописанные врачом, еще более укрепили мой организм: у меня прошли головокружения, и вообще развитие артериосклероза было, по-видимому, задержано, и прямой угрозы, что меня хватит паралич, по мнению врачей, налицо не имелось.

Приписываю это исключительно помощи Божией: мне была, несомненно, вложена благая мысль обратиться к врачу-гомеопату.

9.

В 1892 году я служил податным инспектором в одном небольшом уездном городке центральной России. Однажды собралось небольшое общество, которое со мной отправилось навестить одну почтенную семью, жившую в собственном доме, при котором имелся обширный сад, и в нем были "гигантские шаги". Молодые люди и девушки начали между прочим кататься на "гигантских шагах", что в юные годы и я любил делать, и соблазнили меня. Не успел я раза три пробежать вокруг очень высокого столба, как раздался едва слышный треск, и я внезапно увидел, что прямо на меня падает столб. Так как я окончил свой прыжок, то успел как-то отскочить, а бегавший со мною и еще с двумя девушками знакомый студент Московского университета, следуя за мной, был еще в

воздухе и, спускаясь на землю, оказался на пути падения столба, который ударил его всею тяжестью по животу.

Оказалось, столб был прямо закопан в землю, притом мелко, и не имел внизу для устойчивости креста, а от энергичного движения катающихся расшатался и упал по направлению наименьшего сопротивления.

Студента подняли почти без чувств, немедленно послали за доктором, который нашел, что его положение очень опасно. Потом шесть недель он лежал больной перитонитом, и его едва спасли.

Я не могу не признать, что Господь сохранил меня от большой беды, а быть может, и от смерти. Если в момент падения столба я не успел бы отскочить, то он ударил бы меня по голове.

10.

В 1898 году я схватил жесточайший острый суставный ревматизм во всем теле. Заболел я в первых числах января, а на воздух вышел только 20 мая. Чтобы радикально вылечиться, мне пришлось в июне отправиться на Андреевский (Куяльницкий) лиман близ Одессы.

Тогда жилищные условия на лимане были самые примитивные: курорт был мало благоустроен, кругом курзала был разбит небольшой чахлый садик, не дававший тени. Курорт был расположен в глубокой котловине, так что не было видно горизонта; гулять, кружась вокруг курзала, страшно надоедало. Тянуло на простор, чтобы полюбоваться природой и остаться одному, так как наскучило быть постоянно на людях и слушать бесконечные разговоры приехавших лечиться больных об их болезнях и назначенном им лечении.

В один прекрасный теплый день (лето 1898 года было очень холодное и дождливое) я не выдержал искушения: приняв грязевую ванну и хорошенько отдохнув после нее, поднялся по откосу котловины и вышел в степь. Передо мной открылся необъятный горизонт. Степь уже не была зеленая: нескольких знойных дней было достаточно, чтобы трава побурела и высохла, и особой красоты пейзаж не представлял, но воздух был удивительно чист, небо безоблачно; кругом царила тишина, и только лишь слышался клекот парящих на громадной высоте орлов. На горизонте виднелась едва заметная полоска моря. Я углубился в степь и пошел по направлению к морю. Пройдя версты две, я заметил, что местность понижается, и скоро увидел балку, которая зеленела, как оазис среди пустыни.

Подойдя ближе, я увидел ручеек, струившийся в небольшом, но широком овраге, небольшую выбеленную мазанку, окруженную несколькими деревьями и какими-то кустами; по обе стороны ручейка была густая сочная трава. На расстоянии примерно версты от хутора, к которому приближался, я ясно увидел небольшой курган среди степи, на котором маячил чабан, имея в руках длинный посох с загнутым концом, вроде посохов римско-католических епископов и аббатов. Под курганом лежало стадо овец, изнемогавших от жары. Из мазанки вышла девочка лет 12-ти в голубеньком платьице с грудой белья и стала развешивать его на протянутой от мазанки до ближайшего дерева веревке; на западе, ярко озаренном жарким полуденным солнцем, дрожал слой воздуха, и неясно виднелось море. Картина была мирная.

Мне оставалось до хутора не более 200—300 шагов, и я мечтал там отдохнуть в тени деревьев и напиться воды, как вдруг я увидел, что с кургана скатились, как мне показалось, два серых комочка и быстро покатились по направлению к хутору, поднимая вокруг себя пыль. Их заметила девочка и, бросив на землю таз с бельем, которое она не успела развесить, с громким криком: "Бабинька, бабинька, собаки!" — бросилась в хату.

Оттуда выскочила старуха лет под восемьдесят, высокая, сухая, в темном платке, завязанном в виде тюрбана, вооруженная длинной палкой. Между тем в шагах 70-ти от хутора ясно обнаружились две громадные овчарки, которые во всю прыть, припав к земле, неслись на меня. Старуха пошла им навстречу, потрясая палкой и крича: "На место! На место! Вот я вас хворостиной, на место, вам говорят!" Собаки круто повернули назад и так же быстро понеслись обратно к стаду овец, которое они стерегли, и я опять увидел два прыгающих серых комочка, поднимающих пыль и быстро двигающихся по степи к кургану.

Тогда старуха накинулась на меня и хорошенько меня выругала и прибавила: "Разве можно так по "степу" ходить? Ведь хорошо, что я была дома. Девочку собаки не послушали бы, и они тебя разорвали бы. Ах ты, отчаянная голова!"

Я вспомнил, что когда в 1896 году в Крыму я останавливался в Байдарской долине, чтобы закусить и дать возможность извозчику покормить лошадей, и захотел пойти погулять в горы, покрытые дубовыми зарослями, хозяйка постоялого двора меня отговорила, объяснив мне, что в прошлом году проезжий генерал вышел погулять, углубился в

степь и не вернулся, его растерзали овчарки, которые вблизи стерегли овец.

Не могу не признать, что меня Бог спас: не будь дома старухи или заметь меня собаки раньше, они, конечно, меня разорвали бы.

11.

В начале 1935 года, страдая очень от холода, я часа в четыре дня открыл два душника в печи в занимаемой нами комнате и, устроившись на стуле, прислоненном к печке, начал сумерничать. Меня начало очень клонить ко сну, и, наконец, я, сидя, заснул. Жена была нездорова и лежала в постели. (Замечу, что накануне жена, давно напоминавшая мне купить нашатырный спирт, что я забывал сделать, настояла, чтобы я непременно сходил за ним в аптеку.)

Вдруг я проснулся от голоса жены и ее стона. Она стала жаловаться, что ей нехорошо, что у нее невыносимо болит голова, и попросила дать ей поскорее крепкого чаю. Через 10 минут самовар был готов. Заметив, что душники открыты, жена, очень чувствительная к угару, просила их закрыть. Мне не пришлось подать ей чашку чая, так как я потерял сознание и упал.

Жена, поняв, что я угорел, вскочила с постели, подняла мою голову и дала понюхать нашатырного спирта. Я тотчас пришел в себя и, подбежав к форточке, быстро ее открыл. Сделав это, я упал снова, лишившись сознания. Опять нашатырный спирт помог мне прийти в себя, я пошел и открыл настежь выходную дверь, и мы были спасены. Правда, в комнате образовалась температура в 0°, но мы были рады, что избавились от опасности. Если бы не нашатырный спирт, принесенный мною, я и жена скончались бы от угара, так как живший с нами рядом сын хозяйки со своей семьей уехал в деревню, и в доме, кроме нас двоих, никого не было.

Многие могут сказать: "В чем же тут чудо? Здесь просто случайное совпадение обстоятельств". Но я давно уже убежден, что случая в жизни не бывает, и понимаю тех французов, которые говорят, что "случай есть бог дураков".

12.

В 1925 году я схватил жестокий грипп. Температура поднялась почти до 40,5°. Я принял аспирин, лег в постель и тепло укрылся. Ночью наступила сильная испарина, и жар к утру прошел, но я почувствовал страшную слабость, температура упала до 35,6°. Такое резкое падение температуры после сильного жара при моем слабом сердце, пораженном миокардитом,

являлось опасным для моей жизни, и прибывший меня навестить доктор С. А., выслушав меня и попробовав мой пульс, ничего мне не сказал, только покачал головой, обещав назавтра проведать. Слабость увеличивалась. Полузабытье сменялось состоянием, когда мне даже не хотелось думать; наступило какое-то полное безразличие. Жена была на службе, и я лежал в полном одиночестве.

Вечером я долго не мог заснуть, но наконец погрузился в сон. Проснулся в два часа ночи, увидев перед этим сон, который я сейчас опишу и который произвел на меня своею реальностью более чем сильное впечатление.

Сперва вижу, как наяву, своего товарища по университету, с которым был очень дружен, и спрашиваю его: "Ты за мной пришел?" — а он мне отвечает: "Нет еще".

Затем вижу так все ясно, будто бы нахожусь у митрополита Московского Филарета в кабинете. Он полулежит на софе, опираясь спиною на очень большого размера подушку в белой наволочке. На митрополите белый высокий клобук с большим бриллиантовым крестом. Он одет в темно-фиолетовую, почти черного цвета бархатную рясу, одна пола которой отвернулась, и видна была темно-розового цвета с белыми узкими полосками подкладка. Я сижу с женой рядом. Жена в черном платье. От митрополита нас отделяет палисандрового дерева большой овальной формы стол с гладкой полированной доской, без скатерти, по бортам стол имеет мелкий вырезной орнамент.

Я смотрю пристально на митрополита и размышляю о том, какой он худенький и старенький, а глаза живые и молодые. "Вот так же, — приходит мне в голову, — и покойный Батюшка, отец Алексий, какой был старенький, а глаза были как у молодого человека". "Так отмечает, — говорю сам себе во сне, — Господь Своих избранников-праведников".

Только что я подумал об этом, как вижу, что митрополит сбрасывает плед, которым были прикрыты его ноги, и встает. Встал и я с женой, будто бы поняв, что аудиенция кончилась. Митрополит Филарет оказался ниже меня ростом. Я подхожу к нему под благословение, причем неправильно сложил руки: положил сверху левую руку, а не наоборот. Слышу тихий, ласковый голос митрополита Филарета: "Как вы складываете руки. Нужно правую руку наверх, вы священник, а не знаете, как нужно подходить под благословение". Митрополит берет мои руки и перекладывает их сам как следует.

Я чувствую во сне, что страшно смутился, и густо покраснел, и зачем-то от смущения закрыл глаза, и рассуждаю сам

с собою: "Что ты сконфузился и покраснел — это понятно, но зачем глаза закрыл, — это совсем непонятно".

Вдруг слышу снова тихоструйный голос митрополита: "Зачем вы глаза закрыли? Откройте глаза", — и вижу: у митрополита в руках довольно большая икона, но узкая, покрытая зеркальным стеклом и заключенная в золоченую рамку. На иконе изображена какая-то женщина в профиль, в платье василькового цвета с накинутым на голову покрывалом темно-синего цвета, зашпиленным под самым подбородком. Вдоль бортов покрывала ясно вижу украшение из темно-синей, почти черной синели, в виде мелкой сетки, с помпончиками и петельками, которые чередуются с краю и идут до самого низа покрывала. "Это Мария Магдалина, подносящая императору Тиверию яйцо", — решаю я. "Где же яйцо?" — думаю я, всматриваясь в икону.

Между тем митрополит поднимает икону кверху и благословляет меня ею, делая иконой крестное знамение, и я тут же узнаю на иконе Пречистую Владычицу, изображенную во весь рост, но без Предвечного Младенца и смотрящую налево. Я приложился к иконе. Вдруг все исчезло. Появился откуда-то свет, и я проснулся.

Под впечатлением необычайно яркого сна я хотел постучать жене, которая спала в другой комнате, чтобы ей все это скорее рассказать, но потом решил, что не стоит ее будить, так как успею рассказать, когда жена встанет, и сделал это в 8 часов утра.

В 11 часов приехал доктор, который остался очень доволен состоянием моего здоровья, сказав, что дело идет на поправку, и разрешил мне через пять дней встать и отслужить через неделю, в мой очередной день, вечерню и утреню, а на другой день — литургию. Когда в один из ближайших понедельников я служил утреню в храме и читал первую кафизму, в храм пришел наш настоятель, чтобы кого-то исповедовать, и зашел ко мне в алтарь, желая справиться о моем здоровье.

Я рассказал о моем сне, о том, как меня покинула болезнь, которая могла иметь при неблагоприятных условиях печальный для меня исход. Мой рассказ произвел на о. настоятеля большое впечатление, и он сказал мне: "У вас какая-то нравственная связь с митрополитом Филаретом. Он, при содействии Божией Матери, вымолил вам исцеление от болезни. Припомните, что вас связывает с митрополитом?" На это я ответил, что митрополит Филарет скончался, когда мне было всего пять лет, я тогда жил в деревне и не мог даже видеть митрополита. "Нет, припомните, вас что-то, безусловно, связывает с ним".

Во время чтения шестопсалмия настоятель снова зашел ко мне в алтарь, и тут я припомнил одно обстоятельство, которое могло, думается, соединить меня духовно с митрополитом Филаретом, и поспешил передать о. настоятелю об этом обстоятельстве. "Вот видите, ясно как день, что митрополит Филарет молился за вас, и его молитве и помощи Божией Матери вы обязаны тем, что выздоровели", — сказал он, прощаясь со мной[1].

ЧТО Я РАССКАЗАЛ НАСТОЯТЕЛЮ НАШЕГО ХРАМА О СВОЕЙ НРАВСТВЕННОЙ СВЯЗИ С ПОЧИВШИМ В БОЗЕ МИТРОПОЛИТОМ ФИЛАРЕТОМ МОСКОВСКИМ

"И аз к Тебе, Господи, возвах, и утро молитва
моя предварит Тя"
(Пс. 87, 14).

"Воспою Господеви в животе моем, пою
Богу моему, дондеже есмь".
(Пс. 103, 33).

Через год после моего посвящения в иереи мне случайно попался "Троицкий листок", заключавший в себе беседу митрополита Филарета с духовными чадами о том, как нужно христианину встречать первые лучи солнца. "Обыкновенно, — говорит митрополит, — все наши мысли вращаются вокруг нас: просыпаемся и думаем о том, что нам нужно сделать, что нас ожидает днем и так далее. Не успели мы встать, уже нас охватывают заботы о своих делах и личные интересы. Обо всем мы вспоминаем, но только не о Боге, а между тем ночь миновала благополучно, и опять нам светит солнце, и как, казалось бы, естественно прежде всего возблагодарить Бога и прославить Его за то, что Он сохранил нас в минувшую ночь от всякого злого обстояния и дал нам опять узреть Свет дневной и прославить Его, а мы этого не делаем".

Эта мысль, высказанная митрополитом Филаретом, запала в мою душу, и я с этого времени начал славить Творца, как только начнет светать или, если проснусь позднее, с первым лучом солнца. Сперва я ограничивался возгласом: "Слава Тебе, показавшему нам свет", а затем читал три раза "Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение" и два раза "Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою", нередко читал и великое славословие целиком.

---

[1] Позднее я разыскал, какое изображение Божией Матери я видел во сне. Оказалось, митрополит Филарет благословил меня иконой Божией Матери, именуемой "Целительница". — *Прим. автора.*

Потом я начал прибавлять ряд коротких молитв: за ненавидящих меня и обидящих, за творящих мне пакости, за всех сирых, вдовых, убогих, одиноких, скорбящих, страждущих, немоществующих, в горькой нужде сущих, в темницу всажденных, в изгнаниях и горьких работах сущих, за всех озлобленных, милости, помощи и человеколюбия Господних требующих, прося их посетить, утешить, свободу и избаву им подать.

Теперь я благодарю Бога за то, что Он "покрыл меня в минувшую ночь своею Божественною властию, неизреченным человеколюбием и силою, сохранив от всякого злого обстояния, и воздвиг во время подобно на Свое славословие". Прошу "благословить наступивший (или наступающий) день (если солнце еще не взошло) и сподобить в день сей без греха сохранитися мне". Прошу Господа Иисуса Христа "никогда не отлучаться от меня, но всегда во мне почивать", обращаюсь и с другими прошениями, но наипаче славлю Бога, читая между прочим и последнюю иерейскую молитву, читаемую во время шестопсалмия пред Царскими дверьми. У меня в конце концов составился как бы "чин прославления Творца зело заутра".

Вот что я поведал о. настоятелю.

Усвоив указанное обыкновение, я скоро заметил, что, обращаясь с таким утренним славословием к Богу, я уподобляюсь тем евреям, которым писал ап. Петр, чтобы они, внимая пророческому слову Спасителя, "якоже светилу сияющему в темном месте, добре творили", "дондеже день озарит и денница возсияет в сердцах" (2 Пет. 2, 19).

У меня стала сиять утренняя звезда в сердце, т. е. после утреннего славословия стало наступать какое-то жизнерадостное, доброе душевное состояние. Такая утренняя молитва стала служить какой-то зарядкой на целый день. Заметив это благотворное влияние этой ранней молитвы, я стал рекомендовать своим духовным детям, а также лицам, обращавшимся ко мне за духовным советом, обязательно встречать первые лучи восходящего солнца славословием Бога.

И не было случая, чтобы лица, усвоившие это обыкновение, не благодарили меня за настоящий совет. Я лично практикую прославление Творца "зело заутра" уже скоро 14 лет. Это вошло в такую привычку, что бывали дни, что я просыпался с возгласом: "Слава Тебе, показавшему нам свет".

В конце 1935 года мне попалась книжка "Соловецкий патерик" (изд. 1873 года). Там, в описании Анзерского скита, основанного преп. Елеазаром, я прочитал следующие слова преподобного: "Однажды пришел мне помысл, что я творю угодное Богу моему и что значат мои труды и молитва? Потом

я, встав, помолился с особым усердием: "Владыко, Боже Отче Вседержителю. Вразуми меня, как прославлять пресвятое имя Твое?"

После этой молитвы я услышал небесный глас: "Всякий день молись, говоря: "Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение... Господи, прибежище был еси нам в род и род... Сподоби, Господи, в день сей без греха сохранитися нам".

Эти слова еще более утверждают меня в том, что установившееся у меня обыкновение Богу угодно и для души полезно. Бог, конечно, не нуждается ни в каких похвалах, ни в нашем славословии, но они служат только нам на пользу: мы привлекаем этим на себя много благ и благословение Божие. Мы делаемся Его храмом, святилищем, в котором он обитает. Ежедневная похвала Богу должна быть высочайшей нашей честью, веселием и радостию. Царь и пророк Давид говорит: "Как туком и елеем насыщается душа моя и радостным гласом восхваляют Тебя уста мои" (Пс. 62, 6). "Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего" (Пс. 36, 4).

Мы не должны забывать, что мы твари и рабы Божии, сотворенные для того, чтобы служить Богу, прославлять Его, и кто ежедневно не хвалит Бога, тот не раб и не слуга Божий: "Хвалите, рабы Господни, хвалите имя Господне" (Пс. 112, 1), "Славьте Господа, ибо Он благ, ибо вовек милость Его" (Пс. 117, 1). Этим требованием Сам Бог показывает, что ежедневная похвала Богу есть богослужение, но по преимуществу и все прочие виды служения Богу заключаются в ней.

К ежедневной похвале Богу должны побуждать нас милость, любовь и благость Божия. Эти побуждения приводятся в псалмах, и этим нам показывается, что вечно пребывающие милость, любовь и благость Божия должны быть для нас истинным стимулом к похвале и сердечной благодарности Богу. Не приходится говорить об искуплении нас от проклятия и вечныя смерти страданиями и крестною смертью Спасителя.

Хваля и славя Бога, мы уподобляемся ангелам и делаемся орудиями Святого Духа. "Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами... поя и воспевая в сердцах ваших Господу" (Еф. 5, 18—19).

В славословии и похвале Богу заключается высочайшая духовная радость. "Ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я радуюсь делами рук Твоих" (Пс. 91, 5)[1]. Радость же

---

[1] "Ибо ты возвеселил меня, Господи, творением Твоим; я восхищаюсь делами рук Твоих" (Пс. 92, 5). — *Прим. ред.*

Божия есть славная принадлежность вечной жизни и Божия Царствия в нас, которое есть "праведность, мир и радость во Святом Духе" (Рим. 14, 17).

Господь, указывает царь и пророк Давид, человека "умалил очень небольшим от ангелов, славою и честию увенчал его" (Пс. 8, 6)[1], а из Евангелия мы знаем, что в Царстве Небесном люди "пребывают как ангелы Божии" (Мф. 22, 30), т. е. праведных людей ожидает такая слава, что они будут равными Божиим ангелам.

Падение Адамово, состоявшее в непослушании Богу и в желании самому быть Богом, привело к потере первым человеком образа Божия и к потере им права быть возлюбленным чадом Божиим, каким он был в раю. Потеряв непосредственное общение с Богом, перестав соприкасаться с Источником жизни, человек сделался смертным и, извратив все силы сердца своего, стал врагом Божиим, орудием сатаны, сыном диавола. Падший человек все свои звериные свойства и качества стал передавать своим потомкам, и, таким образом, все человечество было обречено на гибель. И если всем нам открыт путь к спасению, то этим мы обязаны исключительно бесконечной любви и милосердию Божию. Бог не пожалел Своего Единородного Сына для спасения через Его страдания и смерть всего человечества.

Христос для того и вочеловечился и был помазан Святым Духом, чтобы через Него *обновилась человеческая природа* и мы через Него родились и сделались *новою тварью.*

Как мы в Адаме все духовно умерли и не могли ничего делать, кроме мертвых дел смерти и тьмы, так должны во Христе "ожить" и творить дела "света" (1 Кор. 15, 22)[2].

Через плоть мы унаследовали Адамову гордость, зависть, скупость, сластолюбие и всякую нечистоту, а через Духа Святого наша природа должна быть обновлена, очищена и освящена, и всякая нечистота и греховность должны в нас умереть.

Мы во Христе обновляемся для вечной жизни, возрождаемся из Христа и делаемся во Христе *новой тварью.* Страдание Христово есть вместе с тем и искупление за все наши грехи и обновление через веру.

Господь указывает, что "надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть

---

[1] "Не много Ты умалил его пред ангелами; славою и честию увенчал его" (Пс. 8, 6). — *Прим. ред.*

[2] "Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут" (1 Кор. 15, 22). — *Прим. ред.*

во Имя Его покаянию и прощению грехов" (Лк. 24, 46—47). Таким образом, проповедь и покаяние вытекают из одного источника — страдания, смерти и воскресения Христа. Злые свойства человека должны быть исправлены *покаянием.*

Покаяние заключается не только в том, что человек оставляет свои грехи, внешне исправляется, но в том, что он исправляет всю свою нравственную природу, уничтожает в себе корни себялюбия, самолюбия из любви к Богу, отвращаясь от мирских похотей и утех, всем существом стремится к духовной небесной жизни и через веру становится причастником заслуги Христовой. Это и называется "отвергнуться себя" (Лк. 9, 23), то есть отречься от своей воли, предавшись всецело воле Божией, не возвышаться, не любить себя, почитая себя самым недостойным человеком, и презирать мир. Это и есть *истинный крест, истинное иго Христово* (Мф. 11, 29)[1].

Для нового человека — это благое иго и легкое бремя, но для плоти — это горький крест, так как это значит — "распять плоть со страстями и похотями" (Гал. 5, 24). Вот почему некоторые духовные писатели, пустынники и подвижники, достигшие духовного совершенства, приравнивают борьбу человека с собственными страстями и похотями, соединенную с отсечением собственной воли и истинным внутренним покаянием, — к страданиям, которые переносили мученики за исповедание Христа. К таковому покаянию, с обращением сердца от мира к Богу, призывает нас Христос и только в таком случае обещал нам прощение грехов и свою благодатную помощь. Тогда человек становится *новою тварью* во Христе: это как бы *новое рождение,* которое одно приятно перед Богом (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15)[2].

Святой апостол Павел говорит: "Крестом мир для меня распят, и я для мира" (Гал. 6, 14)[3], т. е. я умер для мира, а мир умер для меня. Христианин продолжает жить в мире, но мир уже не манит его; мира со всеми его утехами он не любит, он ничего не желает от мира, ибо "кто любит мир, в том нет любви Отчей" (1 Ин. 2, 15).

---

[1] "...Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток есмь и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим" (Мф. 11, 29). — *Прим. ред.*

[2] "Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое" (2 Кор. 5, 17). "Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь" (Гал. 6, 15). — *Прим. ред.*

[3] ..."Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым мир распят, и я для мира" (Гал. 6, 14) — *Прим. ред.*

Когда человека крестят, то во время погружения в воду крещаемый умирает для греха, "спогребается" Христу и, подобно тому как Он затем воскрес, из воды выходит человек — как уже новая тварь; это новое рождение из Христа и происходит посредством Духа Святого и веры: "Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие" (Ин. 3, 5). "Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рожден" (1 Ин. 5, 1).

В конце обряда, сопровождающего таинства крещения и миропомазания, когда крещаемого трижды обносят вокруг купели (если он взрослый, то сам обходит вокруг купели), поется: "Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся" (т. е. которые крестились, — во Христа облеклись). С этого момента он делается "Христов", ибо в нем живет Христос, и почиет Дух премудрости, разума, совета и ведения, силы и крепости, и страха Божия, как на самом Христе.

Благодать света и познания Божия могут снизойти лишь к человеку, ходящему в святой жизни, и дальнейшая жизнь человека поэтому должна с детства быть направлена так, чтобы, начиная с усвоения одной добродетели, по благодати Божией, возрастать, успевать и в другой, так как все добродетели зависят одна от другой. "Если это в вас есть и умножается, — говорит ап. Петр во Втором своем послании, — то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа" (2 Петр 1, 8).

Родившись вновь "водою и Духом", мы должны затем "возрасти в мужа совершенна" (Еф. 4, 13)[1], т. е. как дитя прибавляется в величине тела, так христиане должны возрастать в вере и добродетельной жизни, чтобы сделаться мужами совершенными во Христе, памятуя, что тот, кто не следует Христу верою, святою жизнью и непрестанным покаянием, тот не имеет с Ним общения.

"Кто во Христе, тот новая тварь" (2 Кор. 5, 17). Быть во Христе — значит не только веровать в Него, но и жить в Нем, т. е. духовно соединиться с Ним, ибо истинная вера только та, которою весь человек оживотворяется и обновляется во Христе, которою он во Христе живет и пребывает, а Христос в нем.

Вся христианская жизнь должна быть не чем иным, как непрестанной борьбой против наследственного греха и истреблением его через Святого Духа и через истинное покаяние.

---

[1] "...Доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова..." (Еф. 4, 13). — *Прим. ред.*

Чем более человек подавляет наследственный грех, тем более, день ото дня, в нем обновляется образ Божий.

Цель же человеческой жизни, как объяснил преп. Серафим Саровский, — "стяжать Духа Святаго", т. е. такое обновление человеческой духовной природы, чтобы в человеке снова изобразился образ Божий и через веру во Христа он мог соединиться с Богом. Благодаря своему себялюбию, гордости и любочестию, человек был некогда отвергнут от Бога, лишившись совершенства, данного при сотворении, в нем отобразился образ сатаны, теперь он должен через воссоединение с Богом дойти до прежнего совершенного состояния. Совершенство же человеческое состоит в соединении с Богом. Поэтому Сын Божий и должен был сделаться человеком, чтобы человеческая природа вновь соединилась с Богом и таким образом снова была доведена до своего совершенства.

Подобно тому, как Божеское и человеческое естество лично во Христе соединены, так и все мы должны со Христом, как с высочайшим, вечным благом, быть соединены через веру по благодати, дабы исправлено было глубокое повреждение нашей природы. Поэтому у пророка Осии сын Божий говорит: "Обручу тебя Мне навек в милостях и щедротах" (Ос. 2, 19)[1], ибо мы — члены тела Христова — должны быть так соединены со своим Главой, чтобы ни жизнь, ни смерть не могли нас разлучить со Христом.

Между рождением Христа от Девы Марии и нашим возрождением есть что-то общее. Недаром то и другое совершает Один и Тот же Дух Святой. И так же непостижимо совершает Он наше возрождение, как непостижимо было Его участие в Рождестве Христовом.

Апостол Павел так изображает всю суть Рождества Христова и главную причину его: "А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные" (Евр. 2, 14). Все люди — дети Божии. Для Бога, Который сотворил людей, они так же близки, как дети. Но Бог бесконечно возвышается над всем миром и над людьми; хотя ближе всех тварей был к Нему человек, благодаря его душе и духу — образу Божию, но все же человеческое тело, грубо вещественное, было как бы преградой между Богом и людьми, стеной между душой нашей и Богом — Духом Бестелесным. И вот Бог захотел уничтожить эту преграду между Ним и Его детьми. Так как люди, дети Его, по душе по-

[1] "И обручу тебя Мне навек, и обручу тебя Мне в правде и суде, в благости и милосердии" (Ос. 2, 19). — *Прим. ред.*

добные Ему, причастны плоти и крови (то есть душа их неразрывно соединена с телом), то Бог благоволил "восприять преискренне", т. е. стать "причастным плоти и крови".

Если принять во внимание всю высоту Божию и Его величие как Творца, что Он — существо, противоположное веществу (материи), истинный Дух, неизмеримый и бесконечный, это может показаться совершенно невозможным, но для Всемогущего Бога стало возможным, и "Слово плоть бысть" (Ин. 1, 14).

Послав на землю Сына Своего во плоти "рождаема от жены", Бог вместе с тем послал в наши сердца "Духа Сына Своего" (Гал. 4, 6). Господь Иисус Христос Сам говорил о Себе: "Дух Господень на Мне" (Лк. 4, 18). Видимым образом Он [Святой Дух] сошел во время Крещения Господа нашего Иисуса Христа и, исполнив Своею святостью и чистотою всю человеческую душу Сына Божия, стал так же близок Ему по человечеству, как был близок по Божеству.

Апостол Павел объясняет, чем проявляется и в чем сказывается это обитание в сердцах наших Духа Сына Божия: этот Дух "вопиет", т. е. громко говорит, восклицает в сердце нашем: "Авва, Отче". Он громко называет Бога Отцом. И если мы не слышим Его, то только потому, что крики земные и о земном заглушают Его, что мы не хотим и слышать этого "вопля" в сердцах наших, отвращая от Него слух наш и направляя его на другие звуки и слова.

Тысячи лет человечество не смело называть Бога Отцом, даже небольшая часть человечества — избранный народ Божий — не смела называть Бога своим Отцом и не чувствовала в Боге Отца своего, а видела главным образом Законодателя и грозного Судию, каравшего за всякое нарушение закона.

Только с Рождеством Христовым произошло наше *всыновление Богу*, и только Христос научил человечество называть Бога Отцом Небесным, и не только научил, а дал почувствовать в Боге Отца, готового все дать нам, и самое невозможное по законам природы. Только с этого времени человек почувствовал себя освободившимся из-под гнета этого мира, самых стихий его, стал жить "не по стихиям мира сего" (Кол. 2, 8).

Но Спаситель, приявший нашу плоть, ставит Себя в еще более близкие, интимные отношения к человеку, говоря Своим ученикам, что Он возлюбил их (и в лице их всех людей) так, как возлюбил Его Отец (Ин. 15, 9), называет их друзьями (Ин. 15, 14), заповедует им любить друг друга, как Он возлюбил их (Ин. 15, 12).

Снизшедший на землю Господь наш Иисус Христос вступил в благодатное сродство с нами и "не стыдится братиями нарицати" нас (Евр. 2, 11). Но чтобы быть достойными этого высокого общения и *союза*, чтобы не отвергнуть от себя снисшедшего с небес Господа, нам необходимо удаляться от тьмы греха и приближаться к свету веры, благочестия и добрых дел.

Все, что сделано Господом нашим Иисусом Христом для человечества, обязывает каждого христианина и христианку. Христиане, призванные теперь иметь общение с Богом (1 Ин. 1, 1—10; 2, 1—5), должны понять, на какую высоту они подняты Христом, Который *обожил* нашу плоть, вознесшись с нею на небо и воссев одесную Бога Отца, и должны поэтому вести себя так, чтобы быть достойными высокого звания "сына" и "дщери" Бога Отца и "друга" Христа. "Кто говорит: "я познал Его", но заповедей Его не соблюдает, тот лжец, и нет в нем истины; а кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась: из сего мы узнаем, что мы в Нем. Кто говорит, что пребывает в Нем, тот должен поступать так, как Он поступал" (1 Ин. 2, 4—6).

Апостол и евангелист Иоанн Богослов, обращая внимание на то, какую любовь Бог дал нам, чтобы нам называться детьми Божиими, прибавляет: "Возлюбленные, Мы теперь дети Божии, но еще не открылось, что будем. Знаем только, что когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть" (1 Ин. 3, 2).

Вот какие обетования даются человеку, от которого требуется только, чтобы он любил Бога и соблюдал Его заповеди, причем исполнение последнего требования Спаситель выдвигает как признак, что человек действительно Его любит (Ин. 14, 15; 21, 23) и Господь пребывает в нем.

Апостол и евангелист Иоанн Богослов прямо говорит, что "всякий пребывающий" во Христе "не согрешает", а "всякий согрешающий не видел Его и не познал Его" (1 Ин. 3, 6). "Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть Любовь" (1 Ин. 4, 8).

Любовь к Богу должна побуждать нас сохранять достоинство христианина и давать нам силу и желание не совершать тех грехов, за которые Христос должен был заплатить кровию Своею и Своею жизнью.

Таким образом, все, именующие себя христианами, но не оставляющие греховных навыков и не имеющие между собой любви, "распинают Христа снова и ругаются над Ним или поносят Его" (Евр. 6, 6)[1]. Ведя нехристианскую жизнь, они фактически отрекаются от Христа и от истинной веры. Такая жизнь есть ложное христианство. "Кто не со Мною, тот против Меня" (Лк. 11, 23), — прямо говорит Спаситель.

Христианин рано или поздно должен избрать путь вечной жизни, а не путь земного благополучия и услаждения плоти, иначе он не будет истинным христианином. "Мы смотрим не на видимое, но на невидимое, ибо видимое временно, а невидимое вечно" (2 Кор. 4, 18).

Мы сотворены не для этого видимого мира, где мы "странники и пришельцы"; отечество наше — небо: "ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего" (Евр. 13, 14). Человек должен прежде всего обновиться внутренно — "облечься в нового человека, созданного по Богу" (Еф. 4, 24), и всю кратковременную жизнь употребить на развитие у себя христианских добродетелей. Из всех же добродетелей величайшая — Любовь. Притом она исполнение закона: в ней заключаются все заповеди (Рим. 13, 9—10)[2]. Она — вечная. Ни к каким дарам, ни к каким наукам, ни к каким достижениям человек не должен так стремиться, как к любви: он должен "уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы исполниться всею полнотою Божиею" (Еф. 3, 19).

Любить Бога следует не из-за временных благ в надежде, что Он сохранит человека от временных земных несчастий. Такая любовь показывает, что человек любит себя больше, чем Бога, и свое благоденствие предпочитает Богу. Но человеку надлежит любить Бога более, чем самого себя, более, чем все блага и самое счастье и несчастье, надлежит любить именно из-за Бога. Чтобы была любовь от чистого сердца и доброй совести и "нелицемерной веры" (2 Тим. 1, 5), нужно, чтобы любовь наша была руководима Духом Святым и созерцанием всей жизни Христовой с Его святыми страданиями, ибо эта жизнь дает пример чистой и ясной любви. Эта чистая любовь, происходящая от Христа и Святого Духа, производит в человеке только хорошее и не бывает никогда праздной.

---

[1] "...Они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему" (Евр. 6, 6). — *Прим. ред.*

[2] "Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя. Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона" (Рим. 13, 9—10). — *Прим. ред.*

Чистая любовь к Богу побуждает человека к истинной молитве. Как друг получает от своего друга все желаемое, так любящий Бога человек — "друг Божий" получает от Бога все, о чем только попросит. О такой любви говорит пророк и псалмопевец царь Давид: "Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца Твоего" (Пс. 36, 4).

Каждый христианин крещен и помазан Духом Святым, и Он побуждает человека непрестанно воздыхать, возносить дух человека к Богу, а вместе с Собою возвышает его над землей.

Истинная молитва, производимая Духом Святым, вытекает из глубины сердца, она никогда не будет той лицемерной молитвой, о которой сказал Бог: "Приближаются ко мне люди эти, устами своими и языком своим чтут Меня, а сердце их далеко от Меня (Ис. 29, 13)[1].

Приняв в соображение все вышеизложенное, надлежит сделать вывод, что христианство, при содействии Духа Святого, должно в корне *преобразить человека*. Исповедуемая человеком христианская религия не должна быть каким-то *придатком* к его жизни, подобно тому, как, например, болтающийся на часовой цепочке брелок, который сам по себе не имеет никакого отношения к карманным часам: часы идут и показывают время независимо от того, висит ли при них брелок, или нет.

Христианская религия должна пронизать и видоизменить всю жизнь человека: христианизирована должна быть его общественная и государственная деятельность, его семейная жизнь и, наконец, личная. Истинный христианин познается только по своей жизни, как дерево познается только по плодам своим. Везде и всегда он должен быть с Христом. Предполагая сделать какой-нибудь шаг, начать какое-нибудь дело или дать согласие или отказ на сделанное ему предложение, христианин должен постоянно запрашивать свою совесть, как в настоящем случае поступил бы Христос и, в зависимости от этого, принимать то или другое решение. Если же явится какое-нибудь сомнение или затруднение, то обратиться с молитвой к Богу: "Господи, вразуми. Господи, настави", — памятуя слова Спасителя, что "без Меня не можете сделать ничего"[2], и что первая мысль, которая приходит после молитвы, — от Бога.

---

[1] "...Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня... (Ис. 29, 13). — *Прим. ред.*

[2] Ин. 15, 5 — *Прим. ред.*

Мы в вечерней молитве просим Христа, чтобы Он никогда от нас не отлучался, но всегда в нас почивал, и Христос всегда будет в нашем сердце, если мы только сами не удалим Его нашими нехристианскими поступками и помыслами. Христианин должен знать, что без молитвы никаких спасительных даров от Бога он не получит (Иак. 1, 17), и какие бы высокие дарования он ни имел, не должен думать, что уже все имеет: это едва только начало, ему еще много недостает. Нужно развивать эти дарования, оберегая себя от духовной гордости и не приписывая себе и собственным силам духовных даров, но только благодати Божией.

Постепенно совершенствуясь, идя по духовному пути, получая постоянную помощь от Бога в благодатных таинствах и в ответ на молитвы, к Нему обращенные, христианин делается все ближе к Богу, очищение же сердца дает наконец общение с Богом, а общение с Богом выпрямляет и устрояет всю личность христианина. Я имею в виду не то богообщение, которого удостаиваются подвижники, достигшие полной бесстрастности (30-я ступень "Лествицы" преподобного Иоанна[1], а то возможное для каждого христианина общение, о котором говорит Гоголь в своем замечательном письме к Языкову, написанном в 1843 году. В этом письме Гоголь сообщает, что прямо получал от Бога ответы на вопросы свои, *молитвенно обращенные к Нему*, и что при помощи молитвы он достигал Божественного озарения или поэтического, художественного вдохновения.

Только лишь при общении с Богом в молитве и в таинствах могут обнаружиться и показать полное развитие все сокровища человеческого духа, и человек может получить полную свободу от греха.

"Навык к добродетели, — говорит Никита Стифат, — есть восстановление сил души в первобытное их благородство и сочетание во едино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действования, а это не со вне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и через это входим мы в царство небесное, которое, по слову Господа, внутрь нас есть" (Добротолюбие. Первая сотница деятельных глав, стр. 101[2]).

Господь никого не влечет к Себе насильно, ибо, будучи Любовью, Он не уничтожает ничьей свободы. Человек, обладая

---

[1] В сочинении "Лествица" преподобного Иоанна о бесстрастии повествуется в 29-м слове, соответствующем 29-й ступени духовного восхождения. — *Прим. ред.*
[2] Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. М., 1900. С. 101. — *Прим. ред.*

свободной волею, может избрать тот путь, который он желает, или быть с Богом, быть Его сыном и другом, или стать на путь самоутверждения личности и даже на путь открытого богоборчества.

Но самоутверждение личности, противопоставление ее Богу является источником дробления, распадения личности, обеднения ее внутренней жизни. Это можно наблюдать и на отдельных лицах, и на их совокупности: мы видим, как дробятся и рассыпаются общество и личность до самых тайников своих, желая жить без Бога и устраиваться помимо Бога, самоопределяться против Бога. Само безумие является не чем иным, как дезинтеграцией личности, как следствием глубокого духовного извращения всей нашей жизни.

Многие считают, что все возрастающие неврастении и другие нервные болезни истинною причиною своею имеют стремление людей жить *по-своему*, а не по-Божьему, жить без закона Божия — в нравственной анархии.

Без любви (а для любви нужна прежде всего любовь Божия) личность рассыпается в дробность психологических элементов и моментов. Любовь Божия — связь личности. Грех — момент разлада, распада и развала духовной жизни. Душа теряет свое субстанциональное единство, теряет сознание своей творческой природы, теряется в хаотическом вихре своих же состояний, переставая быть субстанцией их.

Во грехе душа ускользает от себя, теряет себя. Душа человека теряет свободу, и он делается *рабом греха*. Извращая свое отношение к Богу, человек тем самым извращает и свою нравственную, а затем даже и телесную жизнь. Всех грешников Спаситель приравнивает к больным, нуждающимся в помощи врача. "Душевноживущие, и потому называемые душевными, суть какие-то полоумные, как бы параличом разбитые," — говорит Никита Стифат[1]. Известный психиатр доктор В. Чиж[2] в своем труде "Психология наших праведников" (Вопросы философии и психологии. 1906, кн. IV, V) утверждает, что все святые представляются, с точки зрения психиатра, типично здоровыми людьми. Это же говорит и целый ряд других психиатров, русских и иностранных. Напротив, расстройство душевной жизни, часто при сравнительно хорошей сохранности умственных процессов, прежде всего выражается в разложении и даже уничтожении нравственной

---

[1] Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. С.112. — *Прим. автора.*

[2] Чиж Владимир Федорович (1855—1914), профессор Юрьевского университета, д-р медицины, автор ряда книг, освещающих явления духовной жизни людей, а также литературных персонажей, с точки зрения психиатрии. — *Прим. ред.*

области. По указанию психиатра В.Чижа, эта нравственная порча доходит до "поразительной неспособности понять добро и зло", до "отсутствия нравственного закона в душе". Такой человек делается, следовательно, существом аморальным.

Одна из моих духовных дочерей, прекрасно образованная и давно ставшая на духовный путь, передавала мне, что она познакомилась в Москве с одним выдающимся пастырем — о. Сергием Щукиным, бывшим ранее настоятелем собора в г. Ялте. О. Сергий был духовным отцом писателя А. П. Чехова, который бывал у него, живя в Ялте и очень его почитал, и некоторых других известных лиц. По ее отзывам, о. Сергий был отмечен перстом Господним, и было ясно, что на нем почила благодать Божия. По своему смирению, любви к людям, молитвенной настроенности, пониманию души человеческой этот пастырь, по ее словам, напоминал о. Алексия. И ей удалось несколько раз с ним беседовать по вопросам, которые ее не только интересовали, но и мучили, ибо она сама не могла их разрешить, и о. Сергий много дал ее душе, разъяснив ее недоумения и сомнения.

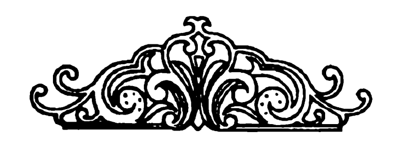
В 1933 году о. Сергий скончался: его переехал грузовой автомобиль, давший неожиданно задний ход, так как дорогу перебегала какая-то девочка. Он возвращался в это время из церкви домой, отслужив литургию. Хоронили о. Сергия очень торжественно. Народу было, по словам моей знакомой, бывшей на похоронах, не менее 10 тысяч человек, так что движение трамваев приостановилось. Тяжело ей было терять человека, который своими беседами и молитвенным общением облегчал ее жизненный путь и содействовал тому, что у нее стал устанавливаться мир в душе, но она страдала еще и потому, что не все успела передать о. Сергию, что у нее остались еще вопросы, не дававшие ей покоя, и мучили разного рода сомнения. Горячо молилась она об упокоении души почитаемого ею пастыря и мысленно выразила сожаление, что она не успела разрешить при его помощи целый ряд вопросов в религиозной области, ее интересовавших. В ту же ночь ей приснился о. Сергий Щукин и сказал: "Не жалейте, что мы многого с вами не разобрали, все это неважно; *самое главное в жизни– наше отношение к Богу*".

Почти теми же словами выражался незабвенный Батюшка о. Алексий, говоря о нашем спасении.

Из всего вышеизложенного вытекает, что христианин обязан установить *правильное* отношение к Богу. Во главу угла должно быть поставлено именно *наше* отношение к Нему, ибо отношение Бога к нам известно: "Бог есть любовь" (1 Ин. 4, 8),

и для нашего спасения от "греха проклятия и смерти" Он не пощадил Своего Единородного Сына.

Христос говорит: "Се стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною" (Откр. 3, 20). И мы должны не закрывать двери нашего сердца и установить общение с Источником нашего спасения, памятуя, что "если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжем и не поступаем по истине" (1 Ин. 1, 6).

О МОЛИТВЕ

Признаком правильного отношения человека к Богу является м о л и т в а, ибо это свойство истинного христианина, крещенного и помазанного Святым Духом, являющегося нашим учителем и утешителем (1 Ин. 2, 20)[1]. Молитва — не только беседа с Богом, но, еще более, возвышение горе верующего сердца и ума и всех сил души (Пс. 18, 15)[2].

Без молитвы не находят Бога, молитва есть именно то средство, при помощи которого ищут и находят Бога (Мф. 7, 7—8). Молитва есть залог и узы, которыми Предвечная Любовь привлекает нас к Себе и желает возможно дольше удержать у Себя.

У с т н а я молитва возвышает душу и дух к Богу и является смиренным, добрым внешним упражнением — дерзновенной беседой с Богом; она ведет человека к в н у т р е н н е й молитве, а затем и к благодатной (сверхъестественной), как об этом говорит апостол Павел (1 Кор. 14, 15)[3].

Внутренняя молитва творится непрестанно в вере, духе и уме, как говорит Господь наш Иисус Христос: "Истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине" (Ин. 4, 24), "беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает скорбь" (Пс. 76, 7)[4], "Приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче" (Рим. 8, 15).

Внутренней молитвой человек приводится к молитве благодатной (сверхъестественной), которая является истинным соединением с Богом через веру, так что сотворенный дух наш совершенно растаивает и погружается в несотворенный Дух Божий. При такой молитве душа наполняется любовью к Богу, так что она может мыслить только о Боге, если же на сердце и ум приходят и мысли, и чувствования о другом, то это от-

---

[1] "...Вы имеете помазание от Духа Святаго и знаете все" (1 Ин. 2, 20). — *Прим. ред.*

[2] "Да будут слова уст моих и помышления сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и Избавитель мой" (Пс. 18, 15). — *Прим. ред.*

[3] "Стану молиться духом, стану молиться и умом" (1 Кор. 14, 15). — *Прим. ред.*

[4] "...Беседую с сердцем моим, и дух мой испытывает: неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить?" — *Прим. ред.*

зывается печалью в душе. При такой молитве душа не допускает ничего говорить языку или весьма мало, всегда воздыхает о Боге, ищет Его, в Нем находит единственное удовольствие, забывает весь мир и все сущее в мире и все более и более Богопознанием, любовью и радостью исполняется, и радости той не может выразить язык.

"Кто любит Меня, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам" (Ин. 14, 21), — говорит об этом Спаситель[1]. Это высшая награда человеку на земле за его любовь к Богу.

Таким образом, без устной молитвы нельзя достигнуть внутренней, а без внутренней — сверхъестественной, почему Бог и повелевает так усердно и так часто молиться.

Но молиться нужно от всего сердца, иначе молитва будет бесплодной.

Из примера Господа нашего Иисуса можем получить наставление об этих трех видах молитвы, если мы внимательно рассмотрим, как Он молился. Часто Господь проводил в молитве подряд несколько дней и ночей (Лк. 6, 12), молился Он изо всех сил (Лк. 22, 44), в молитве радовался (Лк. 10, 21). Сам предаваясь молитве, Он и нас и словом, и делом учил этому (Мф. 6, 9—13). Как говорил Он Своим ученикам: "Бодрствуйте и молитесь, да не впадете в искушение" (Мф. 26, 41).

Побуждая нас к молитве, Спаситель показывает, что для Него нет ничего дороже и приятней нашей молитвы, и что за нее Он нас так любит, что мы можем получить от Него всякое благо для души. А чтобы мы не могли иметь никакого сомнения, будто бы нельзя получить этот высокий и благородный плод молитвы, Он не только сказал: "Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна" (Ин. 16, 24), но даже собственным примером побуждал нас к молитве. Молился о нас во время Своих страданий, как говорит евангелист: "И, находясь в борении, прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю"[2].

---

[1] "Кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам" (Ин. 14, 21). — *Прим. ред.*

[2] О молитве Господа нашего Иисуса Христа имеются указания в Св. Евангелии: Мф. 6,5—15; 7, 12—17; Мк. 1, 35; 6, 46; 14, 32—40; Лк. 6, 12; 9, 28—29; 11, 5—11; 18, 1—15; 21, 36—37; 22, 41—45; Ин. 5, 22; 15, 4—8; 16, 23—25. О молитве находим сведения: в Деяниях апостольских: гл. 4, ст. 8, 10, 16, 31, 32; в посланиях апостолов: Иак. 5, 13—14; Иуда, 1, 20—21, Павла: Рим. 12, 12; Еф. 6, 8; Фил. 4, 6—7; 1 Фес. 5, 18; 1 Тим. 2,1—2. — *Прим. автора.*

Вся жизнь Христа была не что иное, как непрестанная молитва и воздыхание о том, чтобы исполнить волю Божию. И окончил Он на кресте Свою жизнь с молитвою (Лк. 23, 46).

Мы должны подражать Спасителю, но молиться горячо и благоговейно человек может лишь тогда, когда будет иметь перед глазами смиренную кроткую жизнь Христову. *Без истинного смирения все молитвы напрасны.*

Спаситель и здесь должен служить примером. Он учил людей смирению не одними словами, но и делом, смирив Себя даже до крестной смерти (Фил. 2, 3), почему и мог сказать: "Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем" (Мф. 11, 29). Умыв ноги своим ученикам (Ин. 13, 4—5, 12—16), Спаситель хотел своим примером насадить в нас добродетель смирения.

Истинное смирение делает то, что душа видит прежде всего *собственную свою нищету и ничтожество*. Любовь, соединенная со смирением, всегда судит и осуждает сначала себя, а потом других. Видя пороки, недостатки, ошибки ближнего, она обращается сама к себе и самое себя оплакивает, ибо в падении ближнего она видит свое собственное бедственное состояние. О погрешностях ближнего любовь милосердствует (Гал. 6, 1)[1], почему мы с терпением, смирением и кротостию должны помогать ему, [прощать] слабости и бремя [его] носить.

Для того, чтобы молитва наша была услышана, необходимо, чтобы мы искренно, от всей души простили нанесенные нам людьми обиды, оскорбления и сделанное нам зло, чтобы в нашем сердце, в тайниках его не оставалось скрытых озлобления и недоброжелательства к этим людям.

Господь обусловливает исполнение нашей молитвы проявлением на деле нашего смирения и любви к людям, что должно выражаться именно в прощении нанесенных ими обид. "И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших" (Мф. 6, 14—15)[2], — говорит прямо и категорически Господь наш Иисус Христос.

---

[1] "Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая за собою, чтобы не быть искушенным" (Гал. 6, 1). — *Прим. ред.*

[2] "Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (Мф. 6, 14—15). — *Прим. ред.*

Так же категорически Спаситель в другом месте указывает, как высоко нужно ставить личность человека, как образ Божий, не оскорбляя уничижительными словами и отзывами о нем. Спаситель прибавляет: "Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой" (Мф. 5, 23—24).

Поступаем ли мы так, как заповедал нам Божественный Основатель нашей религии? Увы! В большинстве случаев — нет. Если мы внешне и примиряемся с обидевшим нас, то делаем это более из политики или из светского приличия, затаивая в душе злобное против него чувство и проявляя при всяком удобном случае к нему недоброжелательство, стараемся ему повредить хотя бы в общественном мнении. А как часто, ставя во главу угла свое самолюбие и гордость, обижаемся на ближнего за его ошибку или неумышленно нанесенную обиду, а сами в то же время позволяем себе умышленное резкое с ним обращение, заглазное злобное осуждение, прощая себе все, не прощаем ближнему ни малейшего его промаха, тогда как мы должны быть строгими к себе и снисходительными к другим.

Неудивительно поэтому, что весьма часто исполняется молитва более грешного, чем мы, человека, только потому, что, вредя грехами своей душе и телу, он имеет в сердце мир и прощает всем их обиды, ошибки и даже нанесенные ему оскорбления. И это понятно: где мир, тишина, лад, любовь — там Господь.

Каким является лицемерием и как фальшиво звучат в устах людей, не обладающих христианским всепрощением, слова молитвы Господней: "И остави нам долги наша, *якоже и мы оставляем должником нашим*".

А мы дерзаем каждый день повторять эти слова, заведомо зная, что это неправда. Этого мало, мы со злобой в душе против брата нередко приступаем к таинству Св. Причащения, забывая или ставя ни во что слова апостола Павла: "Кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы" (1 Кор. 11, 27—31).

Имея сердце враждующее, невозможно причащаться Крови Христовой, из любви пролитой с изобилием.

Из притчи о должниках (Мф. 18, 24—35) видно, что Бог гневается, как на великий грех, на немилосердие: долг Он может забыть, но не забудет немилосердия: "... так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца брату своему согрешений".

Господь повелевает любить даже врагов наших, благословлять проклинающих нас, благотворить ненавидящим нас, молиться за обижающих нас и гонящих нас, и тогда, говорит Он, мы будем сынами Отца нашего Небесного (Мф. 5, 44—45). Он Сам возлюбил нас, когда мы были врагами Его (Рим. 5, 10), и утверждает, что если мы не станем любить наших врагов, то не сможем быть сынами Отца нашего Небесного. Не любящий брата пребывает в смерти (1 Ин. 3, 14), ибо он не имеет истинной жизни.

Но помимо всего этого следует помнить, что прощать оскорбления есть свойство *высокой, благородной* души. Истинно любящий ближнего ни на кого легко не гневается, кроме себя. Истинный мир состоит не в великом счастье, но в смиренном терпении злополучия. Мужественный дух не способен к хулению.

Самое *великое и благородное* мщение — скоро прощать. Таким прекрасным, мудрым правилам жизни следовали знаменитые, славные мужи древности. Перикл (греческий оратор), терпев целый день ругательства от одного человека, велел вечером проводить его домой, чтобы с ним чего-нибудь не случилось, и сказал: "Мудрость сказывается не в том, чтобы поносить добродетель, а в том, чтобы уметь ей следовать".

Афинский военачальник Фокион, совершивший много прославивших его подвигов, был из зависти осужден на смерть. Когда его спросили, не завещает ли чего-либо он своему сыну, то он ответил: "Ничего, кроме только того, чтобы он не мстил своему отечеству за это насилие".

Римский император Тит, узнав, что два брата замыслили похитить императорскую власть и вступили в заговор, чтобы умертвить его, пригласил их в тот вечер, когда это должно было совершиться, а на другой день взял их с собой в цирк, где смотрел игры, посадив их рядом с собой. Таким милостивым образом своего поведения он победил злобу.

Когда Катон, мудрый римский сенатор, закололся, то Юлий Цезарь, узнав об этом, воскликнул: "Теперь я лишился величайшей победы, ибо я был намерен простить Катону все нанесенные мне оскорбления".

Библия дает нам также великие примеры прощения обид и оскорблений: с каким терпением сносил Моисей хулы и поругания от народа, будучи, как говорит Писание, кротчайшим

из всех людей на земле (Чис. 11—12), и как терпел своего ругателя Семея царь и пророк Давид (2 Цар. 16, 10).

А Господь наш Иисус Христос, уподобившийся терпеливому агнцу, не отверзающему Своих уст, не только простил Своих врагов и мучителей, но еще молился за них. И как скоро Бог умилостивляется и каким Он обладает всепрощением, говорит 102-й псалом: "Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Не до конца гневается и не во век негодует... Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его" (Пс. 102, 8, 9, 13).

Апостол Павел в XII главе (ст. 19—20) Послания к римлянам заклинает их не мстить за себя, давая место гневу Божию, ибо написано: "Мне отомщение, и Я воздам" (Втор. 32, 35), и убеждает их, если враг голоден, накормить его, если жаждет — напоить его. "Ибо, делая сие, — говорит апостол, — ты соберешь ему на голову горящие уголья" (Притч. 25, 21—22).

Что это значит? То, что воздаяние добром за зло является не только самым благородным актом мести, но и смиряет противника. Человек, так поступающий, не сам себя возвышает, но его благородный образ действий настолько ставит его выше противника, что тот, если, конечно, имеет совесть и человек порядочный, должен невыносимо страдать от сознания, как он низко пал по сравнению с лицом, им обиженным, и что он не способен на такой высокий и благородный поступок[1].

Что же мешает нам развить у себя христианское смирение, и почему самое трудное для человека — твердо решить стать на этот путь? Препятствием служит гордость.

Гордость поистине мать грехов, так как начало зла в мире положено падением Денницы, возгордившимся и свергнутым с Неба. Когда-то светлый Серафим, богато одаренный по сотворении высокими качествами — красотой, премудростью, светом, славой, — Денница начал любить больше всего самого себя и восхвалять свои достоинства, воздавая честь не Богу,

---

[1] Я в своей жизни никому из лиц, меня оскорбивших или сделавших мне зло, не мстил даже дурным о них отзывом. Делал я это не потому, что я обладаю достоинствами истинного христианина, а вследствие случайности — воспитания, полученного мною от родителей, служивших мне примером высокого благородства, порядочности и уважения к достоинству человека. Благодаря этому, я с юных лет признал месть, клевету, зависть и неблагодарность чувствами рабскими, хамскими. Отец мой всегда мне внушал, что самая благородная месть врагу — сделать ему добро. Когда я слабыми своими стопами пошел по духовному пути, то утвердился в этом еще более, найдя, что усвоенные мною правила жизни соответствуют христианским началам. Но интересно, что все лица, сделавшие мне сознательно зло, пострадали так или иначе. — *Прим. автора.*

даровавшему ему высокие совершенства, но себе самому и любовь свою направил от Бога к себе самому, развратив своею гордостью других ангелов, над которыми он начальствовал.

То же происходит в жизни и с гордым человеком, развивающим у себя самолюбие, честолюбие, тщеславие, желание властвовать или руководить другими и стремиться исключительно к своей пользе. Он не только вредит себе, но невольно вызывает у других стремление ему подражать, в особенности если он достигает высокого положения в государстве или в обществе и вообще завоевывает себе, часто без всяких заслуг, но смелостью, властолюбием, резкостью, способностью отомстить или сделать какое-либо зло и вообще нещадностью, так что его боятся, — командные высоты в частной и государственной жизни.

История каждого народа являла нам тысячу примеров, когда гордость идет рука об руку с успехами смелых людей на жизненном пути, содействуя укреплению в них эгоизма и полному угашению любви к другим людям.

Усвоение некоторыми людьми учения Ницше о сверхчеловеке особенно этому содействовало. Ежедневно мы наблюдаем в человеческих отношениях великую злобу, ужасную гордость, ненависть и зависть. По мнению злой и гордой души, другой человек должен быть или ничто, или, во всяком случае, ниже него.

Такую жестокую завистливость и гордыню посеял диавол в человеческую душу и потому, по причине такой завистливости, ненависти и вражды, в человеческой душе отобразился облик и образ сатаны.

Вот почему человеку, желающему побороть в себе гордость, надлежит *просить Бога* о двух вещах: чтобы в нем *разрушился образ сатаны* и, потом, чтобы *восстановился образ Божий*. Без молитвы никаких спасительных даров от Бога получить нельзя (Иак. 1, 17).

Но предварительно человек должен сам положить начало в борьбе с гордостью, следя за своими мыслями, словами и поступками. Он должен понять, что если диавол хочет, чтобы ему поклонялись, то такого диавола, который желает, чтобы все ему поклонялись, носит в своем сердце каждый гордец и честолюбец, почему ему следует стараться ниспровергнуть в своем сердце и низложить этого идола, памятуя, что гордость человека подвергает его падению вместе с диаволом.

Большую помощь в борьбе с гордостью и вызываемыми ею грехами (честолюбием, славолюбием, тщеславием, превозношением, осуждением других и т. д.) оказывает размышление о бренности всего земного, ввиду неизбежной нашей смерти,

о ничтожестве человека и о том, что все дарования, которые мы имеем, даны Богом.

Псалмопевец царь Давид, чтобы указать на ничтожество человека, уподобляет его тени, говоря: "Человек ходит, подобно тени" (Пс. 38, 7). Потом уподобляет его сновидению, которое проходит мимо (Пс. 89, 6).

Сама по себе тень не имеет ни жизни, ни существования, подобно ей, и человек сам по себе не имеет ни жизни, ни силы, ни могущества, но, как тень от тела, как сияние от солнца, зависит от Бога. Сновидение же, которому уподобляет человека псалмопевец, не что иное, как тщета (Сир. 34, 2).

Когда же человек забывает, что он как тень и зависит от Бога, Который Один есть все, и начинает думать, что он есть нечто, тогда как он ничто, то он обманывает самого себя (Гал. 4, 3), ибо он отпадает от истинного Существа, Которое все, в собственное ничто; от устойчивого, вечного Бога — в суетную тщету; от Истины — в ложь. Отвращаясь же от Бога, человек "оставляет камень спасения" (Втор. 32, 15).

Если человек твердо решит "положить начало благое" в борьбе с гордостью и начнет на этом пути первые шаги самостоятельно, он всегда получит благодатную помощь от Бога.

Мой религиозный опыт мне показал, что Господь протягивает руку помощи, подобно тому, как Он протянул ее утопавшему ап. Петру: человек должен иметь не только произволение, т. е. искреннее доброе намерение и решение исправить свою жизнь, перестав грешить, но должен начать приводить в исполнение это решение, сделав самостоятельно первые шаги по пути спасения, начав борьбу со страстями и греховными привычками. В то же время, сознавая свою слабость и памятуя слова Спасителя: "Без Меня не можете ничего делать"[1] и "Я с вами до скончания века"[2], он должен взывать к Богу о помощи.

Кроме молитвы ему следует, конечно, прибегать к спасительным таинствам, получая через них от Господа благодать и силу к перенесению искушений и к борьбе с грехами и страстями.

Благодать поэтому и называется *"содействующей"*, что она только помогает людям приводить в исполнение их решение начать новую жизнь по Христовым заповедям, но не *принуждает* их изменить свою жизнь, отстав от греховных привычек. У преп. Иоанна Кассиана находим подтверждение

---

[1] Ин. 15, 5. — *Прим. ред.*
[2] "...Я с вами во все дни до скончания века" (Мф. 28, 20). — *Прим. ред.*

этой мысли. Спасительный процесс, по Кассиану, представляется в следующем виде: "произволение по переходе в волевой акт может быть при содействии благодати, понимаемой в смысле внутренней действующей силы. Отсюда начало доброго волевого акта (желание добра и помышление о нем) может полагаться самим человеком".

И это вполне понятно: люди не пешки, а существа, созданные по образу и подобию Божию, обладающие свободной волей, и Господь Бог, — Существо совершенное и свободное, призвавшее нас к святой совершенной жизни, назвавшее нас своими "детьми" и "друзьями" и желающее по Своей бесконечной любви быть с нами в постоянном общении, может иметь это общение только с существом свободным же. Христос совершает спасение людей в области свободного духа, область же свободного духа раскрывается только свободными усилиями человека.

Но Христос Спаситель, призывая нас к смирению и служа примером истинного смирения, одновременно предлагает нам быть и кроткими, каким был Он. Кротость и смирение находятся, несомненно, во взаимодействии. Эти высокие качества души дополняют одно другое: человек, который, при помощи благодати, достиг смирения, будет всегда стремиться быть кротким, а развивший у себя кротость, соединенную всегда со всепрощением, делается и смиренным.

Иисус Христос, отвечая ученикам на вопрос, кто больше в Царстве Небесном, сказал: "...истинно говорю вам, если не обратитеся и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном" (Мф. 18, 3—4). И в другой раз, когда ученики не допускали к Нему детей: "...не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие. Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него. И обняв их, возложил руки на них и благословил их" (Мк. 10, 14—16).

Какое же главное свойство дитяти? Прежде всего, каждый ребенок (за исключением лишь детей ненормальных, имеющих плохую наследственность, а также живущих в плохих условиях домашней жизни и наблюдающих кругом проявление зла во всех видах или переносящих это на себе) отличается незлобивостью и кротостью. Ребенок поэтому скоро прощает и забывает обиды. Он жалеет человека и животных и если делает иногда им зло, то несознательно. Далее, дитя (за исключением детей ненормальных или неумело воспитываемых — балуемых — и являющих собою лицемерные типы) отличается искренностью и правдивостью. Он верит каждому слову родителей и воспитателей и доверяет им.

Каждая несправедливость огорчает и возмущает ребенка. Он отличается непосредственностью.

Все эти свойства, которые, казалось бы, должны украшать человека, так как, несомненно, относятся к элементам праведности, у людей, за очень редкими исключениями, не сохраняются. Жизнь с ее борьбой и треволнениями в миру, который "во зле лежит", ломает человека, и те качества, которые Спаситель ставит так высоко и которыми человек обладал в детстве, или совершенно им теряются, или они проявляются в столь слабой форме и так редко, что не замечаются и не бывают его характерной особенностью.

Популярные учения разных властителей дум современных людей, проповедущих, что право на жизнь имеют лишь сильные, что "падающего нужно подтолкнуть", что человеку все дозволено, почему он должен лишь дерзать, и что смелые, дерзновенные люди, ни с чем не считающиеся, кроме своей воли и стремлений, и дадут в будущем "сверхчеловека", особенно содействовали отрицательному отношению людей к кротости. Кротость поистине не в чести обретается. Если в наш жестокий век доброта у людей считается за глупость, добродушие за тупость, деликатность за слабость, то кроткому человеку отводится, можно сказать, последнее место, как круглому дураку. Где месть именуется "святой", а ненависть — "священной", там кротость не может быть уделом "умных людей".

Да и в прежнее время кротость людьми не особенно-то жаловалась. Еще у женщин ее переносили, считая иногда кротость их "украшением", подобно тому, как выражаются, что слезы — сила женщины. В частности "обывательской" жизни и в прежнее время к кротким людям относились снисходительно-иронически. Про кроткого, прощающего обиды и неспособного "отомстить" (под чем иногда понималось умение постоять за себя) человека в обществе прямо говорили в лучшем случае с сожалением: "Он не от мира сего" , или называли "Божьей коровкой", в худшем — "теленком", "овцой".

Да и женщины, например, не переносят кротких мужчин. Большинство женщин полагают, что человек только тогда может считаться сильным и только тогда он может быть опорой жены и с ним можно смело пускаться в плавание по жизненному морю, если он не обладает мягкостью, а тем более кротостью, делающих, по их мнению, человека слабым, неспособным к борьбе и к должному в потребных случаях отпору.

Мы знаем, как, например, низко расценивала мудреца и философа Сократа его собственная жена — Ксантиппа, которая, не только вследствие своей необразованности и неда-

лекости, не могла понять, как велик был ее муж, но те унижения, которым она его подвергала, вплоть до выливания на голову помоев, объясняются, несомненно, тем, что Ксантиппа не выносила кротости и незлобивости Сократа, это претило ей как женщине. Семейная жизнь Сократа является классическим примером того, как ненавистна женщине кротость в мужчине.

Чем дальше мы пойдем в глубь веков, тем ярче будет у женщины это свойство. Первобытная женщина уже прямо признавала и ценила у мужчины одну грубую силу и всегда принадлежала более сильному.

Из истории еврейского народа мы знаем, что пророк-боговидец Моисей был "кротчайшим из людей" и как "жестоковыйный" еврейский народ, благодаря этому, мало ценил его высокие нравственные совершенства, праведную жизнь, глубокую веру и близость к Богу, часто ропща, отказываясь исполнять его повеления, хотя они исходили от Бога, и даже поднимая возмущения.

То же следует сказать и о кротчайшем царе, пророке и псалмопевце Давиде, которого позволяла резко осуждать собственная жена Мелхола, когда он, при переносе в Сион ковчега Завета не только славил Бога в псалмах, бряцая на органе и тимпане, но в священном восторге плясал, идя впереди этой святыни. А как издевались и глумились над ним собственный сын Авессалом и Семей! И царь Давид все с кротостью переносил и даже ограждал их жизнь.

Вообще в жизни кроткий человек всегда проигрывал и проигрывает. Люди обыкновенно долго присматриваются к нему с недоверием, авансом признавая его недалеким и, лишь когда он удивит их каким-нибудь выдающимся высоконравственным поступком, примиряются с этим невыгодным для него свойством души. Тогда как человек, обладающий характером властным, мстительным, суровым, да если он к тому же имеет внушительную внешность, всегда сразу завоевывает себе положение среди людей и расценивается ими более высоко, чем кроткий, миролюбивый, хотя бы первый и не блистал ни умом, ни дарованиями. Иначе относится Бог к людям кротким: "На кого иного воззрю, — говорит Господь, — если не на кроткого и молчаливого, трепещущего словес Моих" (Ис. 66, 2). "За верность и кротость его (Моисея) Он (Бог) освятил его, избрал Себе из всех людей" (Сир. 45, 4). "Наставит (Господь) кроткия на суд, научит кроткия путем Своим" (Пс. 24, 8).

Вот что говорит премудрый царь Соломон о кротости: "Кроткое сердце — жизнь для тела, а зависть — гниль для

костей" (Притч. 14,30). "Кроткий язык — древо жизни, но необузданный язык сокрушение духа" (Притч. 15, 4). "Кротость склоняет к милости вельможу, мягкий язык переламывает кость" (Притч. 25, 5).

Апостол Петр указывает, что пусть украшением женщин будет "не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом" (1 Пет. 3, 3—4).

Кротость потому является столь высоким свойством человека, что она есть плод духа, как любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, воздержание (Гал. 5, 22—23). "Кротость ваша, — пишет апостол Павел Филиппийцам, — да будет известна всем человекам. Господь близко" (Флп. 4,5).

Тот же апостол в Послании к Титу (3,2) предлагает ему напоминать пастве, чтобы верующие никого не злословили, не были сварливыми и оказывали "кротость во всем человекам".

Кротость предохраняет раздражительность от возмущения, и смирение освобождает ум от надмения и тщеславия" — говорит Максим Исповедник (см.: "Добротолюбие", т. III, стр. 189).

Господь Иисус Христос дает великие обетования людям, достигшим кротости: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" (Мф. 5, 5).

Это говорится о конечных судьбах человечества и Церкви, и поэтому не должны мы смущаться тем, что наблюдаем теперь на земле преобладание везде и во всем зла над добром и грубого насилия над миролюбием и кротостью. Верно по этому поводу говорит оставивший по себе светлую память покойный епископ Таврический Михаил Грибановский (1857—1898) в своем замечательном труде "Над Евангелием": "Пути Церкви в руках Бога. Предадим Ему пути наши и не будем бояться. Он выведет, как свет, правду нашу и справедливость нашу, как полдень. Мы должны твердо верить в силу и крепость нашего Бога. Даже гнева мы не должны допускать в своем сердце, видя успехи беззаконников, и тем более ревновать до того, чтобы им делать зло". И далее, указывая, что во вселенной все в руках Божиих, продолжает: "Злые силы, побивая и ниспровергая друг друга, а иногда карая и добрых за преступления и грехи, исполняют великий закон нравственного возмездия и неумытной справедливости, которая присуща самим стихиям мира и от которой никто и нигде вырваться не сможет. И этот закон рокового саморазрушения зла, насилия,

гибнущего от собственного же насилия, исполняясь здесь, на земле, очищает на ней место торжеству кротости. "Уповай на Господа и держись пути Его: и Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю" (Пс. 36, 34).

Гордость препятствует человеку развить у себя смирение[1], воспитать же у себя кротость человеку мешает также одно из проявлений гордости — *самолюбие* и боязнь, что в наш суровый век беспощадной борьбы за существование люди его сметут с дороги, сомнут. Человек больше всего боится быть смешным.

Кроткий человек, как мы знаем, резко отличается от окружающих, кажется каким-то лицом, "свалившимся с луны", непонятным другим людям, и это ему иногда показывают, отчего страдает его самолюбие, и, остановившись на полпути своего совершенствования, он иногда начинает делать все возможное, чтобы быть "как все люди".

Во втором же случае окончательно утвердиться в намерении быть кротким препятствует слабая вера в помощь Божию и в связи с этим боязнь людей и жизни.

Вообще все почти люди стремятся быть всегда как другие люди. Громадное большинство людей не уясняют себе, что они должны беречь свою индивидуальность, что каждый человек резко отличается от другого и физическими особенностями, и душевными свойствами, и разными дарованиями. "Каждому из нас дана благодать по мере дара Христова" (Еф. 4, 7), о чем также говорится в евангельской притче о талантах.

Гармоническое сочетание смирения и кротости, к чему должны стремиться все христиане, дает ту *простоту* людям, о которой говорил Спаситель, посылая апостолов на проповедь, заповедуя им быть мудрыми, как змеи, и кроткими, как голуби (Мф. 10, 16). Простота не есть простоватость, о которой народная мудрость давно сложила поговорку, что она "хуже воровства".

Мы видим, что Господь Иисус Христос сочетает простоту с мудростью. Простота выражается в искренности, в прямом образе действия, в отсутствии фальши и лицемерия, в доверчивости, в доступности, ласковости, приветливости, в уважении личности другого, в хранении чистым сердца и в тому подобных свойствах, наблюдаемых у детей и с возрастом постепенно исчезающих. Простота и безыскусственность при-

---

[1] Выше уже упомянуто, что гордость заразительна. После того, как это было мною написано, я прочитал в книге Премудрости Иисуса сына Сирахова (13, 1) следующее подтверждение этой мысли: "Кто прикасается к смоле, тот очернится, и кто входит в общение с гордым, сделается подобным ему". — *Прим. автора.*

сущи больше всего именно детям, и поэтому иногда говорят "он прост, как ребенок", а этот часто иронический отзыв показывает только, что человек, о котором так выражаются, наиболее приблизился к идеалу, данному нам Спасителем.

Все добродетели, требуемые для того, чтобы человек стал подвижником, суть оттенки одной главной, которую, в противоположность раздробленности и пестроте, можно было бы назвать *цельностью* души, *целомудрием* души, *простотой*, позволяющею быть кротким, незлобивым и чистым, дающею силы совершать подвиги без колебаний и сомнений, но и без внутреннего самоутверждения, самопревознесения и самолюбия. Эта высочайшая и коренная добродетель достигается чрез самоуглубление, или *покаяние* (свящ. П. Флоренский. Столп и утверждение истины[1]).

Вот что говорит о простоте как о высшей подвижнической добродетели преподобный Исаак Сирин: "Бывает смирение от страха Божия, и бывает смирение от любви к Богу: иной смиряется по страху Божию, другой по радости. И смиренного по страху Божию сопровождают во всякое время скромность во всех членах, благочиние чувств и сокрушенное сердце, *а смиренного по радости сопровождает великая простота*, сердце возрастающее и неудержимое" (Слово 89[2]).

Простота — источник и корень чистоты. "Чистота есть забвение способов ведения через естество, заимствованных от естества в мире. А чтобы освободиться от них и стать вне их, вот сему предел: прийти человеку в первоначальную *простоту* и в первоначальное незлобие естества своего и сделаться как бы младенцем только без младенческих недостатков" (Слово 21[3]).

В Великом (покаянном) каноне св. Андрея Критского много раз встречаем обращение к Богу, во Св. Троице поклоняемому, — "Троица простая", "Троица есмь проста", — чем неоднократно подчеркивается, что Бог есть Единственное Существо простое, Которое Одно может поэтому признаваться Духом в истинном, высоком смысле этого слова.

"Сущность Божия совершенно *проста* и *неделима*, по самому естеству имея в себе простоту и бестелесность", — говорит св. Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Учение о раздельности имен Лиц Св. Троицы, по его словам,

---

[1] Цитируемый текст принадлежит Исааку Сирину и приводится о. Павлом Флоренским. См. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 341–342. — *Прим. ред.*

[2] См. там же, с. 762. — *Прим. ред.*

[3] См. там же, с. 762. — *Прим. ред.*

не уничтожает "однородности Совершеннейшего", ибо "назначение имен не повредит нераздельному единству Совершеннейшего" (письмо к Филагрию о единосущии. Журнал "Христианин". 1913 г. №12. С. 1491).

"В Боге есть *единая* и *единственная* природа, именно та, которая существует действительно". При наличии одной субстанции, "три Лица являются соприсущими, совершенными и совечными" (письмо блаж. Иеронима Стридонского к римскому папе Дамасу).

"Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы", — говорит апостол и евангелист Иоанн (1 Ин. 1, 5). Отсюда упоминание в антифонах и молитвах: "Свете тихий", "облистание Божества", "осияние", "озарение", "Слава Тебе, показавшему нам свет", "спаси мя Твоим осиянием" и т. п. Термин "осияние" и ему подобные указывают не только на свет умный — свет Триипостасного Божества, "свет разума", но и на *видимый, несозданный* Фаворский свет — энергию Триединого Божества. Учение о Фаворском свете *нетварном*, исходящим от Источника Света, развито св. Григорием Паламой, архиепископом Фессалоникийским, и признано Церковью учением *православным*.

По этому поводу Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический, говорит: "Священное Писание называет Бога *Светом*. Название сие по обыкновенному разумению выражает следующее свойство Божие: Его чистоту. Но не выражает ли оно и существа Божия? Не есть ли Бог в самом деле Свет? И Существо Его не имеет ли чего похожего на свет? ("О Боге вообще, как Учредителе царства нравственного или небесного"[1]).

Это утверждают почти все мистики, особенно же на этом останавливается известный мистик Джон Пордедж[2], излагая целое учение о Боге, как *неизреченном свете*. "И такого Света, — между прочим говорит он, — Который все должны признавать за Нечто вещественное и за существенное совершенство, не можно отрицать Богу, не касаяся *Славы Его*. О сем тем менее можно сомневаться, что в Откровении Иоаннове о Вечной Жизни точно сказывается: "И нощи не будет тамо и не истребуют светильника или света солнечного; понеже Бог Господь будет освещать их" (Откр. 22, 5). И в другом месте: "Бог есть Свет, понеже Свет есть жизнь. Как Бог есть

---

[1] Цитата приводится в книге о. Павла Флоренского "Столп и утверждение истины". М., 1914. С. 656. — *Прим. ред.*

[2] Пордедж Джон (1625—1698) — английский философ и богослов, известный толкователь Я. Беме. — *Прим. ред.*

бесконечное Существо, так есть Он и бесконечный Свет" (Ин. 1, 4—5).

Но не следует забывать, что все наши понятия о Боге, как говорит Григорий Нисский, не что иное, как идолы и кумиры, запрещенные десятисловием" (Слово 71) и что "слово о Боге тем совершенней, чем непонятнее" (Григорий Богослов. См. об этом у П. Флоренского названный труд[1]).

Человек, хотя и имеет духовную сущность (дух и душу), но, по объяснению некоторых богословов и праведных людей, его дух и душа, будучи невещественными, имеют, однако, тончайшую оболочку из эфира, который служит последнею гранью вещественного бытия. Эту же оболочку имеют и все духи, сотворенные Богом до создания мира.

Следовательно, по мере достижения простоты, человек все более и более приближается к Богу, исполняя завет Спасителя: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Мф. 5, 48).

Но как бы ни был смирен человек и каким бы он ни обладал всепрощением, для того чтобы его молитва доходила до Бога, он должен твердо верить. Без твердой веры в то, что молитва будет исполнена, что нам внимает "Творец бесчисленных миров", всякая молитва будет напрасна. Это мы знаем из Евангелия, где находим множество слов Спасителя о необходимости всякому просящему иметь веру и о том, что при вере, если она будет даже мала — с горчичное зерно — возможны чудеса; даже гора, которой будет сказано стронуться с места и ввергнуться в море, подчинится этим словам.

Здесь мы опять встречаемся с необходимостью для нас установить правильные отношения к Богу, ибо *правильное отношение человеческого ума к Уму Божественному, или подчинение Ему, и есть вера*. Верует же в Бога твердо, без всякого колебания, не мудрствуя, тот, кто окончательно победил эгоистическую веру в себя (в свой ум, в свои таланты, в силу своей воли) и иллюзию о человеческом достоинстве. Но кто еще любит себя, кто думает устроиться в чем бы то ни было без Бога, тот не может верить в Бога, как надлежит, тому, вероятно, в разных случаях жизни вера будет казаться делом неразумным, как любовь к другим людям кажется непонятной эгоисту. Любовь и вера всегда идут рука об руку, и прав поэт, когда говорит: "Любовь есть веры ключ живой".

---

[1] Указ. соч. С. 691. — *Прим. ред.*

А так как каждый человек может впасть в искушение и, подражая Деннице, начать мнить о себе много, "почитать себя чем-нибудь, будучи ничто..." (Гал. 6, 3), то необходима постоянная усердная молитва к Господу об умножении и укреплении веры, как делали апостолы, прося Спасителя: "Умножь в нас веру", и как поступил отец бесноватого юноши, воскликнувший (услышав слова Господа Иисуса Христа: "Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему"): "Верую, Господи, помози моему неверию" (Мк. 9, 23—24).

Но мы должны не только *веровать* в милосердие Божие, в Его безграничную любовь, в то, что Он нас слышит, что Он "близ нас" и готов каждому из нас протянуть руку помощи, но должны верить, т. е. "*доверять*" Богу. Этим словом указывается на *нравственную связь* тех людей, которые веруют, с Богом. В псалмах рассыпано много фраз и выражений, которыми псалмопевец как бы подчеркивает, что это доверие к Богу покоится на прочном основании, на полном любви, промышления и заботы отношении Бога к человеку, желающего утешить его в скорби, помочь ему, поддержать и спасти его.

Как трогательно об этом говорится, например, в 62-м псалме: "Прильпе душа моя по Тебе, мене же прият десница Твоя (прилепилась к Тебе душа моя, меня же поддерживает десница Твоя": здесь псалмопевец сравнивает отношение Бога к человеку с матерью, которая, когда носит своего младенца на руке, другой поддерживает, обнимая его, и ребенок, прижимаясь к матери, *доверяя* ей, чувствует себя в безопасности).

Не менее трогательно изложено отношение к человеку Бога, которое не может не вызывать доверия к Нему, в 90-м псалме ("Живый в помощи Вышнего"). Также мы находим отдельные фразы и выражения, указывающие на то, что мы должны *доверять* Богу на основании всего того, что он делает и сделает для нас, в псалмах: 3, 5, 6, 7, 9, 11, 15, 17, 18, 19, 21, 24, 28 и во многих других).

При наличии во время молитвенного обращения к Богу горячей веры, прощения обид недоброжелателям и врагам, смирения, кротости и полного доверия к Богу с убеждением — что ни делает Господь, то к лучшему, — молитва исполняется, часто *моментально*, даже умная (мысленная), как показывают примеры молитв преподобного Серафима Саровского, праведного о. Иоанна Кронштадтского, оптинских старцев, покойного Батюшки и многих других праведников и подвижников благочестия.

Если человек не достиг такого совершенства, как они, и следовательно, не может надеяться на *моментальное* исполнение молитвы, он все же должен молиться: мы находим в

св. Евангелии немало указаний, что все, чего мы ни попросим с верою у Бога, будет нам дано (Мф. 21, 22), чтобы радость наша была совершенна (Ин. 16, 24). Нашей молитвой мы показываем, что мы не презираем этого Божьего обетования, напротив, утверждаем, что эти обетования достойны почитания, так как Бог не может отклоняться от истины.

В св. Евангелии мы находим указание, почему иногда Господь замедляет исполнение нашей молитвы: это делается для испытания и укрепления нашей веры (притча о неправедном судье). Бог не нуждается в нашей молитве, тем более в многословной, предупреждая всех Своих всеведением (Пс. 2, 138 и др.), и если повелевает нам молиться, побуждает и увещевает к тому, то не ради Самого Себя, что было бы возможно, если бы Он не знал наших нужд, но ради нас самих, чтобы мы, возбуждаясь молитвой, приходили сами к их познанию.

Всякий, кто оставляет молитву, не только нарушает повеление Господа нашего Иисуса Христа, заповедовавшего нам непрестанно молиться и не унывать (Мф. 7, 7; Лк. 18, 10—14), но лишает себя возможного общения с Богом, презирая великое обетование, которое Он присовокупляет к Своему повелению: "Призови Меня в день скорби, и Я избавлю тебя" (Пс. 49, 15).

Господь отвечает нам на наше к Нему молитвенное обращение исполнением молитвы, если это полезно нашей душе. А если наша молитва не всегда исполняется и мы из-за этого перестаем обращаться к Богу, то наша вера может не только уменьшиться, но даже мало-помалу и совсем потеряться.

Между тем вера должна быть могучей силой для человека, ибо ничем иным мы не можем победить грех, смерть и диавола, как только верою. Не приходится говорить о том, что молитва не только содействует увеличению веры в человеке, но при ее посредстве мы получаем Святого Духа (Лк. 11, 13), ибо, вознося ежедневно наши сердца к Богу, мы входим с Ним в общение и приближаемся к Нему.

Молитва охраняет нас от многих грехов и падений, от жизненных ошибок, от злых людей и врагов и их козней, и также от диавола и его наваждений, от всяких бед и напастей, почему Господь и говорит: "Бодрствуйте и молитесь, да не впадете в напасть" (Мф. 26, 41). Наконец, молящийся, а тем более непрестанно молящийся, *имеет великую надежду на спасение*: "Всякий, кто призовет имя Господне, спасется" (Рим. 10, 13).

КАК НАДЛЕЖИТ МОЛИТЬСЯ

Молитва есть дерзновенная беседа твари с Творцом, и если мы, находясь пред высшими представителями земной власти, держим себя почтительно, внимательно выслушивая их слова и распоряжения, то кольми паче мы должны, стоя на молитве, проникнуться мыслью о величии Божием, о том, что мы Ему предстоим, обращаться к Нему с любовью и с величайшим благоговением, творить молитву не спеша. "Не твори на молитве угодия ленивой плоти, — говорит о. Иоанн Кронштадтский, — не торопись: плоть, скучая и тяготясь святым делом, поспешает скорее к концу, чтобы успокоиться или заняться делами плотскими, житейскими" ("Моя жизнь во Христе", стр. 164). Произнося слова молитвы без всякой небрежности, мы должны вникать в их смысл и постоянно держать в мыслях, что лишь по неизреченному милосердию Божию нам, грешным людям, дозволяется обращаться с молитвой к Небесному Отцу, когда мы, собственно говоря, по нашим грехам должны только лежать во прахе и непрестанно взывать о помиловании.

"Проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением", — говорит пророк Иеремия (Иер. 48, 10), а об одной формальной молитве, творимой без участия души и мысли, сказал Свое слово Господь наш Иисус Христос, объяснив, что люди, творящие такую лицемерную молитву, приближаются к Нему одними устами и чтут Его языком, сердце же их далеко отстоит от Него, и что чтут они Его *тщетно* (Мф. 15, 8—9).

Во время молитвы мы должны внимательно следить за собой, ничем от нее не отвлекаясь, ничем не развлекаясь, почему наиболее действенна молитва в уединении, как молился Спаситель, — "в пустынных местах", и как Он указывал — в отдельной комнате.

Мой личный опыт мне показал, что чем пламеннее молитва, чем больше чувствуешь потребность вознестись духом к Богу, тем больше мешает молиться враг рода человеческого, отвлекая от молитвы, внушая посторонние мысли и всячески препятствуя сосредоточиться.

Получается то, что мы наблюдаем, когда ткется полотно: основа — это слова молитвы, идущие ввысь — к небу, и влечение нашего сердца к Богу; уток — посторонние мысли, внушаемые нам темной силой, отвлекающие нас и постоянно нам напоминающие о земле. Все это переплетается, как переплетается основа с утком в ткани.

Если не будешь бдительным, посторонние мысли могут совершенно заглушить молитвенный порыв, изменить настроение; навеянная мысль может так заинтересовать, что язык станет повторять слова молитвы без всякого участия ума и сердца.

Еп. Феофан (Затворник) говорит, что для человека нет греха, если во время молитвы ему приходят посторонние мысли, но грех, несомненно, наступает тогда, когда человек ими заинтересуется и молитва, вследствие этого, делается машинальной. Он, между прочим, советует, чтобы избежать сего, учить молитвы наизусть и, молясь, читать их на память. Может быть, одним это помогает лучше сосредоточиться, но я заметил на себе, что когда я читаю молитвы по книжке, то посторонние мысли приходят реже. Тут каждому нужно применяться к своей индивидуальности.

Медленное чтение молитвы помогает вникать в смысл каждого слова молитвы и содействует сохранению молитвенного настроения и внимания. Если заметишь, что прочитал какую-либо молитву без внимания, лучше ее повтори.

Молиться нужно *дерзновенно*, т. е. искренне и безбоязненно просить Бога о том, в чем мы чувствуем нужду, а сами себе пособить не можем, *уверенно*, т. е. с полной надеждой, что всякая молитва наша, произносимая с верой, будет исполнена, и *настойчиво*, вспоминая слова Спасителя: "Толцыте и отверзется вам", и притчу Его о неправедном судье.

Так молился о. Иоанн Кронштадтский. Он даже интонацией голоса показывал, что уверен в том, что молитва его будет услышана, почему иногда казалось, что он не просит, а требует, хотя молитва его была всегда благоговейная и смиренная.

"На молитве будь, как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы. Считай себя за ничто, молитвы принимай как великий дар Божий. От своего разума плотского совсем откажись и не внимай ему, ибо плотский разум "кичит" (1 Кор. 8, 1), сомневается, мечтает, хулит," — говорит о. Иоанн Кронштадтский.

Затем этот великий молитвенник говорит: "Внутренний человек из-под суеты света, из-под мрака плоти своей, не связанной искушениями лукавого, выглядывает свободнее утром,

по пробуждении, как рыба, выбрасывающаяся иногда на поверхность воды. Все остальное время он покрыт почти непроницаемой тьмою; на его очах лежит болезненная повязка, скрывающая от него истинный порядок вещей духовных и чувственных. Ловите же утренние часы: это — часы как бы новой, обновленной временным сном жизни. Они указывают нам отчасти на то состояние, когда мы восстанем, обновленные, в общее утро, не вечернего дня воскресения, или когда разрешимся от этого смертного тела" ("Моя жизнь во Христе", стр. 20, 37).

Мой личный, весьма скромный религиозный опыт показывает, что ранняя утренняя молитва, хотя бы она состояла вначале в одном славословии, произносимом в постели, до совершения обычного келейного правила, дает как бы зарядку на целый день, сообщая духовную бодрость, хорошее, ровное настроение, а иногда и особую духовную радость, даже среди скорбей и испытаний.

Вот что говорит по этому поводу о. Иоанн Кронштадтский: "Чтобы провести день совершенно свято, мирно и безгрешно — для этого единственное средство — самая искренняя, горячая молитва у т р о м, по восстании от сна. Она ведет в сердце Христа со Отцем и Духом Святым и таким образом дает силу и крепость даже против приражений зла; только хранить свое сердце надобно".

Иногда для человека, очень занятого, или спешащего куда-либо по делу, или усталого, нет возможности совершить все келейное правило, тогда его лучше сокращать, но делать это лишь в исключительных случаях. Так учили преподобный Серафим Саровский и преподобный Амвросий, оптинский старец.

О. Иоанн Кронштадтский говорил: "При молитве держись того правила, что лучше сказать пять слов от сердца, нежели тьму слов языком".

Он же объяснял: "Можно ли молиться с поспешностью? Можно, тем, которые научились *внутренней* молитве чистым сердцем... но *не стяжавшим* сердечной молитвы надо молиться неспешно, ожидая соответствующего отголоска в сердце каждого слова молитвы. А это не всегда скоро дается человеку, не привыкшему к молитвенному созерцанию. Поэтому редкое произношение слов молитвы для таких людей должно быть положено за непременное правило" (стр. 27).

Я лично испытал на опыте верность этого положения.

О. Иоанн между прочим говорит: "В молитве требуется, во-первых, чтобы предмет молитвы был высказан определенно или, по крайней мере, в сердце было ясно сознание и желание его; во-вторых, чтобы это желание было высказано с чувством и живым упованием на милость Владыки или Божией Ма-

тери; в-третьих, нужно твердое намерение впредь не согрешать и творить во всем волю Божию: "Се здрав еси, к томуже не согрешай, да не горше ти что будет" (Ин. 5, 14).

При молитвенном обращении к Владычице или к святым тот же пастырь советует: "Вообрази твердо, что ты член Церкви, в которой Владычица — главный камень здания ("Начальница мысленного назидания" — акафист Пресвятой Богородице, икос 10), и знай, что ты тесно связан внутренно со всеми небожителями, как камень здания, хотя мягкий и не твердый. Так понимая себя, поймешь, почему молитвы столь легко доходят к святым: ибо все одушевлены одним Духом Божиим" (стр. 271). Нужно, следовательно, помнить, что Бог "во святых почивает", почему они и слышат наши молитвы. В заключение этого абзаца приведу молитву утреннюю, которую читал о. Иоанн: "Боже, Творче и Владыко мира. Призри милостиво на создание Твое, украшенное Твоим Божественным Образом в сии утренние часы: да живит, да просветит Твое Око, тьмами тем крат светлейшее лучей солнечных мою душу темную и умерщвленную грехами. Отыми от меня уныние и леность, даруй же мне веселие и бодрость душевную, да в радовании сердца моего славлю Твою бесконечную премудрую благодать, святость. Твое беспредельное величие, бесконечные Твои совершенства на всякий час и на всяком месте. Ты бо еси Творец мой и Владыко живота моего, Господи, и Тебе подобает слава от разумных созданий Твоих на всякий час, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

А к ней присоединю и молитву оптинских старцев, которую, по моему мнению, полезно читать по утрам при совершении келейного правила:

"Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне вполне предаться воле Твоей Святой. На всякий час этого дня во всем наставь и вразуми меня, открой мне волю Твою для меня и окружающих меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все воля Божия. Во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами. Не дай мне забыть, что все послано Тобою. Научи меня правильно и разумно действовать с каждым членом моей семьи, никого не огорчая, никого не смущая.

Господи, дай мне силы перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня, руководи моей волей и научи меня молиться".

Полезно каждый день читать псалом 90 "Живый в помощи Вышнего".

О МОЛИТВЕ ПО СОГЛАШЕНИЮ

В Евангелии от Матфея в гл. 18, ст. 19—20 читаем следующие слова Спасителя: "Истинно также говорю вам, что если двое из вас на земле согласятся просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них".

Как много раз каждый из нас читал эти слова, и как мало мы в них вникали. Эти изречения мы обыкновенно не воспринимаем духом как безусловную истину и склонны приравнивать их к нравственным сентенциям, к правилам жизни, которых немало на каждой странице Евангелия, хотя в той же священной книге и читали слова Господа нашего Иисуса Христа: "Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Лк. 21, 33).

Мне, по крайней мере, — каюсь — ни разу не приходило в голову, что в приведенных словах Божественного Основателя нашей религии по Его бесконечному милосердию дается людям прямое указание на то, что, если их постигли беда, болезнь, несчастье, тяжелое потрясение или они впали в какое-нибудь безвыходное положение, когда никто из людей не может им помочь, — не все потеряно: есть выход, есть прибежище, это — усердная молитва к Богу *по соглашению с другими.*

И так я продолжал бы относиться к этим словам Спасителя, если бы не следующий происшедший со мной случай в 1927-м или 1928 году (хорошо не помню).

1.

Пошел я навестить доктора С. А., жившего недалеко от моей квартиры со своими сестрами, с которыми я также был знаком. Вхожу в гостиную и узнаю от младшей сестры его О. А., которая одна была дома, что доктор еще не вернулся, причем мне бросилось в глаза, что О. А. имеет заплаканные глаза; лицо ее выражает большую скорбь, почему я с участием спросил ее: "Что с вами? Какое у вас горе?" Она мне ничего не ответила и горько заплакала.

Немного погодя, несколько успокоившись, О. А. мне объяснила, что у нее есть любимая товарка по гимназии, большой ее друг, которую она любит, как близкую родную, и она умирает. Консилиум врачей, с участием видных профессоров пришел к заключению, что спасти ее нет возможности, так как у больной общее заражение крови, жар свыше 40°, и она вся покрылась нарывами.

Мне стало жаль и свою знакомую О. А., и эту уходящую из мира молодую женщину, только что разрешившуюся от бремени первым ребенком. Вдруг у меня блеснула мысль, никогда ранее не приходившая в голову, несомненно, мысль интуитивная, и я воскликнул: "Не плачьте, дорогая О. А. Не все потеряно. Бог не без милости: вспомните слова Христа о молитве по соглашению, приведенные в 18-й главе Евангелия от Матфея, которая всегда, если только это не может повредить нашей душе, исполняется; по соглашению с вами будем усердно молиться о спасении вашей подруги, будем настойчиво, с глубокой верой просить об этом Спасителя, и Он услышит нашу молитву, я верю в это". Моя знакомая снова зарыдала и сквозь слезы проговорила:

— Не просите меня об этом: московские светила сказали, что мою подругу спасти нельзя, и я не могу лелеять мысль об ее спасении, понимаю, что она умирает, и молиться о том, что произойти не может, не могу, не просите меня.

— Как же вы, такая верующая, проявляете такой скептицизм? Ведь я потому и предлагаю вам молиться, что наука бессильна помочь вашей подруге, но есть Владыка неба и земли, Владыка и нашей жизни. Он, если захочет, может ее спасти и продлить ее дни, — проговорил я, сильно волнуясь.

— Нет, не могу, не просите меня о том, что свыше моих сил.

Мне осталось только уйти. Выйдя на ул. Кропоткина[1], я вдруг снова воспринял интуитивную мысль, настойчиво повторявшуюся в моем мозгу: "Поезжай к Т... ".

Это была очень верующая благочестивая старушка, бодрая духом, но совершенно больная. Когда она была еще в состоянии ходить, всегда бывала в храме, но затем, получив острый ревматизм, подагру и размягчение костей, молилась дома. Кто ее, бывало, ни попросит молиться, — она запишет в свой синодик имена умерших или живых, нуждающихся в молитвах, и пока дочь, содержавшая ее, была на службе — она целые дни поминала всех в своих молитвах. Мне надо

[1] Ныне улице возвращено ее прежнее название — Пречистенка. — *Прим. ред.*

было идти обедать, но я сел в трамвай и поехал к Т... Я иногда ее исповедовал и причащал на дому, и старушка меня любила и почитала. Когда я приехал к ней не в урочное время, она удивилась, но приняла меня сердечно и приветливо. Узнав, какую я имел к ней просьбу, немедленно записала имя больной в синодик, и мы условились, что будем "по соглашению" молиться за нее утром, среди дня, вечером и ночью.

Прошло шесть недель. Опять я пошел навестить доктора С. А., и снова дома оказалась только его младшая сестра О. А. Она встретила меня радостная, оживленная. Дверь в столовую была открыта, и я увидел там весьма недурную собою молодую женщину, полулежавшую в пеньюаре на софе. Рядом стояла детская коляска, и в ней лежал грудной ребенок.

Наклонясь к О. А., я спросил ее вполголоса:

— Кто эта симпатичная дама?

— А это моя подруга, о которой я вам говорила.'

— Так, значит, она выздоровела?

— Представьте себе, что, слава Богу, выздоровела. Долго болела и неожиданно для всех поправилась.

— Как это так, — сказал я, — ведь вы утверждали, что по всем правилам науки она должна умереть, а я ее вижу живой?

Тогда я рассказал, что мы делали с Т... в течение более чем пяти недель непрерывно, и задал вопрос:

— Что вы теперь скажете, О. А.?

— Простите, я виновата, проявила маловерие; это мне будет хорошим уроком, — отвечала она мне.

Описанное выздоровление больной после совместной молитвы моей и моей знакомой произвело на меня сильное впечатление. Это было, несомненно, чудо, но я, конечно, приписывал не себе, не своему участию в молитве то, что оно совершилось, а видел в нем только исполнение слов Спасителя, подтверждение незыблемости, непреложности, истинности Его слов.

Затем мне явилась мысль, что если Бог "умудряет слепцы", то отчего не может быть, что, по Своему бесконечному милосердию, Он избрал меня, недостойного Своего раба, чтобы, внушив в приведенном случае молиться по соглашению, не только спасти молодую женщину ради ее ребенка, но чтобы в переживаемое время безверия и религиозного индифферентизма укрепить веру людей, показать им, что может быть дано свыше по вере и по усердной молитве, а также, какую силу и значение имеет любовь, ибо, соглашаясь молиться за кого-то, иногда даже малознакомого, мы этим проявляем любовь к ближнему, думая о нем, сокрушаясь о его неудаче или жалея

его, если он болен, и желаем ему помочь, облегчить его положение, спасти его молитвой, будучи часто бессильными сделать что-либо другое. А где любовь, там и Бог, ибо Бог есть Любовь.

Придя к такому заключению, я начал уже сам, видя у кого-нибудь из близких горе, несчастье, болезнь, предлагать молиться по соглашению и с радостью видел, что наши совместные молитвы исполняются. Результатом этого явилось то, что меня самого начали просить молиться по соглашению в тех случаях, когда только Один Господь Бог мог помочь, и не только близкие мне люди, но и знакомые. Господь посылал им великое утешение: молитвы их исполнялись. Само собой разумеется, для меня лично этот религиозный опыт имел то значение, что он сделал мою веру незыблемой.

Приведу несколько выдающихся случаев, когда, после молитвы "по соглашению", по вере молившихся совершались чудесные явления.

2.

У М. Ф. Ш. появилась в правом глазу темная вода, и вскоре она перестала им видеть. Она была у известных окулистов, и те ей сказали, что вылечить глаз невозможно. Наконец, она пошла к врачу-гомеопату, и тот ей сказал то же самое, прописав несколько средств совершенно невинного характера.

Тогда она обратилась ко мне с просьбой о совместной молитве к Богу о возвращении ей зрения, потерянного в одном глазу. Я охотно согласился, объяснив М. Ф., как нужно молиться в настоящем случае и не падать духом, если молитва не будет услышана, так как часто Господь не исполняет наши молитвы, касающиеся благополучия нашего тела, если посланное нам испытание будет полезно нашей душе, но [и верить], что у Господа все возможно, и просить Его о милости нужно с глубокой верой и надеждой.

Затем мы приступили к исполнению нашего соглашения. Прошло несколько месяцев.

Я пошел к вышеупомянутому врачу, у которого сам лечился от ослабления сердечного мускула и артериосклероза, и сел в приемной, ожидая своей очереди, как вдруг слышу в комнате у доктора следующий диалог:

— Но я уверяю вас, доктор, что я начала видеть больным глазом и могу теперь читать. Ведь и вы говорили, что зрение в нем восстановить нельзя. Ведь это несомненное чудо; согласитесь, доктор, что это чудо.

— Ну, если хотите, это чудо, — послышался голос врача-гомеопата. После чего из кабинета вышла М. Ф. Ш.

Увидев меня, она с радостью сообщила, что с каждым днем все лучше и лучше видит больным глазом.

В настоящее время в этом глазу восстановилось нормальное зрение.

3.

Брат моего знакомого Б., молодой человек, только что женившийся, опасно заболел. Б. вместе со своими родителями просили меня, по соглашению с ними, молиться о выздоровлении больного.

Через короткое время он выздоровел.

4.

Теща брата О. А., жившего в Орджоникидзе[1], старушка 92-х лет, впала в старческий маразм и так ослабела, что заболела редко наблюдавшейся "вшивой болезнью"[2]. Количество паразитов было так велико, борьба с ними была настойчивая: больную каждый день обтирали денатуратом и меняли ей белье, но к вечеру паразиты появлялись снова. Наконец, невестка устала ухаживать за своей свекровью, так как была и сама серьезно больна, и написала вместе с мужем обо всем О. А., прося прислать немного белья для больной, так как они не поспевали стирать скинутое ею белье.

Просьба эта была исполнена, но О. А. обратилась ко мне с предложением молиться "по соглашению" за страдалицу. Мы начали это делать по несколько раз в день с глубокой верой. Недели через две О. А. получила от своего брата письмо, в котором он сообщал: "Представь себе, с тещей произошло чудо: все паразиты внезапно исчезли и больше не появляются".

Больная после этого прожила еще несколько месяцев, и, несмотря на то, что продолжала слабеть, описанного явления с ней не повторялось, и она тихо скончалась.

5.

Моя знакомая В. А. П. встретилась как-то мне на улице и была очень расстроена. Оказалось, что с сыном ее знакомой Н. Н., жившим в одной из уездных городов Ивановской об-

---

[1] Ныне городу возвращено прежнее название — Владикавказ. — *Прим. ред.*

[2] Болезнь эта заключается в том, что на теле появляются в большом количестве вши. Они кладут во время этой болезни свои яички не в складках белья, а откладывают их под кожу, прогрызая ее, вследствие чего количество паразитов увеличивается в ужасающем размере. Ослабленный болезнью организм как-то особенно привлекает этих паразитов; борьба с ними представляется довольно трудной, и больные от вшей очень страдают и впадают в уныние. — *Прим. автора.*

ласти, случилось большое несчастье. Утром он вышел из дома, направляясь на службу. Когда он проходил по большому двору, на котором воздвигались какие-то постройки, навстречу ему попался плотник, несший на плече небольшого размера бревно, и, поворачивая в сторону, задел концом бревна Н. Н. Удар был такой, что пострадавший впал в забытье. Когда его доставили в больницу, то врачи определили, что у него сильное сотрясение мозга и образовалась трещина в черепе. Прописали абсолютный покой и необходимость долго лежать неподвижно. Вскоре он перестал видеть. Врачи определили, что это является результатом сильного нервного потрясения, и нашли, что после продолжительного лечения ему придется отдыхать целый год и лишь затем будет можно снова поступить на службу.

Мы согласились с В. А. П. молиться за Н. Н. Через некоторое время к нему вернулось зрение, довольно скоро он вышел из больницы, несколько месяцев провел в санатории и теперь снова служит, чувствует себя совершенно здоровым.

6.

Девушка А. Р. Д., служащая на почте письмоносцем, имеет медвежьи стопы (плоскостопие). Особенность эта затрудняет быстрое хождение, вызывая иногда страдания, почему люди, имеющие плоские ступни ног, на военную службу не принимаются. У А. Р. Д. начали так болеть ноги при ходьбе, что врачи предложили ей переменить профессию; между тем она страдала головными болями и не могла служить в канцелярии, чем и объясняется то обстоятельство, что она, имея законченное среднее образование, поступила в письмоносцы и, служа в этой должности, выздоровела, благодаря постоянному движению на свежем воздухе.

Мы согласились молиться, чтобы ей была дана помощь служить письмоносцем, несмотря на отмеченный дефект в ступнях ног.

Через короткое время все боли в ногах прошли, и она несет обязанности письмоносца без всяких страданий.

Было еще несколько случаев, когда больные, молившиеся со мной или другими "по соглашению", выздоровели.

7.

Интересен еще случай: моя духовная дочь, одна учительница в Москве, нервный и очень утомленный человек, начала страдать какою-то непонятной боязнью в отношении к соседке по квартире, которую сама же хвалила, как прекрасную женщину. Эта боязнь стала переходить в какое-то непонятное

чувство злобы, ничем не вызванной. При входе в общую с соседкой кухню учительница цепенела, не могла говорить. Соседка, по словам моей духовной дочери, "подавляла ее, обладая сильной волей и энергией", и, наконец, она начала ее ненавидеть.

Между тем соседка, плохо знавшая грамоту, просила учительницу с нею заниматься, была всегда приветливой, не подозревая вовсе тех чувств, которые к ней та питала, и не понимала, чем вызывается молчание учительницы и ее испуганный и часто гневный взор.

Положение делалось невыносимым: учительница стала избегать приходить в кухню, когда соседка там готовила, и была всегда в возбужденном состоянии. Наконец, приехав ко мне, объяснила все свои переживания, прибавив, что она чувствует себя неправой, но ничего не может поделать с собою и удалить из сердца чувство злобы и беспричинного раздражения против соседки, и просила ей помочь.

Я предложил ей молиться о Божией помощи "по соглашению" и рекомендовал предложить соседке заниматься с нею грамотой.

Недавно я получил от учительницы письмо, в котором она извещает, что у нее совершенно прошло чувство боязни и нерасположения к соседке и что она занимается с нею грамотою с успехом.

Произошел и еще один подобный случай, где общая молитва также помогла, и между людьми, когда-то не расположенными друг к другу и не ладившими, главным образом, из-за самолюбия, установились нормальные, хорошие отношения.

Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из епископов или священнослужителей советовал мирянам в затруднительных случаях прибегать, как *к последнему пристанищу,* к молитве "по соглашению".

К такой молитве, впрочем, прибегал, как я прочитал значительно позднее, чем начал сам это практиковать, о. Иоанн Кронштадтский. В его книге "Моя жизнь во Христе" находим: "Скоро слышит Бог молитву двоих или троих, молящихся от сердца. Опыт".

Следовательно, этому пастырю неоднократно приходилось убеждаться в действенной силе молитвы по соглашению.

В тайной молитве, читаемой священнослужителями, совершающими литургию, во время второго антифона читаем следующее: "Иже общая сия и согласныя даровавый нам молитвы, иже и двема, или тремя согласующимся о имени Твоем, прошение подати обещавый, Сам и ныне раб Твоих прошения

к полезному исполни, подая нам в настоящем веце познание Твоея истины и в будущем живот вечный даруя".

Из этого можно заключить, что в первые века христианства молитва "по соглашению" была довольно обычной, и священнослужитель в тайной молитве просит Христа, чтобы общие всею Церковью молитвы Господь так же благосклонно принял, как Он обещал исполнить прошения двух или трех, согласившихся на земле о чем-нибудь просить.

Насколько действенна и сильна молитва *"всею Церковью"*, мы имеем массу примеров в истории христианской Церкви, начиная с чудесного избавления от уз апостола Петра.

Прилагаю молитву, обычно читаемую мною, когда приходиться молиться по соглашению:

"Господи Боже наш, Иисусе Христе. Ты пречистыми усты Своими рек еси: егда двое на земле согласятся просить о всяком деле, дано будет Отцом Моим Небесным, ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них. Непреложны Твои словеса, Господи, милосердие Твое бесприкладно, и человеколюбию Твоему несть конца.

Молю убо Тя, Боже наш, даруй нам (имя рек), согласующимся просить Тя о ... (предмет молитвы), но обаче не так, как мы хотим, а как Ты, Господи. Да будет во всем воля Твоя. Аминь".

О ТАИНСТВЕ ЕЛЕОСВЯЩЕНИЯ

Таинство елеосвящения, надо полагать, установлено Самим Господом нашим Иисусом Христом, как можно заключить из слов евангелиста Марка, сообщающего, что отправленные Спасителем на проповедь ученики "и бесы многи изгоняху и мазаху маслом многи недужныя, и исцелеваху" (Мк. 6, 13).

Апостол Иаков в своем послании к верующим говорит: "Болен ли кто из вас, да призовет пресвитеры церковные и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господа и молитва веры спасет болящего, и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему" (Иак. 5,14—15).

Вот что ясно говорится о таинстве елеосвящения в Св. Писании.

Между тем в нашем отечестве не только у нашей интеллигенции, но и в народе установился совершенно неправильный взгляд, который заимствован у римо-католиков, что это таинство является не чем иным, как приготовлением человека к смерти[1].

Из приведенных слов апостола Иакова и всей практики древней христианской церкви видно, что к таинству елеосвящения прибегали, напротив, чтобы получить выздоровление. Это было как бы последнее прибежище: если врачи не помогают, или организм больного (или больной) не может справиться с недугом, родные тогда приглашают пресвитеров, "да молитву сотворят над ним".

По учению нашей Церкви, при совершении таинства елеосвящения над больным, ему прощаются все "грехи забвения", то есть те грехи, которые он не умышленно, а забыв о них, не исповедал духовному отцу. Это прощение грехов имеет громадное значение: вместе с верой, которая, по словам апостола Иакова, спасает болящего, оно является необходимым условием, предпосылкой для исцеления больного, так как в боль-

[1] У католиков таинство елеосвящения и называется поэтому "последним помазанием". Интересно, что армяно-григорианская церковь имеет правильный взгляд на таинство елеосвящения, но совершает его только над лицами, имеющими священный сан. — *Прим. автора.*

шинстве случаев наши болезни являются прямым последствием нашей греховной жизни или ниспосылаются нам по бесконечному милосердию Божию, для нашего вразумления, напоминая нам о наших грехах, о забвении Бога и для укрепления нашей веры.

Человек, приговоренный к смерти, которому наука бессильна помочь, если только выздоровеет после совершения над ним таинства елеосвящения, видит воочию, что над ним совершилось чудо, и вера его так укрепляется, что, если его потом положить на лаврентьевскую решетку, он не отречется.

Такое же сильное впечатление чуда, происшедшего во время елеосвящения, производит на родных и близких выздоровление человека после совершения этого великого таинства, а также на священнослужителей, его совершавших.

В моей краткой практике священнослужителя было несколько случаев, где самый заядлый скептик был бы поставлен в тупик, так как нельзя же все явления непонятного и неясного нашему уму объяснить "случаем"[1], и где с больными произошло несомненное чудо.

Эти факты я хочу описать в целях, которые я преследую, составляя эти записки.

1.

Однажды в ... общину привели молодого, здорового жизнерадостного шофера, которому предстояло сделать операцию пищевода: он с трудом глотал кашу, а твердой пищи совсем не мог проглотить. Перед операцией он захотел исповедоваться и причаститься Св. Таин.

Операция прошла благополучно. Через несколько дней я его навестил. На мой вопрос, как он себя чувствует, больной ответил, что в общем лучше, но все же он иногда с трудом проглатывает манную кашу, и врачи находят, что, по окончании заживления пищевода, операцию нужно повторить.

Недели через две операцию повторили, но и она не принесла пользы, и больной только ослабел. Из румяного, полного человека он обратился в худого и истощенного. Когда я стал ему говорить, не следует ли сделать третью операцию, шофер с грустью ответил мне: "Врачи мне сказали, что больше меня оперировать нельзя, видно, придеться умирать; боюсь, что придеться умереть голодной смертью..."

Я начал его успокаивать, говоря, что Бог не без милости, а потом по какой-то интуиции, неожиданно для самого себя, сказал ему о великом таинстве елеосвящения, о цели, для ко-

---

[1] Французы говорят правильно, что "случай — есть бог дураков". — *Прим. автора.*

торой оно установлено и предложил ему пособороваться, причем подчеркнул, что по вере ему дастся.

Больной мне сказал, что он глубоко верит в силу этого таинства и был бы рад прибегнуть к нему, но боится огорчить и взволновать жену, так как обыкновенно соборуются умирающие.

Я объяснил шоферу неправильность этого взгляда и посоветовал ему ничего не говорить жене, а к таинству елеосвящения прибегнуть в те часы, когда посетителей не пускают к больным. Он на это согласился, и на другой день вечером я совершил над ним это таинство. Больной молился от всей души, и часто глаза его наполнялись слезами.

Прошла неделя. Я утром пошел в канцелярию и у дверей ее встречаю шофера совершенно здоровым, жизнерадостным. Он весело со мной поздоровался и на вопрос мой, как себя чувствует, сказал: "Великолепно, — прибавив: — Два дня врачи меня свидетельствовали, признали *совершенно* здоровым, вчера я выписался. Сейчас пришел за документами".

В тот же день я пошел навестить знакомого, лежащего в той же палате, где был шофер, и он сказал мне, что шофер заходил к нему проститься, и как раз в это время вошли в палату три врача, делавшие обход больных, с главным врачом во главе. Увидев шофера, они спросили его, как теперь он себя чувствует, и получили такой же ответ, как и я: "Великолепно". Затем, когда шофер вышел, главный врач сказал моему знакомому:

— Вы знаете, чем был болен ваш сосед?

— Нет, — отвечал тот, — знаю только, что ему делали два раза операцию.

— У шофера был рак пищевода, — сказал главный врач и прибавил: — Медицинская наука не может объяснить, как произошло его выздоровление, но он совершенно здоров.

На меня этот случай произвел громадное впечатление. Я был священником менее двух лет и впервые был свидетелем несомненного чуда. После этого я начал прямо рекомендовать больным прибегать к таинству елеосвящения, и много раз выздоравливали *безнадежно больные*.

Упомяну о наиболее характерных случаях такого внезапного выздоровления.

2.

В общину привезли симпатичного служащего лет под сорок, от которого исходил гнилостный запах. У него внезапно сделалась закупорка вены на правой ноге, и быстро развился

"антонов огонь"[1]. На другой день была назначена операция, и вечером больной вызвал меня, чтобы исповедаться и причаститься Святых Таин.

Операция прошла благополучно, ногу отрезали немного выше колена.

Когда я пришел навестить больного, нашел его веселым в надежде на скорое выздоровление. Между прочим, больной сообщил мне, что он был с детства верующим, но последние 15 лет стал небрежно относиться к исполнению религиозных обязанностей и, наконец, сделался совершенно равнодушен к религии и уже 12 лет как не причащался. Это было какое-то "окамененное нечувствие", ибо в тайниках души он продолжал веровать. Затем он благодарил меня за то, что я убедил его прибегнуть к великому таинству причащения: я это сделал, когда его только привезли в больницу и когда он колебался, считая себя неготовым.

Я навещал больного каждый день. Через несколько дней я застал его мрачным, неразговорчивым. На мой вопрос, что с ним, он мне ответил: "Плохи мои дела, не говорите только жене: "антонов огонь" распространяется выше того места, где была отнята нога; на завтра назначена операция".

Больной снова исповедался и причастился. Операция прошла благополучно. Когда я опять его навестил, он, бледный, с сверкающими глазами, покрытый холодным потом, волнуясь, проговорил: "Сейчас обнаружилось, что "антонов огонь" идет дальше; я погибаю".

На мои слова, что можно еще выше отрезать ногу, больной проговорил: "Ничего нельзя сделать: нога отрезана так высоко, что хирург признал, что операция невозможна. Меня ожидает смерть от "антонова огня".

Тогда я рассказал больному о силе таинства елеосвящения и о том значении, которое имеет вера прибегающего к этому таинству, и он пожелал к нему прибегнуть в тот же вечер. Мы оба молились от души и всю надежду возложили на Бога.

Через несколько дней произошел редкий в медицинской практике случай: "антонов огонь" перестал развиваться, образовалась демаркационная линия в виде багрового рубца, выше которого гниение не пошло. Больному очистили ногу, обрезав омертвелую ткань, залили все йодом и, загнув кожу, зашили. Через неделю признали совершенно здоровым и назначили к выписке.

---

[1] Антонов огонь (*устар. мед.*) — гангрена. — *Прим. ред.*

Накануне этого дня я зашел к больному и застал его всего в слезах. "О чем же вы плачете, — спросил я его, — ведь Господь вас помиловал; вам не плакать нужно, а радоваться и благодарить Создателя". "Я не о том плачу; я плачу о том, что я двенадцать лет не имел счастья любить Спасителя", — вот что ответил мне больной.

Испытав на себе милосердие Христа, даровавшего ему спасение, когда, по данным науки, смерть, притом мучительная, была неизбежной, познав на личном опыте духовную радость молитвенного общения со Спасителем, поняв, что Господь есть сама Любовь и Всепрощение, больной плакал о потерянных возможностях счастья и радости общения со Спасителем в молитве и сладостного переживания любви и благодарности к Нему в то время, когда он так долго пребывал в "окамененном нечувствии".

Сказанную больным фразу не сочинишь. Она вырвалась из сердца, свидетельствуя о высоте его переживаний и глубине раскаяния. Больной от души благодарил меня за то, что я принял в нем такое участие, и тепло со мной простился. В знак благодарности он почти целый год присылал мне иностранные иллюстрированные журналы, которые получал его брат — известный фотограф.

3.

Проводя в 1927 году часть лета на даче в Аносиной пустыни[1], я познакомился там с бывшим настоятелем Чудова монастыря архимандритом Филаретом, состоявшим в то время настоятелем одного известного в Москве храма. Мы друг другу понравились, и то короткое время, которое архимандрит провел в пустыни, мы виделись, беседовали и были в молитвенном общении — один раз служили вместе, а затем я несколько раз был на его службе, а он на моей. Уезжая и прощаясь со мной, архимандрит Филарет выразил желание видеть меня во вверенном ему храме и послужить со мной.

Я несколько раз в течение года это делал с особой радостью: архимандрит Филарет производил на меня глубокое впечатление, как великий молитвенник, стремившийся всегда

[1] Борисоглебский Аносин монастырь, в Звенигородском уезде на берегу р. Истры основан в 1820 г. кн. Евдокией Николаевной Мещерской в память о муже. В 1920-е годы, после закрытия Серафимо-Знаменского скита, многие его бывшие насельницы поступили в Аносину пустынь. В эти годы в обители жил и проповедовал еп. Серафим (Звездинский). Монастырь был закрыт в июне 1928 года, игумения мать Иоанна и насельницы были отправлены в ссылку. В настоящее время подворье Московской патриархии. — *Прим. ред.*

быть в общении с Богом. Он был болгарин — уроженец Бессарабской губернии и с юного возраста сделался аскетом.

До меня как-то дошел слух, что архимандрит Филарет опасно болен, а он страдал ясно выраженным пороком сердца. Я решил его навестить. На дому я у него ни разу не был, но тут все время меня беспокоила навязчивая мысль его проведать, и я собрался.

Архимандрит снимал небольшую комнату в квартире пожилой женщины, несшей во вверенном ему храме церковнослужительские обязанности и бывшей когда-то монахиней в одном московском монастыре. Она меня знала.

Тихо позвонив, я спросил ее вполголоса: "Как здоровье о. архимандрита, и можно ли его навестить?" "Плохо, совсем плохо, — отвечала она мне, — лежать не может, сидит в постели и сидя спит, но сон плохой, постоянно мучают сердечные припадки". В это время раздался слабый голос отца Филарета: "Кто там пришел?" Узнав, что это я, он пожелал меня видеть.

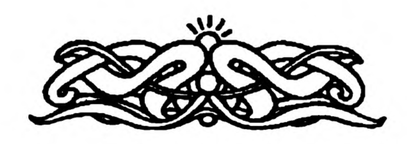
На меня архимандрит произвел тяжелое впечатление: бледный, худой, с ввалившимися глазами, часто дышавший, он сидел в постели, окруженный подушками и имел вид умирающего человека.

Предупредив о. архимандрита, что пришел на самое короткое время, я просил, чтобы он себя не очень утруждал беседой, и спросил, в чем его недомогание. О. Филарет сказал, что у него врачи давно уже признали расстройство двухстворчатого сердечного клапана и что он страдает сердечными припадками, которые теперь так участились и усилились, что он не может уже лежать, а сидит в постели полулежа и в такой позе старается спать, но сон у него плохой: сердце пошаливает и не дает ему забыться.

Далее архимандрит сообщил мне, что у него были врачи, и гомеопаты и аллопаты, но никакие лекарства ему не помогают, принимает он их лишь для очищения совести и чувствует, что дни его сочтены. "Я выбился из сил, — прибавил отец Филарет, — отсутствие сна и постоянные сердечные припадки меня истощают и мучают".

Тогда я сказал отцу Филарету: "Не мне вас учить и давать вам, о. архимандрит, советы, но отчего вы не обратитесь к "Врачу душ и телес наших", если земные врачи вам не помогают? Я имею в виду великое таинство елеосвящения, дающее, по вере больного, полное выздоровление".

О. архимандрит Филарет начал меня благодарить за эту высказанную мною мысль, прибавив, что ему просто не приходило это в голову. "Как это мне не пришло в голову, — несколько раз повторял он. — Знаете что, не будем откладывать

Архимандрит Филарет (в схиме Алексий)
и о.Александр Гомановский

елеосвящения: назначим его на послезавтра в 4 часа дня. Я приглашу еще двух своих детей: отца Сергия, настоятеля Новодевичьего монастыря и отца Александра (Гомановского), настоятеля церкви преподобного Саввы Освященного[1], а вы приходите часом раньше, примите мою исповедь и причастите меня перед соборованием".

В назначенное время я пришел. Во время исповеди о. Филарета я чувствовал себя крайне неловко и даже тяжело: я, обремененный грехами, окаянный, недостойный носить высокое звание пастыря, пришедший в ужас, когда прочитал слово великого учителя Церкви св. Иоанна Златоуста "О священстве", принимал исповедь *праведника*, так чиста была жизнь о. Филарета. Со слезами на глазах он каялся в детских грехах, совершенных в отроческом возрасте, окаивая себя и считая себя недостойным грешником. Совестливый человек легко может понять, что чувствовал я во время этой исповеди, длившейся почти час.

Едва успел я причастить о. Филарета, как пришли названные пастыри, и началось елеосвящение, к которому больной отнесся с величайшим благоговением и глубокой верой.

Через несколько дней о. Филарет, казавшийся умирающим, так поправился, что приступил к несению обязанностей настоятеля храма и чувствовал себя удовлетворительно в течение нескольких лет, пока не был вынужден отправиться на Север, где, как я слышал, проживает и теперь.

4.

Осенью 1923 года в одну из суббот, после всенощной, часов в 10 вечера, когда я собрался уходить из церкви домой, ко мне обратился настоятель нашего храма с просьбой немедленно сходить на Солянку к бывшему фабриканту Р. и совершить над ним таинство елеосвящения. При этом настоятель просил меня извиниться перед больным, что он не мог прийти, а посылает меня, так как у него неотложная треба, и передать, что завтра в 8 часов утра он придет сам причастить Р. перед отправкой его в клинику, где в этот день ему должны сделать операцию.

Я немедленно отправился с ныне покойным чтецом А. П. к Р., и через десять минут мы были на месте. Р. жил в бывшем собственном доме, где ему оставили две большие комнаты. Больной лежал почти без движения и был так худ, что ка-

---

[1] Храм разрушен в 30-е годы. Его настоятель о. Александр Гомановский был арестован и погиб в заключении. — *Прим. ред.*

зался скелетом, обтянутым кожей. Во время соборования он был в силах держать свечу и усердно молился со слезами, которые непрерывными струями стекали ему на сорочку.

Выпив наспех, по приглашению жены больного, стакан чая, я поспешил домой, чувствуя себя очень усталым, причем не поинтересовался даже узнать, чем был болен Р.

Через неделю мне сообщили, что когда на другой день его повезли в 11 часов утра в клинику, то осмотревший больного и выслушавший его покойный профессор А. В. Мартынов объявил Р., что он может отправляться домой, так как "совершенно здоров".

Легко можно себе представить то глубокое впечатление, какое произвело на больного и на его семью это несомненное чудо, а также, как я был поражен, когда мне сообщили, что у больного был рак пищевода и что у него проф. Мартынов был на дому и настаивал на операции.

Через полтора года Р. скончался при следующих обстоятельствах: его все же выселили из принадлежавшего ему дома, и он был вынужден переехать на дачу. Здесь, сильно волнуясь, что не прибывает грузовой автомобиль, на котором должны были прибыть из Москвы домашние вещи, он вышел из дачи и отправился к шоссе посмотреть, не видать ли вдали автомобиля. По дороге купил в киоске газету, развернул ее и внезапно, без страданий, скончался от разрыва сердца. Смерть от рака, которая ему угрожала, была бы очень мучительной.

5.

В семье Н., с которой я был очень дружен, заболела младшая дочь, изящная, красивая, умная девочка, которой не было еще полных 15-ти лет. Брюшной тиф, который она подхватила, протекал в очень тяжелой форме.

Узнав о болезни девочки, я немедленно отправился к Н. и застал мать больной в полном отчаянии; девочка лежала худая, с ввалившимися щеками, почти все время в полузабытьи, а когда приходила в себя, то от слабости не могла говорить, а жалобно пищала. На меня она произвела впечатление умирающей.

Я предложил матери причастить больную и совершит над нею таинство елеосвящения, на что последняя соглас лась, горячо благодаря меня за это предложение.

На другой день, причастив девочку, я совершил над не великое таинство. Значительную часть соборования больна от слабости была в забытьи, но, приходя в себя, молилас и возлагала на себя крестное знамение.

Через несколько дней она стала быстро поправляться, скоро совершенно выздоровела и могла приступить к учебным занятиям. Тогда, казалось, безнадежно больная, девушка в настоящее время кончает курс университета.

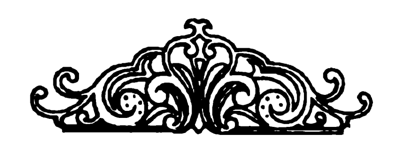
Я сам, совершая таинство, усердно, как только мог, молился с ее матерью и называю поэтому не без основания эту милую девушку "вымоленная".

6.

В 1936 году серьезно заболела после гриппа воспалением легких О. А., перед этим очень переутомленная непосильными занятиями по службе. Довольно известный врач, ее навещавший, сильно беспокоился за исход болезни и, посетив во второй раз больную, просил на другой день в 11 часов утра дать ему знать, если ей станет хуже, опасаясь, не начало ли это конца и не будет ли необходимо впрыснуть камфару и вообще принять крайние меры к спасению жизни больной.

Я предложил О. А. пособороваться, на что она, будучи глубоко верующей, согласилась.

Через несколько дней она стала быстро поправляться и, наконец, окончательно выздоровела.

ОПИСАНИЕ НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЕВ, ПОКАЗЫВАЩИХ СИЛУ УСЕРДНОЙ МОЛИТВЫ, ВЕЛИКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТАИНСТВ ПОКАЯНИЯ И ПРИЧАЩЕНИЯ И ДРУГИХ, ЯСНО ДОКАЗЫВАЮЩИХ ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ О НАС И ЧУДОДЕЙСТВЕННУЮ ПОМОЩЬ ТВОРЦА, ЗАСТУПНИЦЫ НАШЕЙ УСЕРДНОЙ БОГОМАТЕРИ И СВЯТЫХ УГОДНИКОВ БОЖИИХ В ТРУДНЫХ СЛУЧАЯХ ЖИЗНИ

1.

В 1922 году я служил в храме при ... общине. Накануне праздника Благовещения, после всенощной, как было там принято, я отправился по палатам с иконой Благовещения, подходя к тем больным, которые желали приложиться к иконе, после чего помазывал их елеем.

Был я, между прочим, в той палате, где лежала одна пожилая женщина, духовная дочь известного пастыря отца Митрофана Серебрянского, только что перенесшая очень серьезную болезнь, вызвавшую необходимость операции, и которую я незадолго перед этим причащал. Я был у нее накануне и нашел ее заболевшей новой болезнью; она заразилась рожей головы, температура у нее была 40°. Больная лежала в маске и очень ослабла.

Когда я подошел к ней, она просила разрешения взять у меня икону. Обняв ее двумя руками, больная стала горячо молиться Божией Матери, прося исцеления. Молитва была краткая, но горячая; затем она приложилась к иконе, оросив ее своими слезами. Я помазал ее елеем, сказав: "Да будет вам по вашей вере".

На другой день, когда я пошел навещать больных и проходил мимо палаты, где лежала упомянутая женщина, я услышал, что она меня зовет. Подойдя, я увидел ее уже без маски, лицо не было таким красным, каким было накануне, больная улыбалась радостной, счастливой улыбкой и вскричала: "Батюшка, поздравьте: у меня нормальная температура. Недавно меня осматривали врачи, пожимали плечами и объявили мне, что я совсем здорова, и меня назначили к выписке.

Вот какую милость я получила от Пречистой Владычицы ко дню Благовещения".

Рожа головы — болезнь опасная и для пожилых больных редко оканчивается благополучно, замечу я.

2

Однажды вечером ко мне забежала начальница общины старшая сестра милосердия ..., очень верующий и прекрасный человек, которую я любил и почитал.

"Идите скорее, — сказала она мне, назвав по имени. — Привезли вашего знакомого, присяжного поверенного Я—ва, у него серьезный случай — ущемление грыжи, и завтра назначена ему операция в 10 часов утра".

Я немедленно отправился в палату и, действительно, застал там своего знакомого, которого еще не так давно видел совершенно здоровым. Он недавно приехал в Москву из провинции. Мы жили оба несколько лет в одном довольно большом городе и, хотя не были знакомы домами, но всегда хорошо встречались.

Я—в был верующим человеком, но неглубоко смотрел на религиозные вопросы, или, вернее, не так ими интересовался, как обрядами. Зная прекрасно богослужение, особенно любил архиерейские службы, стараясь не пропускать ни одну из них, причем замечал все ошибки или упущения этой службы. Он был весьма неглупый и порядочный человек.

Когда я вошел в палату, то увидел, как болезнь не красит людей: Я—в постарел на несколько лет. Из беседы с ним выяснилось, что от внезапного похудения, от плохого питания в 1921—1922 годах в Москве у него образовалась грыжа, которая ущемилась и доставляет ему теперь невыносимые страдания.

Ободрив знакомого, указав ему, что наш хирург не только опытный, но необыкновенно счастливый оператор, я в заключение сказал: "Хотя у вас, Григорий Степанович, крепкий организм, но, знаете, ведь каждый оперируемый играет со смертью: даже если операция пустая и случай несложный. Опасность может угрожать от хлороформирования или от местной анастезии, может не выдержать сердце и тому подобное. Поэтому мой вам совет — очистить свою совесть и приступить сегодня же к таинству покаяния и причащения, чтобы быть готовым ко всему — и к лучшему, и к худшему концу".

Я—в очень взволновался и сказал мне: "Я слишком высоко ставлю таинство, к которому вы меня приглашаете, и моя совесть не позволяет мне без всякой подготовки приступить к

нему, хотя я вполне понимаю, почему вы рекомендуете мне причаститься".

Я начал убеждать его учесть необходимость переживаемого им момента, говорил о милосердии Божием, о разбойнике, в одно мгновение покаянным воплем заслужившем прощение и первым вошедшим в рай, и Я—в призадумался и потом в сильном возбуждении воскликнул: "Если вы возьмете на свою душу, на свой ответ, что я, недостойный, без всякого приготовления приступаю к великому таинству, то приходите, исповедуйте меня и причастите Св. Таин".

Через четверть часа я был снова у него; выслушал исповедь и причастил Св. Таин. Св. Дары Я—в принял с глубокой верой и умилением.

Замечу, что в той же палате лежал больной, которого скорее можно было бы причислить к хроникам — архимандрит Сергий, бывший ректор Московской духовной семинарии, затем заведовавший патриаршей ризницей[1]. Он был разбит параличом и не владел одной рукой и ногой. Ум у него был свежий, но нервная система была совершенно расшатана.

Архимандрит Сергий перенес в 1905 году большое потрясение. В духовной семинарии были большие беспорядки, и воспитанники не только обошлись с ним крайне грубо, но даже оскорбили его. Это так потрясло архимандрита, что с ним сделался удар. В терапевтическом отделении общины его держали как интересного для научного наблюдения, ибо, как хроник, он подлежал удалению из больницы.

По словам архимандрита Сергия, кроме общего недовольства режимом, воспитанники вверенной ему семинарии, от-

---

[1] Архимандрит Сергий Новиков происходил из состоятельной московской купеческой семьи. Получил среднее образование в России, высшее продолжал в Берлине. Был большим любителем, знатоком и ценителем искусств. Возвратившись на родину, стал в начале 90-х годов издавать интересный, богатый по содержанию и прекрасно иллюстрированный журнал "Артист". В этом журнале помещались статьи, заметки, очерки по всем отраслям искусства, но особенно были богаты театральные обозрения и хроника. Издание этого журнала поглотило все средства Новикова, так как оно стоило дорого, а подписчиков было не так много: русское общество того времени не доросло еще до потребности в таком объемлющем все виды искусства журнале, издававшемся по образцу лучших английских... В конце 90-х годов с Новиковым произошел какой-то душевный переворот. Вернувшись из поездки за границу, он поселился в имении одного из своих друзей и провел там лето в полном одиночестве, а осенью неожиданно для всех постригся в монахи и поступил в Духовную Академию. После того как с ним сделался паралич, архимандрит Сергий был назначен заведующим патриаршей ризницей. Эту должность он занимал до Октябрьской революции. Он был очень образованным человеком, и, если не был в нервном возбуждении, то с ним было чрезвычайно интересно беседовать. — *Прим. автора.*

давшие дань политическим течениям того времени, возмутились его попыткой дать некоторое внешнее воспитание будущим пастырям, отучив их от бросавшихся в глаза бурсацких особенностей, угловатости, неумения держать себя и привить им культурные навыки. Он совершенно правильно рассудил, что священник должен быть не только благообразен, скромен, но и обладать приличными манерами, держать себя с достоинством и быть сдержанным.

Архимандрит Сергий был доктор философии Берлинского университета, и в нем в настоящем случае заговорил человек, долго живший в Западной Европе, где внешней благовоспитанности придается гораздо большее значение, чем у нас, так как там больше уважается достоинство человека, и культура вырабатывалась веками.

Лечение архимандрита сводилось к полному покою и принятию предупредительных мер к тому, чтобы оттянуть неизбежное повторение удара, что было нелегко делать, так как, благодаря живости характера и нервности, он отличался большой активностью: любил посещать больных в соседних палатах, много говорил, волнуясь и раздражаясь по всяким пустякам. Он сделался, благодаря болезни, страшно неуравновешенным и, как с грустью мне говорили начальница общины и сестры милосердия, по временам был даже с ними груб. В то же время он охладел к молитве, редко ходил в церковь, более полутора лет не причащался и в разговоре постоянно упоминал нечистого, что всех очень шокировало.

Принеся Св. Дары, я, перед тем как причастить своего знакомого, обратился к архимандриту с такими словами: "Отец Сергий, не мне вас учить и наставлять, но мне приходит в голову мысль, что вы так давно не причащались Св. Таин. Позвольте мне поставить перед вами Святые Дары на столике, и вы причаститесь, а потом я причащу Григория Степановича.

Едва я произнес эти слова, как архимандрит поднялся во весь свой богатырский рост и, размахивая здоровой рукой, напустился на меня, крича: "Как вам не стыдно — священнику — соблазнять меня возможностью причаститься. Разве можно приступать так, без приготовления к такому великому таинству? Ведь я не умирающий", — и пошел, и пошел.

Я был не рад, что поднял этот вопрос о его причащении, и поспешил скорее преподать Св. Дары Я—ву и удалился, взволнованный и смущенный.

На другой день моему знакомому была произведена операция в 9.30 часов утра. Часов в 11 я отправился в кабинет начальницы общины, чтобы узнать, как прошла операция, но встретил ее чрезвычайно взволнованной и быстро идущей по

лестнице, ведущей в палаты хирургических больных. За нею бежала одна из сестер милосердия с дымящимся кофейником. Извинившись и сказав мне на ходу, что она очень спешит, начальница прибавила, что через час она сама ко мне зайдет на квартиру и все расскажет.

Вот что поведала она, придя ко мне: "Вашему знакомому сделали анестезию новокаином, который вообще у нас невысокого качества, и, кроме того, обнаружилось, что у Я—ва порок сердца, так как с ним, как только была окончена операция, внезапно сделался шок (остановилась деятельность сердца).

Старший врач, которому предстояло немедленно сделать еще несколько серьезных и неотложных операций, распорядился отнести вашего знакомого в палату № 7, что означало наступление для него неизбежного конца, так как никого не было, кто бы мог заняться приведением больного в чувство и вообще позаботиться о нем, ввиду того, что врачи должны были приступить к новой операции.

Тогда я сказала, что Я—в — ваш знакомый и хотелось бы сделать все возможное, чтобы его спасти, тем более что операция прошла благополучно. "Тогда замените себя другой сестрой (я всегда присутствовала при самых серьезных операциях) и идите немедленно займитесь приведением в чувство Я—ва: ему нужно делать искусственное дыхание; быть может, вам удастся спасти больного, я же положительно не имею времени, настолько неотложны две операции".

Я поспешила к вашему знакомому. Более получаса делала ему искусственное дыхание, страшно утомилась, наконец он вздохнул и начал слабо дышать. Немедленно я отправилась в свою комнату и заварила крепкого кофе, которым его теперь поит подруга. Он вырван из рук смерти, но очень слаб и находится в полузабытьи. Его можно навестить вечером, попозднее, но не давайте больному разговаривать, настолько он слаб".

Между тем, пока происходило все вышеизложенное, архимандрит Сергий, вставший утром довольно рано и объявивший всем, что чувствует себя очень крепким и бодрым, пошел навещать знакомых больных по соседним палатам, беседуя с ними, по обыкновению, споря, горячась и волнуясь. Переходя по коридору в одну из палат, он вдруг почувствовал себя нехорошо и упал без сознания. Его перенесли на его постель и немедленно пришел дежурный врач, который объявил, что с архимандритом сделался второй удар и положение его очень серьезное, вряд ли он долго протянет.

Придя в тот же день вечером к Я—ву, я застал его очень слабым и решил пробыть у него не более пяти минут. Пожелав скорого и полного выздоровления, я, между прочим, сказал: "Григорий Степанович, помните, что вы некоторое время не соглашались причаститься, находя, что не готовы к этому Таинству, а, между прочим, оно-то и спасло вам жизнь. Вы прикоснулись к Источнику Жизни и этому обязаны тем, что выжили, после того, как с вами сделался сердечный шок". — "Да, правда ваша, я чувствую, что это дало мне силы и возвратило мне жизнь. Спасибо вам".

Тогда я обратился к архимандриту о. Сергию, который лежал неподвижно, бледный как полотно, со словами: "Ну, а вы, о. Сергий, что теперь скажете?" "Прошу меня сейчас же поисповедовать и причастить Св. Тайн", — отвечал он.

С глубокой верой, сердечным сокрушением и умилением он приступил к таинству. С постели он более не вставал, сделался кротким, терпеливым, приветливым и ласковым.

Сестры милосердия, которые прежде боялись подходить к нему, слышали от него теперь только слова благодарности и приветствия.

Через две недели с отцом Сергием сделался третий удар, и он тихо скончался.

Сестры милосердия, которые не так давно плакали, не вынося проявления им нетерпения, грубости и резкого обращения, все ему простили и теперь плакали, искренне жалея архимандрита, обратившегося в беспомощного, незлобивого ребенка, требовавшего постороннего ухода и за всякую услугу и помощь благодарившего их с ласковой улыбкой.

Отпевал о. Сергия епископ (впоследствии митрополит) Трифон[1] в храме святой великомученицы Екатерины со мною и с настоятелем этого храма.

Г. С. Я—в недели через три вышел из больницы здоровым и окрепшим. Такова благодатная сила таинства причащения.

3.

К великому таинству причащения мы должны относиться не формально, а с величайшим благоговением. Приступать к нему должны, очистив себя искренним покаянием, с сокрушенным сердцем, с глубочайшей верой и любовью, чтобы причащение Св. Тайн не было нам в осуждение и вместо пользы для души

---

[1] Митрополит Трифон (князь Туркестанов Борис Петрович; 1861—1934). Хиротонисан во епископа Дмитровского в 1901 г. В 1923 г. архиепископ, с 1931 г. — митрополит. — *Прим. ред.*

и тела, не принесло бы нам вреда, на что неоднократно указывает ап. Павел.

Сообщу о следующем факте нарушения этого требования, который произвел на меня, помню, глубокое впечатление.

В нашу больницу как-то привезли красивого, здорового на вид человека лет сорока с небольшим, причем на другой день была ему назначена операция. Больному должны были вырезать большого размера камень, образовавшийся в почках.

За мной прислали в тот же день вечером, так как больной выразил желание причаститься Св. Тайн.

Страдания его были велики. Во время исповеди, в числе грехов, обременявших его совесть, он мне сообщил, что с 25-летнего возраста состоит церковным старостой одного довольно известного в Москве храма и более 15 лет ежедневно щедрой рукой брал и присваивал себе деньги из собираемых на храм во время богослужения и выручаемых от продажи свечей сумм. Эти деньги он пускал в оборот, так как занимался торговлей и разными операциями.

Я пояснил больному, что, если он искренне кается в своем грехе, то Господь ему, по Своему милосердию, простит, но что для полноты раскаяния и для удовлетворения правде Божией, он должен дать пред Крестом и Евангелием обещание, что хотя бы постепенно, как только может, но эти деньги он возвратит церкви.

Ожидал я порыва — искреннего, горячего — сделать все возможное, чтобы, помимо сожаления и раскаяния в сделанном преступлении, вернуть церкви на ее нужды сделанный верующими дар Богу. Ведь перед больным разверзлась могила. Но вместо ожидаемого порыва я услышал равнодушное: "Постараюсь".

Меня это не только огорчило, но и потрясло. С тяжелым чувством я отошел от больного и понес дароносицу в храм.

У меня было такое обыкновение: причастив больного, которому предстояла операция и положив на престол дароносицу, я припадал, стоя на коленях, к нему и горячо молился за больного или больную, чтобы Господь простил им грехи и помог перенести операцию.

Так я поступил и на этот раз, но молитва моя прерывалась неотступною мыслью: "Напрасно ты это делаешь: больной операцию не перенесет, так как раскаяние его неполно и неискренне, сделанный им грех ему не прощен". Что я ни делал, не мог отделаться от этой мысли; я чувствовал, что больной операции не перенесет и умрет.

Домой я возвратился в очень подавленном настроении. Надо заметить, что старший врач был не только опытным и

искусным хирургом, но был очень счастливым: все почти операции, даже самые тяжелые, ему удавались. Жена заметила мое настроение и спросила меня о причине его. Я ответил: "У меня предчувствие, что один больной, которого я сегодня причащал, не перенесет операции, а у него большая семья, — это предчувствие меня давит".

Жена засмеялась и сказала: "Ну какие могут быть предчувствия в этом деле? Да и доктор такой искусный и счастливый".

Утром я встал с положительной уверенностью, что больной операции не перенесет. Это была какая-то непонятная навязчивая идея.

За полчаса до операции я встретил врача, который должен был ее делать, и спросил его, серьезная ли операция предстоит больному, у которого камень в почках. "Камень большой, и операция из опасных, хотя больной физически крепкий", — было мне сказано.

Это меня еще более укрепило в мысли, что он не вынесет операции. Больной, действительно, вскоре после окончания операции умер.

Дерзаю думать, что если бы он почувствовал искреннее раскаяние и проникся сознанием, что обязан возвратить в храм принесенный Богу дар и вместо равнодушного (теплохладного) слова "постараюсь", как будто бы он этим хотел сделать мне одолжение, воскликнул: "Да, конечно, сделаю все возможное, чтобы скорее вернуть взятые мною из доходов храма деньги, а вы, батюшка, помолитесь, чтобы Господь даровал мне жизнь", — Бог сохранил бы ему жизнь.

4.

В 1922 году мне пришлось проповедовать в одном из храмов за Таганкой, недалеко от Рогожского кладбища. Говорил о св. Николае Чудотворце и о том, сколько им совершено чудес и какой он скоропослушник.

После службы ко мне подходит хорошо одетый человек лет 45-ти, представляется мне как бывший владелец магазина готовых костюмов на Петровке П—кий и просит зайти к нему напиться настоящего кофе, который у него сохранился еще от довоенного времени, причем объясняет, что моя проповедь его растрогала, и он хочет поделиться со мной двумя случаями, которые произошли с ним и из коих можно видеть, как действительно помогает святой Николай Чудотворец.

Я согласился. П—кий жил с женой недалеко от храма. Они были бездетными, и по обстановке и вещам было видно, что прежде имели хорошие средства.

Вот что рассказал мне гостеприимный хозяин: "Отец мой жил в небольшом уездном городе Воронежской губернии, занимался мелкой торговлей, скупая по деревням пеньку, лен, кожи и т. п. Жили мы бедно: у отца была большая семья.

Однажды в декабре, когда мне исполнилось 10 лет, отец решил взять меня с собой, направляясь в селения, расположенные в верстах 25-ти от города для скупки товара. У нас была старая лошадь и очень легкие санки. Стоял прекрасный зимний день. Солнце уже пригревало, дорога была хорошая, и мы не заметили, как отъехали от города более чем на десять верст. Местность там степная, и нам не попалось на дороге ни одного селения.

Вдруг переменился ветер, набежали тучи, и пошел дождь. Дорога почернела. Скоро вся наша меховая одежда намокла, и вода стала затекать нам под воротники. Также внезапно ветер перешел на северный, ударил мороз, и кругом загудела метель. Буран в той местности очень опасная вещь, и мой отец, обеспокоившись, стал погонять лошадь, которая с трудом передвигалась вследствие наметенного на дороге снега. Буран усиливался. Намокшая одежда замерзла, и мы стали страдать от холодного ветра, проникавшего через одежду до самого тела. Лошадь замедлила свой ход и наконец стала. Внезапно нам стало как-то тепло и приятно, и мы стали дремать. Наконец я заснул.

Вдруг я увидел вдали какую-то светящуюся точку, которая быстро приближалась, увеличиваясь в объеме и постепенно принимая вид светлого овала, на котором вскоре обозначилось лицо очень пожилого человека с короткой бородой и такими же волосами темного цвета, но седыми на концах.

Этот человек грозно посмотрел на меня и сказал: "Вася, разбуди отца". Я сделал попытку подняться, чтобы исполнить это, но члены мои отказывались мне повиноваться, и я не мог пошевельнуться. Тогда старик громко закричал: "Василий, тебе говорят, разбуди же отца, ведь вы замерзаете". Я снова сделал попытку привстать и разбудить отца, но опять безуспешно, как вдруг заметил, что моя рука лежит на руке отца, и я тогда со всей силой нажал на нее ногтями через рукавицу.

Отец проснулся, и в этот момент недалеко от нас тявкнула собака. Тогда он встал, перекрестился и сказал: "Слава Богу, мы спасены". Затем он вышел из саней и пошел на лай, не обращая внимания на буран.

Скоро он наткнулся на плетень. Собака залаяла громче. Идя вдоль плетня, отец пришел к хате однодворца, жившего здесь на своем земельном участке. Когда тот вышел на стук,

отец объяснил ему, что мы сбились с пути и начали уже замерзать.

Через пять минут я оказался уже в жарко натопленной избе, где меня растерли теплой водкой и положили, закутав в полушубок, на печь. Подоспел самовар. Мне дали чаю, и я уснул как убитый. На другой день мы встали поздно, но совершенно здоровыми и решили вернуться домой.

Я как-то совершенно забыл о видении, которое мне было, думая, что это был сон, и никому ничего не рассказал.

Первого января мне мать говорит: "Так как ты, Вася, сегодня именинник, то пойдем к обедне: ты исповедуешься и причастишься Святых Тайн". Когда кончилась служба, мать моя задержалась в церкви, не находя нигде своей поминальницы. Пока она ее искала, я стал бродить по храму и вдруг, к своему изумлению, увидел на правом столбе, поддерживающем купол, изображение того старца, который мне представился, когда мы с отцом замерзали во время нашей неудачной поездки. Меня так это поразило, что я не мог оторвать глаз от этого изображения, сделанного прямо на оштукатуренной стене и очень неважного письма.

Между прочим, художник изобразил то, чего в натуре не бывает: у старца на голове темные волосы, но концы нарисовал седыми. Таким привиделся мне старец, когда я замерзал. Старец был изображен во весь рост на светлом фоне медальона овальной формы в крестчатой фелони, как я его видел.

Мать моя стала звать меня домой, я же, взволнованный, стал делать ей знаки, чтобы она подошла ко мне, и, когда она это сделала, то я рассказал ей о том, что произошло со мной, когда нас застиг в поле буран.

На мою мать рассказ произвел большое впечатление. Она сказала мне: "Это изображение святого Николая Чудотворца. Он спас отцу и тебе жизнь". Немедленно она попросила вызвать из алтаря священника, которому передала мой рассказ и просила отслужить благодарственный молебен с акафистом св. Николаю.

Тот же святитель спас мне жизнь через много-много лет, когда я уже жил в Москве и имел довольно известное в городе предприятие, иногда удачно конкурируя с Мендлем. Это было в 1920 году.

Время было голодное. Приобрести что-либо съестное или из продуктов в деревне можно было, как вы, наверное, помните, только в обмен на какие-нибудь вещи, ценные предметы, одежду или обувь, причем крестьяне все это ценили

очень дешево, а продаваемые припасы, наоборот, страшно дорого.

В январе или феврале, я, взяв с собой для обмена отрезы ситца, кое-какую одежду и тому подобные предметы, поехал по железной дороге в Тульскую губернию, в хорошо известную мне местность, где я знал нескольких зажиточных крестьян. Выйдя из вагона на одной из станций за Тулой, я пришел в соседнюю деревню, где был знакомый крестьянин, рассказал ему о цели, для которой приехал, и просил одолжить лошадь, чтобы съездить в одно ближайшее село, где мне, в ответ на мой запрос, обещали уступить три мешка картофеля в обмен на мануфактуру и одежду.

Лошадь мне дали, и на другой день я поехал в это село, где довольно удачно обменял ситец и пиджачную тройку на картофель, и, отдохнув немного, тронулся в обратный путь. Мне нужно было на середине пути, по которому я следовал, подниматься в гору. Дорога была обсажена с двух сторон березами, и мне не было видно, что находится за деревьями.

Внезапно из-за поворота показался громадный обоз, везший со станции железной дороги какие-то товары. Недавно выпал обильный снег, и дорога была весьма узкая. Желая уступить место обозу, я повернул лошадь влево и стал пробираться ближе к березам, как вдруг я, не заметив косогора, почувствовал, что сани сперва наклонились, а потом сорвались вниз, увлекая за собой лошадь.

Я очутился в овраге, наполненном рыхлым снегом, под перевернувшимися санями; лошадь лежала на боку, навалившись на оглоблю. Все попытки лошади подняться ей не удавались, так как рыхлый снег был очень глубок, и она не имела возможности твердо опереться о почву ногами. Вследствие этой же причины, и мне, хотя я с трудом и освободил голову из-под саней, не удавалось скинуть с себя сани и стать на ноги. Ноги мои, не находя опоры, беспомощно скользили и увязали в снегу, сыпучем, как песок.

Пока я так барахтался, переменился ветер на северный, и мороз начал заметно усиливаться. Мне стало очень холодно, хотя на первых порах, когда еще делал попытки встать на ноги, я даже от сделанных усилий вспотел. Лошадь покорно лежала.

Вдруг я почувствовал, как 25 лет тому назад, когда я с покойным отцом едва не замерз, что дрожь у меня прошла, по телу разливается приятная теплота, и меня начинает под шум раскачиваемых ветром высоких елей клонить ко сну. Я снова начал делать отчаянные движения, силясь стать на ноги, но только глубже увязал в снегу. Тогда я поднял сильный

крик, и я кричал так громко, что голос мой был, наверное, слышен на большом расстоянии. Вскоре над моею головою на высоком косогоре, где проходила дорога, стал слышен скрип полозьев, и раздались голоса проезжающих людей. Я закричал еще громче.

Скрип полозьев прекратился, и скоро мне стало слышно, что ко мне с величайшим трудом пробираются два человека, переговариваясь друг с другом. Наконец они меня заметили. Подошли, сочувственно посмотрели, похлопали зачем-то руками в кожаных рукавицах, сделали попытку поднять коня, утоптав снег вокруг саней, но им ничего не удалось сделать, и пошли назад, крикнув мне: "Нас едет в розвальнях четыре человека, все равно мы тебя, милый человек, взять с собой не можем, а куда вывести коня, не знаем. Мы не здешние, издалека. Покричи, авось услышат здешние и пособят тебе. Прощевай". Затем они удалились.

Ветер усилился, и пошел снег. Скоро вокруг закрутило, зашумело: ветер нес целые тучи сухого снега, я понял, что погибаю.

Тогда я вспомнил, как мне когда-то, когда я был в такой же беде, помог св. Николай Чудотворец и, лежа, заносимый снегом, обратился к великому Святителю с усердной молитвой о спасении.

Помню, — продолжал свой рассказ П—кий, — что я молился со слезами, по-детски, складывая сам свое обращение к св. Николаю: "Угодничек Божий. Ты спас мне жизнь, когда я ребенком погибал с отцом, замерзая в степи 25 лет тому назад, помилосердствуй и теперь и своими святыми молитвами спаси мне жизнь, не дай мне умереть без покаяния на чужбине. Ты скорый на помощь тем, кто с верой тебя призывает. Спаси, погибаю..."

Едва я окончил молитву, как услышал над собой скрип полозьев и людской говор. Было ясно, что движется большой обоз. Я закричал что было силы. Скрип полозьев прекратился. Обоз остановился, и я увидел нескольких крестьян, которые, скатившись с косогора, шли ко мне, проваливаясь чуть ли не по пояс в рыхлом снегу. Их было четыре или пять человек. С трудом они подняли меня и лошадь и, взяв ее под уздцы, вывели низом на боковую дорогу, по которой я поднялся снова на большую дорогу.

Через три четверти часа я был уже у знакомого, одолжившего мне лошадь, который, видя, что на дворе поднялась сильная метель и сделалось темно, начал уже за меня беспокоиться.

Я горячо возблагодарил Господа Бога и св. Николая Чудотворца за вторичное спасение мне жизни, — закончил он рассказ, прибавив, что с этого времени он особенно стал почитать этого великого угодника Божия.

"Вот, — прибавил П—кий, — говорят, что чудес не бывает, а я верю, что меня спас Господь по молитвам св. Николая".

Рассказ его не мог не произвести на меня глубокого впечатления.

5.

В 1872 году, когда жена была ребенком двух лет, она неожиданно заболела какою-то странной болезнью: глаза ее закрылись, и она лежала, не имея возможности поднять веки. Медицина тогда еще не стояла на той высоте, как теперь, и приглашенный врач, единственный в уездном городе, прямо заявил, что не понимает сущности болезни и чем вызвано такое ослабление мускулов век. Велел что-то прикладывать к векам, но ничего не помогало, и девочка продолжала лежать с закрытыми глазами.

В город, где жили родители жены, каждый год приносили из соседнего села чудотворную икону Божией Матери. Желавшие помолиться перед ней приглашали священника с иконой в свои дома, где служились молебны.

То же сделали мои будущие тесть и теща. Едва ребенка приложили к иконе, она открыла глаза и вскоре выздоровела.

6.

В 1925 или 1926 году ко мне как-то пришла старая, лет 70-ти, но еще на вид бодрая дама, которая по воскресеньям обыкновенно ходила в наш храм при общине к литургии, и заявила мне следующее: "У меня имеется доставшаяся мне от бабки чтимая Казанская икона Божией Матери, и каждый год перед нею у меня на дому 8/21 июля мой духовный отец служил молебен с водосвятием. Теперь он сделался "обновленцем", и я порвала с ним всякие отношения. Не можете ли вы мне отслужить перед иконою в день ее празднования молебен на дому с водосвятием".

Я, конечно, выразил согласие и в назначенное время исполнил ее просьбу. Я невольно обратил внимание на икону: она была небольшая, не очень художественного письма, но лик был выразительный. Местами виднелись какие-то беловатые пятна. Оклад был червонного золота.

Заметив, что я заинтересовался иконой, владелица ее предложила мне рассказать историю иконы. За чашкой чая я внимательно слушал и запомнил ее повествование. Вот оно:

"Мои родители были состоятельные помещики Новгородской губернии. Я росла с братом, других детей у родителей не было. Они прекрасно жили, были молоды и души не чаяли в нас. Ничто не предвещало беды. Внезапно заболел отец, недолго похворал и отдал Богу душу. Его кончина так потрясла мать, что она недолго пожила и тоже скончалась, и мы осиротели.

Приехала наша бабушка, богатая женщина и взяла нас к себе. Большое родовое ее имение было в северной, глухой части губернии. Она сама вела обширное хозяйство и вела его образцово. Ее назначили нашей опекуншей. Бабушка не жалела средств на наше образование: у нас были и учителя, и гувернантки, мы изучали иностранные языки и музыку.

Мне было семь лет, а брату восемь, когда бабушка, обходя свое хозяйство, простудилась и слегла. Она была высокого роста, сухая, чрезвычайно подвижная женщина, поражавшая всех своим здоровьем и неустанной деятельностью. Она нам заменяла в полном смысле слова мать, и мы были очень огорчены ее болезнью.

Бабушке стало так нехорошо, что компаньонка, жившая у нее много лет и считавшаяся уже членом семьи, решила поехать за доктором. До ближайшего уездного города было 200 верст. Только через три дня смог приехать уездный врач. Выслушав больную и познакомившись с историей болезни, он обратился к компаньонке со следующими словами: "Есть ли кто у больной из ближних родных? У нее большое состояние, и ей нужно сделать, быть может, какое-нибудь распоряжение, пока она в сознании, так как ей осталось жить не более двух суток. У больной воспаление легких, и наука бессильна ей помочь".

Пришлось подготовить бабушку к неизбежному исходу.

Известие о том, что она уже не встанет, бабушка приняла с покорностью воле Божией, но, когда осталась одна, обратилась со слезной молитвой к Божией Матери, прося Ее послать исцеление не ради нее, а ради нас, сирот, чтобы она могла закончить наше домашнее воспитание и определить нас в учебные заведения. Ночью ей приснилась Божия Матерь, Которая сказала: "Вели отыскать Мою икону, которая там в полном небрежении, отслужи перед нею молебен и будешь здорова".

Утром бабушка распорядилась, чтобы приказчик отыскал эту икону, но все поиски оказались тщетными — иконы

нигде не было обнаружено. Ночью бабушка снова увидела Божию Матерь, Которая сказала: "Что же ты не отыскала Мою икону?"

Тогда бабушка послала за священником и с трудом передала ему обо всем происшедшем. Священник, после тщетных поисков иконы, велел разобрать полок. За полком была найдена небольшая икона Божией Матери, прислоненная к стене. Видно было, что шнурок, на котором она висела, от старости истлел, и икона соскользнула вдоль стены за полком на пол. Она была влажная от сырости и местами покрыта белыми пятнами.

Икону очистили, смазали деревянным маслом, и перед нею был отслужен молебен. На другой день в здоровье бабушки наступило заметное улучшение, и, медленно поправляясь, она наконец выздоровела.

Через несколько лет она поехала с нами в Петербург и взяла с собой икону, ставшую нашей домашней святыней, чтобы сделать там на икону оклад из чистого золота. Я и брат выдержали экзамены, я — в Екатерининский Институт, а брат — в корпус.

Простившись с нами, бабушка заказала оклад на икону и самую икону повезла к рекомендованному ей иконописцу, чтобы ее поновить. Но когда она приехала за нею в назначенное время, то иконописец ей объявил, что икону он не смог поновить, так как едва он хотел притронуться к ней кистью, как рука его судорожно отдергивалась. Думая, что это происходит от старости, он поручил поновить икону своему сыну, но и тот не мог ничего сделать: руку его судорога отводила от иконы. "Не советую вам ее поновлять, сударыня, — сказал живописец. — Смотрите, не чудотворная ли она у вас?"

Так бабушка уже не пыталась ее реставрировать и только возложила на нее оклад. Перед этой иконой вы и служили молебен.

Бабушка прожила еще несколько лет и скончалась, когда мы кончили образование и были в сознательном возрасте. Икона досталась мне.

Я вышла замуж, имела детей и до революции обладала хорошим состоянием. Брат вышел в большие люди, владел имением и имел семью. Во всех трудных случаях жизни мы всегда прибегали к помощи Владычицы, и в нашей семье икона, историю которой я вам рассказала, всегда почиталась как чудотворная".

Я покинул старушку с чувством умиления и радости, что Богородица не оставляет людей Своею помощью, укрепляя тем их веру, заметно повсюду ослабевшую в наш суровый век.

7.

Одна из духовных дочерей священника о. В. М., бывавшего иногда на службе в нашем храме и очень дружившего с иеромонахом С., молодая девушка лет 16—17-ти опасно заболела. Силы ее уходили, она чувствовала, что умирает. Тогда она обратилась с молитвой к Божией Матери, прося Пречистую исцелить ее. Через несколько дней она увидела во сне Богоматерь, Которая сказала: "Если хочешь быть здоровой, отыщи на чердаке Мою икону, которая там валяется. Не подобает святыне быть в таком небрежении. Отслужи перед этой иконой молебен и будешь здоровой".

Несмотря на уговоры родных, больная с трудом залезла на чердак и скоро нашла там среди сора и голубиного помета Казанскую икону Божией Матери с некоторыми святыми, изображенными в медальонах кругом иконы.

Икона была очищена, смазана елеем, и в тот же день о. В. отслужил перед ней молебен. Больная выздоровела. Придя к своему духовному отцу, она принесла ему в дар эту икону, объяснив, что она "недостойна иметь эту святыню".

Как-то я служил, по просьбе о. В., в его храме. Когда я уходил, о. В. просил меня принять от него икону, которая в настоящее время и находится у меня.

8.

Единственный сын у родителей отправлялся в 1914 году на войну в качестве гардемарина флота. Он только что окончил курс высшего учебного заведения, и ему едва минул 21 год. Когда он, заехав проститься с родителями в город, где они жили, отбыл в Севастополь, те были очень огорчены.

Мать не могла даже плакать, как-то окаменев, и в тот же день поехала в местный монастырь, где была чтимая икона Божией Матери, считавшаяся в народе чудотворной. Припав к иконе, она молилась, прося Владычицу сохранить юношу, покрыв его Своим покровом, и закончила молитву словами: "Тебе понятны страдания людей, ибо при кресте Ты видела висящего на нем Сына, Тебе Самой прошел меч душу. Тебе, как общей нашей Матери, поручаю дорогого мне человека".

Юноша вскоре был назначен командиром канонерки, защищавшей вход в Дунайские гирла. Когда канонерка не выходила в устье Дуная, на обязанности юноши было корректировать артиллерийскую стрельбу по болгарскому берегу,

для чего он сидел на особой вышке, устроенной на высоком дубе. Более шести месяцев он был под непрерывным шрапнельным огнем, и днем и ночью не умолкал гул орудий.

Один или два раза в неделю ему разрешалось ездить в отпуск в г. Измаил, где была главная квартира армии, действовавшей против Болгарии. Здесь командир одного из морских полков, с коим он познакомился, прикомандировал его на время отпуска к своему полку и взял с собой в опасную экспедицию — десант на болгарский берег, назначив помощником начальника отряда, которому было поручено взять деревню Парлита.

Отряд тихо переправился на катерах через Дунай и поднялся на крутой берег, где была расположена деревня. Солдаты вбежали, казалось, в спящую деревню, но вдруг отряд был освещен ярким светом прожектора, и перед ним оказался батальон болгарской пехоты с пулеметами.

В это время из окопов выскочил высокого роста болгарин и нанес юноше штыковую рану в левую руку, вслед за тем другой болгарин кинул сзади в отряд ручную гранату, которая, разорвавшись, убила двух матросов по обеим сторонам от юноши, которому осколками гранаты было нанесено восемь ран в спину. Вслед за тем болгары открыли по отряду пулеметный огонь, начальнику отряда оторвало ступню правой ноги, и он упал.

Оценив обстановку и видя, что против отряда в 150 человек болгары выставили около 1000 солдат, юноша, приняв начальство над отрядом, велел забрать всех раненых и трубить отступление. Сам же, взвалив здоровой рукой на израненную спину начальника отряда, вынес его из сферы огня и стал наблюдать за посадкой всех солдат отряда на катера, особенно раненых, и сел в катер последним.

Возвратившись на румынский берег, наш отряд залег в камышах, так как болгары светили прожекторами, и стали крыть шрапнельным огнем. Пришлось лежать в камышах до рассвета, когда артиллерийский огонь прекратился.

Юноша с отрядом лежал в грязи в течение нескольких часов, раны у него загрязнились, особенно штыковая на левой руке. Когда его привезли в русский госпиталь, устроенный в румынском селении Кармен-Сильва, доктора нашли положение юноши весьма серьезным, так как температура поднялась до 40°. Старший врач госпиталя предложил ему отнять руку, предупреждая, что в противном случае может угрожать общее заражение крови, но тот на это не согласился.

На другой день температура у юноши сделалась нормальной, и старый врач был так этим поражен, что задал ему вопрос: "Скажите, гардемарин, кто же за вас Богу молился?"

Но этого мало, возвращаясь по выздоровлении в Россию, юноша подвергался два раза серьезной смертельной опасности во время восстания гайдамаков в Одессе, но остался жив, в то время как много морских офицеров погибло.

Такова сила молитвы к Божией Матери и Ее помощи[1].

Мне известно еще несколько случаев удивительной помощи Божией Матери, из них опишу два случая.

1.

В 1928 году настоятель нашего храма просил меня заменить его и сходить, после всенощной, причастить умиравшую его духовную дочь, жившую недалеко от храма. За настоятелем пришел сын этой женщины, мальчик лет одиннадцати.

Когда я вошел в бедно обставленную комнату больной, то мог убедиться, что она очень плоха и должна скончаться. Она сама это чувствовала, жаловалась на состояние сердца и твердила мне, что будет просить Божию Матерь исцелить ее, так как жизнь ее очень нужна малолетним детям. По ее словам, Богоматерь уже три раза, по усиленным молитвам, ее исцеляла, когда, казалось, не было никакой надежды на спасение.

Когда я, намереваясь приступить к исповеди, сказал сыну больной удалиться, она возразила: "Пусть останется: я прежде хочу вам рассказать про один случай, в котором проявилось особая милость Пречистой Богоматери к людям и особенно к моей семье. Я умираю, и мне нет ни смысла, ни цели лгать и сочинять небылицы. Умолчать о происшедшем не считаю возможным: все случаи, свидетельствующие о помощи Божией людям, должны быть известны всем, да прославится имя Его святое, и пусть они не теряют надежды в трудных обстоятельствах жизни".

Затем она рассказала следующее: "Я крестьянка Тамбовской губернии и несколько лет как переехала в Москву. Юность я провела очень нехорошо: любила не только веселиться с парнями, но даже развратничала с ними и пила вино.

Затем я вышла замуж за человека много старше меня. Он оказался прекрасным во всех отношениях: трезвым, глубоко верующим и со мной обращался хорошо и любовно, и

---

[1] Подвиг гардемарина был описан в одном из сентябрьских номеров газеты "Русское слово" за 1917 год. — *Прим. автора.*

мы прекрасно жили. Я его полюбила, остепенилась и была ему верна. Но он был бедным, и нам очень тяжело жилось, тем более что почти каждый год у нас рождались дети. Скоро наша семья состояла уже из семи человек.

В 1924 году мой муж неожиданно скончался, и я осталась молодой вдовой с пятью детьми. Положение было очень затруднительное, так как мой муж был безлошадным и прирабатывал деньги ремеслом, мне работать на стороне было нельзя, так как дети были малолетними. Старшему ребенку — девочке было 12 лет, и она страдала детским параличом; ходила на локтях, вернее ползала, а нижняя часть тела и ноги совсем не двигались.

К довершению моего тяжелого положения в год смерти мужа нашу и соседние губернии постиг неурожай от небывалой засухи, которая началась с ранней весны. Озимые хлеба пропали, а яровые едва взошли и начали сохнуть. Было ясно видно, что не соберем даже ничтожного количества проса, ячменя, гречихи и овса. Вся надежда была только на картофель, он прекрасно взошел и быстро рос.

Между тем засуха продолжалась. Солнце так палило, что высохли пруды, обмелели речки и иссякли ручьи. По деревням было сделано властями распоряжение — над срубами колодцев сделать крышки с прибоями и завесами и, под личную ответственность председателей сельских советов, выдавать жителям определенное количество воды по числу душ в каждой семье, после чего на крышки вешать замки и замыкать их.

Вскоре после этого распоряжения я, к своему ужасу, стала замечать, что ботва на картофеле стала покрываться пятнами, сворачиваться, заметно сохнуть. Угрожала опасность лишиться последнего продукта для пропитания семьи, и невольно приходила мысль, что нас ожидает голод.

Мы были так бедны, что у нас не было для детей кроватей, в избе не было даже полатей. Они спали все в ряд на полу, на который я клала солому.

Однажды ночью я заметила, что старшая дочь выползла из хаты и быстро поползла через улицу в ближайшую избу, в которой на ночь не замыкались двери в сени. В руках ее была кружка. Скоро она показалась с кружкой, полной воды, и поползла на огород. Здесь она начала раздвигать ботву в каждом кусте картофеля и бережно лить воду на корни.

Вначале я хотела ее побранить, но потом боязнь за будущее взяла верх, и я даже сама ей посоветовала следующую ночь сходить снова за водой в ту хату, где оплошно не будет закрыта дверь в сени.

Однажды около полуночи я проснулась. Была светлая лунная ночь. Дочь моя тоже проснулась, села на полу и стала собираться ползти за водой.

Вдруг потолок на нашей избе раздвинулся на обе стороны, и мы увидали небо и спускавшуюся с неба Женщину в черном платье и с большой черной шалью на голове, покрывавшей ее плечи и зашпиленной под подбородком. Она имела вид монахини. По мере того, как Она опускалась, складки подола Ее платья от ветра колыхались.

Я признала Пресвятую Владычицу. Опустившись на пол, Она с улыбкой посмотрела на моих детей, меня же не удостоила взглядом, и я поняла почему: потому что, будучи девушкой, я не соблюдала себя и вела развратный образ жизни. Меня объял такой ужас, что я стала дрожать и лязгать зубами, а дочь моя как всплеснула руками, так и осталась сидеть со сложенными руками, смотря на Матерь Божию. Владычица обратилась к моей дочери с такими словами, сказанными тихим, кротким голосом: "Зачем ты берешь чужую воду? Ведь всем трудно теперь, не одним вам. Это нехорошо, не делай больше этого; Я пошлю вам воды, много воды, не горюйте". Затем Она еще раз посмотрела с улыбкой на моих детей, ни разу не обернувшись в мою сторону, и стала подниматься кверху. Потолок снова задвинулся.

Мы с дочерью вышли на крыльцо и видели, как Богоматерь медленно поднималась, и платье Ее, освещенное лунным светом, снова колыхалось. Скоро облачинки скрыли Ее от наших взоров.

Тогда я пришла в себя и, оставив дочь на крыльце, начала бегать по улице нашего селения и кричать. Я кричала так сильно, что народ начал пробуждаться, и ко мне стали выбегать люди из ближайших изб. Вскоре вся деревня была в сборе, не понимая, что случилось и почему я подняла такой ужасный крик.

Тогда я объяснила, что произошло. Старики сказали: "Видно, тебе за попом ехать, дадим тебе коня, привези попа. Молебен отслужим".

До села было восемь верст. Пока нашли коня, запрягли его, солнце начало вставать. Через час я подъехала к дому нашего священника. Матушка уже встала. Выслушав меня, сказала: "Батюшка ночью ездил с требой, очень устал и лег на пчельнике соснуть; посиди немного на крылечке. Он скоро встанет".

Посидела я часа два и как-то обернулась и вижу: с востока идет черная-пречерная туча, а через полчаса поднялся из-под тучи ветер, загремел гром, заблистала молния, и пошел

такой дождь, что я такого не запомню. Ливень продолжался около часа.

Тем временем встал батюшка, и мы поехали. Дорога сделалась такою грязною, что мы несколько раз останавливались, чтобы счищать размякший чернозем со ступиц колес. Приехав в деревню, батюшка отслужил благодарственный молебен и молебен Царице Небесной.

С этого дня стали перепадать дожди. Хлеба уже не могли поправиться, но урожай картофеля был необыкновенный. Я собрала его так много, что мне с избытком хватило прокормить семью. Никто в деревне и округе у нас не голодал. Такова милость Царицы Небесной".

Мальчик, выслушав мать, сказал: "Я не видел Божией Матери, так как в это время спал, но помню, как мать с сестрой выскочили на крыльцо; я в это время проснулся и помню, что слышал голос матери, кричавшей на улице. Мне было тогда три года".

Рассказ больной произвел на меня впечатление. Зачем, в самом деле, умирающей сочинять все, что я изложил? Никакой галлюцинации здесь тоже не могло быть.

Через несколько недель эту женщину я встретил в нашем храме. Она с трудом двигалась, но пришла помолиться и поблагодарить Бога за выздоровление. И, увидев меня, подошла и сказала: "Я усердно молилась Божией Матери, и Она снова послала мне милость, вымолила мне выздоровление, а я совсем была плоха и не чаяла, что встану".

2.

Меня иногда приглашал один знакомый священник, бывший настоятель довольно известного в Москве древнего храма, сослужить в тех случаях, когда у него происходили какие-нибудь торжества, например, бывал престольный праздник и т. п. Я жил недалеко от его храма.

Однажды в 1924 году он меня просил прийти, когда в храме служил епископ Винницкий Амвросий[1]. Епископ Амвросий поселился в Даниловском монастыре и скоро приобрел расположение всех, кто с ним сталкивался.

После обедни настоятель пригласил меня зайти к нему напиться чаю. Мне пришлось сидеть рядом с епископом, и мы много беседовали. Между прочим он рассказал мне, при каких

---

[1] Амвросий (в миру Полянский Александр Алексеевич) (1878—1927), епископ Винницкий. Хиротонисан в 1918 г. В 1922 г. перемещен на Каменец-Подольскую кафедру. Стойкий борец с обновленческим расколом. В 1925 г. арестован и приговорен к трем годам концлагеря. Скончался в Казахстане. — *Прим. ред.*

4—6158

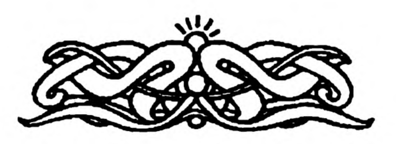
обстоятельствах его выслали из вверенной ему епархии. По его словам, весна и начало лета 1924 года были страшно жаркие. В течение более двух месяцев стоял страшный зной, и не выпало ни капли дождя. На поля было страшно смотреть: и яровые и озимые посевы погибли. Трава выгорела, и все пруды, ручьи и мелкие речки повысохли. Местами не было, где напоить скот, и коровы с мычанием, а овцы с блеянием бегали по степи и выгонам, тщетно ища водопоя. На скот было жаль смотреть.

Несколько подростков одного селения не очень далеко от г. Винницы, видя страдания скота, решили прогнать его за несколько верст в одну глубокую балку, где никогда не пересыхал ручей, и поэтому росла густая трава. Но когда скот, изнемогавший от жары и жажды, был пригнан в эту балку, к ужасу мальчиков, засуха и там сделала свое дело: никогда, даже в самые жаркие месяцы не высыхавший ручей иссяк, а трава, растущая по его берегам, высохла. Мальчики не знали, что им делать: скот, подняв хвосты, бегал с ревом по балке и лизал камни, овцы кучами собирались в высохшем русле и жалобно блеяли. Некоторые из мальчиков даже заплакали.

Вдруг появилась Женщина, одетая вся в черное, с жезлом в руке, и обратилась к мальчикам со словами: "Не плачьте; сейчас будет вода; Я дам вам много воды", — и ударила жезлом по камню. Оттуда забил могучий источник воды, к которому кинулся скот. Женщина стала невидимой. Пастухи побежали в селение, где в страшном волнении сообщили все, чему они были свидетелями.

Крестьяне кинулись к священникам своего прихода, прося их отслужить на месте явления Божией Матери молебен, но те отказались, объяснив, что их обвинят в том, что они поддерживают суеверие. Священники других сел по этой же причине не согласились служить молебен. Между тем слух о чуде распространился по всей округе, и к месту явления Божией Матери и источника открылось паломничество крестьян с хоругвями, крестами и иконами, но без духовенства. Народ шел к балке, где мальчики видели Божию Матерь, и днем и ночью с пением молитв и церковных гимнов. Придя на место, они там молились, как умели.

На это паломничество обратили внимание власти. В селение, близ коего все это произошло, был отправлен корреспондент советской газеты, издававшейся в Виннице. "Вот посмотрите, — продолжал епископ, — несколько номеров этой газеты, где описывается все то, что видели мальчики, и прямо не отрицается самый факт, но дается ему только известное толкование".

Епископ Винницкий Амвросий (Полянский)

В одном из номеров газеты я прочитал сообщение корреспондента, присланное с пути. Он описывает, что ему пришлось заночевать в селении, расположенном за несколько верст от балки, где мальчики, пасшие скот, были свидетелями чуда. "Теперь, — пишет он, — поздняя ночь, но я не могу заснуть, так как мимо хаты, в которой я остановился, идут непрерывной вереницей крестьяне разных селений с пением молитв и гимнов".

Из этой корреспонденции можно ясно вывести, что религиозное движение в Винницком уезде охватило обширный район. Духовенство, слава Богу, благодаря тому, что уклонилось от служения молебнов по просьбе крестьян, не пострадало, но епископу Винницкому Амвросию было предложено выехать в Москву.

Опишу один случай, из которого ясно видно, как отозвался св. Архангел Гавриил на усердную молитву к нему, обращенную лицом, очень почитавшим этого Великого Служителя Тайн Божиих, что может служить большим утешением нам на земле.

В 1925 году я провел месяц в Аносиной пустыни, недалеко от Звенигорода. За год перед этим я тоже там провел часть лета и познакомился с двумя московскими учительницами В..., милыми, симпатичными и глубоко верующими девушками.

Приехав туда снова в 1926 году, я рад был встретиться с ними и узнать, что они тоже проведут часть лета близ пустыни в соседней деревне Аносине, где наняли уже помещение. Мы скоро встретились еще раз и условились друг друга навещать. Они познакомили нас со своей подругой Н..., тоже московской учительницей, впервые бывшей в Аносине и очень довольной своим приездом туда. Когда мы с ними прощались, наша новая знакомая обратилась ко мне с просьбой прийти к ней в воскресенье после обедни и освятить новую избу, которую она наняла в этой деревне, отслужить молебен с водосвятием. В назначенный день мы отправились к ней в деревню.

В углу сиявшей белыми стенами и пахнувшей смолой недавно срубленной избы стоял столик, на котором находилась чаша с водой, два подсвечника с восковыми свечами и самая простая олеографическая икона Архангела Гавриила, наклеенная на фанеру и прислоненная к стене. Перед иконой теплилась лампада.

Приезжая учительница Н. просила меня отслужить вместе с водосвятием молебен св. Архангелу Гавриилу с акафистом ему и вручила мне рукописный акафист.

Отслужив молебен и окропив избу освященной водой, я остался по приглашению хозяйки напиться чаю. За чаем я выразил большую радость, что мне удалось прочитать так хорошо написанный акафист, объяснив, что многие наши акафисты очень неудачно составлены, отличаясь многословием с нанизыванием разного рода похвальных выражений и эпитетов, часто повторяющихся и неблагозвучных. Авторы их не вдохновлялись, а часто механически кропали одну строчку за другой, больше придерживаясь условной формы, чем заботясь о содержании.

Тогда хозяйка-учительница объяснила мне, что она является автором так понравившегося мне акафиста, и рассказала следующее: "Я с юных лет особенно почитаю Архангела Гавриила, как провозвестника Божиих Тайн и благовествовавшего Пресвятой Деве Марии о рождении от Нее Спасителя. Каждый день я усердно ему молилась, прося помощи и поддержки. Мне было только прискорбно, что у меня нет иконы Архангела Гавриила, и я просила, чтобы он помог мне получить как-нибудь его святое изображение.

Однажды утром, около года тому назад, я особенно усердно молилась Архангелу Гавриилу. Вдруг угол, увешанный иконами, как бы раздвинулся, и предо мной предстал Архангел Гавриил. Он молча, с тихой улыбкой на меня посмотрел, и потом стены как бы вновь сдвинулись, и видение, которое продолжалось несколько мгновений, прекратилось.

Архангел Гавриил был одет в белую тунику, вместе ораря на плечах, как обыкновенно изображают на иконах, у него были голубого цвета узкие ленты, перекрещивающиеся на груди. Я не испугалась, но смутилась, а потом на душе стало так радостно.

Только это видение окончилось, в комнату вошла моя мать и обратилась ко мне с фразой: "Какими это ты духами надушилась? Какой чудный запах!" Такой аромат наполнил всю мою комнату.

Я долго была в восторженном и одновременно в благоговейном состоянии, мысленно благодаря Архангела Гавриила за то, что он удостоил меня его лицезреть в телесном виде.

Вдруг раздался стук в дверь, и в комнату вошла моя двоюродная сестра, тоже учительница, с каким-то свертком, и, поздоровавшись со мной, она сказала: "Представь себе, какой со мной произошел сегодня случай, объяснить который я не в состоянии. Только что я оделась, вышла из

квартиры и начала спускаться с лестницы, намереваясь перед началом занятий зайти по делам, как появилась назойливая мысль, что я что-то забыла в своей комнате, что мне что-то нужно сделать.

Навязчивая мысль так меня захватила, что я поднялась в свою квартиру, открыла комнату и остановилась, недоумевая, что же мне далее делать. Машинально подошла к комоду, открыла верхний ящик и зачем-то стала перебирать содержимое. В левом углу у меня, между прочим, лежат разного рода бумаги, справки, рисунки, узоры и среди них бумажная икона Архангела Гавриила, о которой я совсем забыла. Я знаю, какая ты верующая, и мне неожиданно пришла мысль отвезти тебе эту икону, и я успокоилась. Возьми ее, пожалуйста".

Перед этой иконой, которую я наклеила на фанеру и освятила, вы и служили сегодня молебен и читали акафист.

Что касается самого акафиста, то написала я его при следующих обстоятельствах.

После описанного видения я стала особенно усердно молиться Архангелу Гавриилу, скорбя, что ему не составлено до сих пор акафиста, почему я не могу его достойным образом прославлять. Вскоре после этого меня стала преследовать мысль: "Напиши акафист Архангелу Гавриилу". Я отгоняла эту мысль, так как, во-первых, недостаточно хорошо знаю славянский язык, а во-вторых, не так знакома с той формой, которой следует придерживаться при составлении акафистов, почему самую идею — написать акафист считала дерзновенной.

Но мысль эта меня не оставляла и стала такой упорной, что я наконец взялась за перо и после молитвы начала составлять акафист. Откуда-то мне стали приходить в голову славянские слова и речения, мысль прославить великого Служителя Тайн Божиих стала облекаться в звучные слова и стройные предложения, и за довольно непродолжительное время акафист был написан.

Я решила отнести его к Святейшему Патриарху и просить его велеть рассмотреть составленный мною акафист и благословить его читать. Святейший Патриарх принял меня хорошо, выслушал мое ходатайство и сказал: "Я передам в Синод для рассмотрения составленный Вами акафист Архангелу Гавриилу, но предупреждаю, что вы получите ответ не скоро, так много поступило к нам на рассмотрение акафистов и молитв, составленных в последнее время".

Через две недели был праздник — Собор Архангела Гавриила, и я решила накануне пойти в церковь, бывшую прежде

при Почтамте, посвященную Архангелу Гавриилу[1], и отстоять там всенощное бдение. Служебные и другие дела меня задержали, и я пошла в церковь с большим запозданием. Едва я туда вошла, как открылись Царские врата, и на середину храма вышел Святейший Патриарх, окруженный сонмом епископов, священников и, к великому моему удивлению и радости, начал читать составленный мною акафист. Для меня стало совершенно ясным, что мысль написать акафист внушена мне самим Архангелом Гавриилом, и что он помог мне в этом труде и руководил моей слабой рукой. Через день я пошла к Святейшему Патриарху и получила от него свою рукопись и благословение читать составленный мною акафист, причем в рукописи не было изменено ни одной фразы, ни одного слова[2].

Прошло несколько месяцев. Приближался праздник Благовещения и с тем вместе и день, посвященный прославлению Архангела Гавриила.

За несколько дней до Благовещения ко мне постучали в дверь комнаты, и в нее вошел неизвестный мне монах среднего роста, весьма худой и болезненный на вид. "Я епископ Гавриил. Через несколько дней день моего Ангела, и я буду служить всенощную в церкви, посвященной Архангелу Гавриилу, — сказал он, благословив меня. — Не можете ли вы мне дать составленный вами акафист Архангелу, тезоименитому мне: я хочу прочитать его перед "Хвалите имя Господне".

Я, конечно, с радостью вручила ему акафист. С этого времени этот акафист многие списали и, к моему великому утешению, стали читать в церквах г. Москвы и отдельные лица.

Рассказ скромной учительницы произвел на меня большое впечатление.

"Святый Великий Архистратиже Небесных Сил Гаврииле, Служителю Тайн Божиих, благовествовавший Пречистой Деве Марии воплощение Бога Слова, святыми твоими молитвами и предстательством настави нас грешных на путь спасения и посли нам утешение в скорбях, напастях и обстояниях".

---

[1] Церковь Архангела Гавриила, иначе называемая "Меншикова башня", "летняя в Патриаршей Гавриловой слободе" (начало XVIII в.) в 1930-е гг. была закрыта. В 1947 г. вновь открыта и передана Антиохийскому подворью. — *Прим. ред.*

[2] По документальным данным 12(25) июля 1921 г. Святейший Патриарх Тихон разрешил "для церковного употребления" акафист Архангелу Гавриилу, составленный Анной Ивановной Кулаковой. См. "Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России и позднейшие документы, переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти". М., Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 1994. С. 177. — *Прим. ред.*

БЛАГОДАТНАЯ ПОМОЩЬ ПО МОЛИТВАМ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА, САРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА

Мы часто сомневаемся в благодатной помощи святых, и некоторые из нас склонны даже стать на лютеранскую точку зрения, что мы не нуждаемся "в посредниках между Богом и людьми". Но на деле выходит не так. Молитва праведника много значит, и еще из Ветхого Завета мы знаем, какие совершались чудеса по молитвам праведных, тем более молитва христианских праведников доходила до Бога.

1.

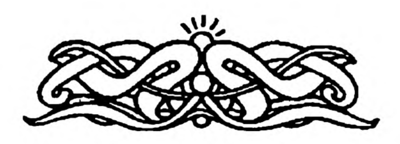
Лет десять-одиннадцать тому назад близкая мне по духу дама, по глубокому убеждению принявшая православие (была ранее лютеранкой), очень образованная (окончившая курс в высшем учебном заведении) и глубоко верующая, отправилась с взрослой дочерью в Саровскую пустынь.

Все там на них произвело неизгладимое впечатление, но особенно поразило их чудо, совершившееся почти на их глазах. К раке с мощами Преподобного подошел, чтобы приложиться к ней, армянский мальчик лет около десяти, слегка хромавший, которого поддерживала какая-то женщина. Мальчик был веселый и всем интересовался, но по-русски говорил очень плохо.

Они заинтересовались этим мальчиком и разговорились с сопровождающей его женщиной, которая объяснила, что приехали в Саров из Эривани вчера и в тот же день мальчика отвели к источнику, где его обдали водой, после чего он, хотя и не вполне свободно, но начал ходить. До этого несколько лет был совершенно недвижим. По всей вероятности, у него был детский паралич.

Родители, честные небогатые труженики, очень скорбели, видя своего сына в таком состоянии: не менее их сокрушалась бабушка мальчика, глубоко верующая женщина, и часто со слезами молилась об исцелении любимого внука.

Однажды она видит во сне согбенного старца, который говорит ей: "Если хочешь, чтобы внук твой был здоров, отвези его туда, где я покоюсь. Пусть искупается в источнике и будет здоров".

Икона преп. Серафима Саровского Чудотворца

Сон произвел на старушку сильное впечатление, и она пошла к армянскому священнику, которому и рассказала все, что ей приснилось. Священник подводил ее ко многим иконам святых, находившимся в церкви, спрашивая ее, не узнает ли она святого, которого она видела во сне. Но ни одно изображение не напоминало ей приснившегося праведника. "Тогда сходите к православному священнику. Быть может, вам во сне явился какой-нибудь русский святой", — сказал армяно-грегорианский священник.

Бабушка больного мальчика в тот же день пошла в православный храм и поведала обо всем священнику. Тот прямо подвел ее к иконе преп. Серафима. "Вот этого самого святого я видела во сне!" — воскликнула старушка. Она передала обо всем родителям больного мальчика, и на семейном совете было решено отправить его с надежным человеком в Саров, где он и исцелился.

Мои знакомые в течение нескольких дней видели этого мальчика веселым и радующимся, что он может передвигаться сам. Уезжая в Дивеевский монастырь, они взяли с собой в коляску этого мальчика, который дорогой рассказывал им, как он был несколько лет недвижим и как его мать и бабушка убивались, смотря на него.

Этот мальчик, конечно, останется навсегда верующим и почитателем преп. Серафима.

Исцеление армянского мальчика совершилось 19 июля ст. стиля 1927 г. Ноги у него были согнуты в колянях под углом примерно 45°, и не назад, что было бы более или менее нормально, а вовнутрь, и не разгибались. 19 июля, во время крестного хода, когда гроб преподобного был вынут из раки, мальчик был посажен туда (в раку) и после этого стал нормально ходить.

2

У меня был в Москве духовный сын — настоятель одного древнего храма, ныне разобранного. Он мне как-то рассказал следующее: переехали из Ленинграда в Москву две верующие девушки и стали посещать вверенный мне храм. Они обе были с образованием, но младшая была болезненная и очень скоро уставала, с трудом зарабатывала себе на хлеб, что ее очень огорчало. Она постоянно молилась преп. Серафиму и просила его помощи.

Однажды он ей приснился так живо, как будто дело происходило наяву, и говорит: "Поезжай ко мне в Саров, я там тебя устрою".

Пришла эта девушка ко мне как к духовному отцу и спрашивает моего совета, как ей поступить. Я говорю: "Если вы верите, что преподобный Серафим поможет устроиться на работу по вашим силам, то поезжайте в Саров. Там будет видно". Она так и поступила.

Вскоре я получил от нее из Сарова отчаянное письмо. Пишет, что живет уже более недели в Сарове, ездила в Дивеевский монастырь, и нигде ничего не выходит, не намечается никакой работы, да и какая может быть работа для девушки в мужском монастыре, что она в полном отчаянии, и думает вернуться назад, хотя в Сарове ей так хорошо, так все нравится и так хорошо молится.

Вскоре получаю другое письмо, в котором моя духовная дочь мне сообщает, что она в очень тяжелом состоянии духа пошла в пустыньку, где спасался преп. Серафим в глухой части соснового бора. Здесь перед нею предстал преподобный, согбенный, как он изображается на иконах, и сказал: "Иди к моему источнику, там устроишься", — и вслед за тем сделался невидимым.

Поблагодарив в горячей молитве преподобного и земно поклонившись ему, она вернулась в Саров и пошла к источнику.

Здесь заведующая женским отделением предложила ей сделаться ее помощницей — руководить приезжающими женщинами, желающими искупаться в источнике или облиться водою из него. Она получила комнату, полное содержание и небольшую сумму денег на личные расходы.

Пишет, что очень довольна своей судьбой, ежедневно посещает храм, счастлива, что живет под покровом преподобного. Происходило все это до закрытия Саровской пустыни.

3.

Интересна история составления митрополитом Серафимом Чичаговым[1] (тогда священником) "Серафимо-Дивеевской летописи".

Мне пришлось как-то служить всенощную и литургию в престольный праздник в храме одной дачной местности близ Москвы. Кроме меня, настоятель никого не приглашал сослу-

---

[1] Серафим (в миру Чичагов Леонид Михайлович), митрополит Ленинградский. Родился 9 июня 1856 г. Был духовным сыном св. Иоанна Кронштадтского. "Серафимо-Дивеевская летопись" завершена о. Серафимом в 1896 г. В 1899 г. принял монашество. С 1921 г. митрополит Варшавский и Привисленский. В 1922 г. был арестован, сослан в Архангельск на четыре года. С 1933 г. на покое. 11 декабря 1937 г. расстрелян в п. Бутово под Москвой. — *Прим. ред.*

жить митрополиту, который лично меня знал. Мы должны были ночевать в одной комнате на даче, недалеко от храма. После чая, когда мы удалились в отведенную нам комнату, митрополит Серафим, после прочтения мною вечерних молитв и всего правила к причащению св. Тайн, пожелал перед сном немного побеседовать со мной.

Мы коснулись в разговоре нескольких вопросов, которые нас интересовали, а затем митрополит меня спросил: "Читали ли вы Серафимо-Дивеевскую летопись?" Я ответил утвердительно. "А слышали ли, при каких обстоятельствах она мною составлена?" — Я ответил, что не слышал. "Тогда я вам расскажу, — сказал митрополит и передал мне следующее: — После довольно долгой государственной службы я сделался в Москве священником в небольшой церкви за Румянцевским музеем. Служа здесь, я как-то захотел съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преп. Серафима, тогда еще не прославленного. Когда наступило лето, я поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посетил все места, где подвизался преподобный.

Оттуда перебрался в Дивеевский монастырь, где мне все очень понравилось и многое напоминало о преп. Серафиме, так заботившемся о дивеевских сестрах.

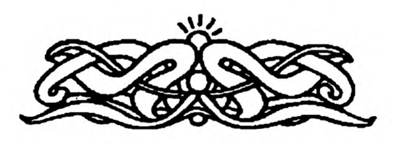
Игумения приняла меня очень приветливо, много со мной беседовала и, между прочим, сказала, что в монастыре живут три лица, которые помнят преп. Серафима: две старицы монахини и блаженная Пелагея (Паша). Особенно хорошо его помнит Паша, пользовавшаяся любовью преподобного и бывшая с ним в постоянном общении. Я выразил желание ее посетить, чтобы услышать что-либо о преподобном из ее уст.

Меня проводили к домику, где жила Паша-послушница. Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она была очень старая и слабая), воскликнула: "Вот хорошо, что ты пришел, я давно тебя поджидаю. Преп. Серафим велел передать тебе, чтобы ты доложил Государю слова его, что наступило время открытия его мощей и прославления".

Я ответил Паше, что я по своему общественному положению не могу рассчитывать быть принятым Государем в аудиенции, а также передать ему из уст в уста то, что она мне поручает. Меня сочтут за сумасшедшего, если я начну домогаться быть принятым Императором. Я не могу сделать то, о чем вы меня просите.

На это мне Паша сказала: "Я ничего не знаю, я передала только то, что мне повелел преподобный".

В смущении я покинул келью старицы.

Митрополит Серафим (Чичагов)

После нее я прошел к двум монахиням, помнившим преподобного. Они жили вместе в одной келье и трогательно друг за другом ухаживали. Одна была слепая, а другая вся скорченная, с трудом передвигавшаяся по комнате. Она заведовала прежде квасоварней и как-то, передвигая в погреб по ступенькам тяжелую бочку для кваса, сорвалась с лестницы, полетела вниз, и вслед за нею бочка для кваса, ударившая ее по средним позвонкам спинного хребта всею своею тяжестью.

Обе они были большие молитвенницы. Слепая монахиня постоянно молилась за усопших, причем души их являлись к ней, и она видела их духовными очами. Кое-что она могла сообщить и о преп. Серафиме.

Замечу, — продолжал митрополит свое повествование, — что перед отъездом в Саров я был у о. Иоанна Кронштадского, который, передавая мне пять рублей, сказал: "Вот прислали мне пять рублей и просят келейно молиться за самоубийцу. Быть может, вы встретите какого-нибудь нуждающегося священника, который был бы согласен молиться за несчастного".

Придя к монахиням, я прочитал перед слепой записочку, в которую вложил пять рублей, данных мне о. Иоанном. Помимо этого я назвал монахине имя своей покойной матери и просил также за нее молиться. В ответ услышал: "Придите за ответом через три дня". Когда я в назначенное время пришел к слепой монахине, она возгласила: "Была, была у меня ваша матушка, она такая маленькая, маленькая, а с ней приходил ангелочек".

Я вспомнил, что младшая моя сестра скончалась трех лет. "А вот другой человек, за которого я молилась, тот высокий такой, громадный, но он меня боится: все убегал. Ой, смотрите, не самоубийца ли он?"

Мне пришлось сознаться, что он действительно самоубийца, и рассказать про беседу с о. Иоанном.

Вскоре я покинул Дивеевский монастырь и, возвращаясь в Москву, невольно обдумывал слова Паши. В Москве они опять пришли мне в голову, и вдруг однажды меня пронзила мысль, что ведь можно записать все, что рассказывали о преп. Серафиме помнившие его монахини, разыскать других лиц из современников преподобного и расспросить их о нем, ознакомиться с архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря и заимствовать оттуда все, что относится ко времени жизни преп. Серафима и последующего после его кончины периода, и привести весь этот материал в систему и в хронологический порядок. Затем этот труд, основанный не только на воспоминаниях, но и на фактических данных и докумен-

тах, дающих полную картину жизни и подвигов преп. Серафима и значение его для религиозной жизни народа, напечатать и поднести императору, чем и будет исполнена на деле воля преподобного, переданная мне в категорической форме Пашей. Таким образом зародилась мысль о "Летописи".

Для приведения ее в исполнение я вскоре взял отпуск и отправился снова в Дивеевский монастырь. Игумения приняла меня приветливо и предоставила в полное мое распоряжение архив вверенного ей монастыря. То же сделал и настоятель Саровской пустыни.

Но я прежде всего отправился к блаженной Пелагее и стал расспрашивать ее обо всех известных ей эпизодах жизни преп. Серафима, тщательно записывая все, что она передавала мне, и ей прочитывал. Она находила все записанное правильным. Наконец она сказала: "Все, что помню о преподобном, тебе рассказала, и хорошо ты и верно записал. Одно нехорошо, что меня ты расхваливаешь".

В это время игумения Дивеевского монастыря отправилась в Нижний Новгород на ярмарку, чтобы закупить годовой запас рыбы для монастыря, а когда я, в ее отсутствие, пошел навестить Пашу, то застал ее совершенно больной и страшно слабой. Я решил, что дни ее сочтены. "Вот, — думалось мне, — исполнила она волю преп. Серафима и теперь умирает".

Свое впечатление я поспешил передать матери казначее, управлявшей в отсутствие игуменьи монастырем. "Не беспокойтесь, батюшка, без благословления матушки игуменьи Паша не умрет", — отвечала она.

Через неделю игуменья приехала с ярмарки. Я тотчас пошел к ней и сообщил о своих опасениях относительно блаженной Пелагеи, уговаривая ее сходить немедленно к ней, дабы проститься с нею и узнать ее последнюю волю, иначе будет поздно.

— Что вы, батюшка, что вы, — отвечала она мне, — я только что приехала, устала, не успела осмотреться; вот отдохну, приведу все в порядок, тогда пойду к Паше.

Через два дня мы пошли к блаженной Пелагее. Она обрадовалась, увидя игуменью. Обе вспомнили старое, поплакали, обнялись и поцеловались. Наконец игуменья встала и сказала: "Ну, Паша, теперь благословляю тебя умереть".

Через три часа я служил по блаженной Пелагее первую панихиду.

Возвратившись в Москву с собранными материалами о преп. Серафиме, я немедленно приступил к своему труду. Когда "Летопись" была окончена, и я уже держал корректуру последнего листа, это было поздним вечером, внезапно уви-

дел слева от себя совсем близко преп. Серафима, сидевшего в кресле. Я как-то инстинктивно к нему потянулся, припав к груди, и душу мою наполнило неизъяснимое блаженство. Когда я поднял голову, никого не было.

Был ли это кратковременный сон, или мне действительно явился преподобный, не берусь судить, но я понял это так, что преподобный Серафим благодарил меня за исполнение переданного мне Пашей его повеления.

Остальное известно. Я поднес свой труд Императору, что, несомненно, повлияло на решение о прославлении преп. Серафима.

Состоялось торжественное открытие мощей преподобного в присутствии царской фамилии.

Вскоре я овдовел и принял монашество с именем Серафим, избрав его своим небесным покровителем".

Так закончил свой интересный рассказ высокопреосвященный Серафим.

ОБ ОБЩЕНИИ С УМЕРШИМИ

Церковь заключает в себе не только живых, но и умерших. Церковь "воинствующая" и "торжествующая". "Несть бо Бог мертвых, но Бог живых"[1].

Это нужно всегда памятовать, особенно при потере близких, дорогих лиц, так как разлука с ними лишь временная, и, если сами мы их не видим, то это не значит, что они нас не видят, не слышат.

Умершие не имеют тела, но душа их имеет тонкую, эфирную оболочку (один только Бог — Дух в истинном смысле слова), и, покинув свою бренную храмину, она начинает новую стадию жизни, душа "рождается для новой жизни".

По общем же воскресении люди вступят в третью и последнюю стадию жизни — души соединятся с обновленными телами (такое тело имел Спаситель по воскресении Своем из мертвых), и жизнь людей никогда не прекратится, как мы исповедуем в Символе веры, но для одних она будет вечным блаженством, а для других — нераскаявшихся грешников — вечным мучением.

К этой новой жизни, после смерти, без тела человек должен приспособиться. Он растет духовно, как, родившись телесно[2], он рос и развивался умственно и физически, узнает новую среду, которая его теперь окружает, — мир бесплотных духов. Узнает и постигает те стороны, особенности и свойства космоса, которые от него, когда он был в теле, были закрыты, так как он постигал мир эмпирически, при содействии только своих пяти чувств.

Занимаясь на земле наукой, он изучал лишь явления (феномены), открывал постоянство этих явлений, при одинаковых причинах, их вызывающих, и выводил таким образом законы природы, но он не мог постигнуть сущности вещей. Все ему на земле показывало, что человеческому познанию есть предел. Он не мог при жизни объяснить себе и вполне осоз-

---

[1] Мф. 22,32. — *Прим. ред.*

[2] Вот почему на иконах Успения Божией Матери душа Пресвятой Владычицы изображается в виде спеленутого младенца на руках Спасителя: Богородица *родилась для новой жизни. — Прим. автора.*

нать некоторые явления в жизни людей, ясно показывающие, что есть рука, направляющая эту жизнь, что на земле царствует не слепой рок, а судьбой человека управляет Великий Разум, Великая Любовь, Великая Правда, Великая Справедливость, если прежде не имел веры.

Только вера, давая на земле человеку ведение, облегчает ему понимание многого, что с ним и близкими его происходило и происходит в жизни, только лишь вера дает ему если не ключ к разумению, то необходимое успокоение, когда, оперируя своими пятью чувствами, он убеждается, что их недостаточно для того, чтобы понять и объяснить себе целый ряд явлений в природе и особенно в душевной жизни человека. Таковы воздействия на расстоянии одной воли на другую, такие, например, явления, как ясновидение, яснослышание, массовый гипноз, истерия, переходящая границы понимаемого и являющая собою все признаки беснования (Рише[1], Шарко[2], Бехтерев[3]); проявление человеком зла ради зла, наблюдаемое иногда даже у детей; сущность жизненного начала (химически, например, можно определить состав зародыша в яйце, но в чем заключается сила, двигающая все элементы, входящие в состав белка и желтка, и заставляющая их постепенно формировать организм птицы определенного типа и, по созревании организма, заставляющая его, при благоприятных условиях, жить, то есть двигаться, питаться, проявлять известные желания, потребности и действия?

Сущность жизни, несомненно, переходит границы человеческого понимания. Как сила человеческого духа, даже у неверующего человека, покоряет его тело и может не только излечивать вначале целый ряд болезней[4], но и отдалять неизбежный конец (у верующего же человека она может прямо делать чудеса), так сила эта, действуя на воображение, может вызывать и у других лиц желательные или нежелательные явления, если направлена на зло. Такова сила, например, заговоров, человеческих проклятий, зависти, соединенной со зложелательством, и тому подобное.

---

[1] Рише (Rishet) Шарль (1850–1935)– французский иммунолог и физиолог, президент (с 1933 г.) Парижской Академии наук. — *Прим. ред.*

[2] Шарко (Charcot) Жан Мартен (1925–1993), врач, один из основоположников невропатологии и психиатрии, создатель клинической школы. Исследовал истерию и другие неврозы, разработал методы их лечения . — *Прим. ред.*

[3] Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — известный русский невролог, психиатр и психолог, основатель научной школы. — *Прим. ред.*

[4] Такою силою духа, например, обладал известный поэт, ученый, философ Гете. — *Прим автора.*

После смерти нам будут вполне понятны все так называемые телепатические явления, ставящие теперь в тупик ученых, так как реальность их несомненна и очевидна[1].

Ощущение и сознание красоты — прежде всего света, самого по себе прекрасного, а затем других ее проявлений (элементов звука, запаха, тепла и тому подобное), разлитых в мире, интеллектуальная удовлетворенность, которую они нам дают, вызванное ими духовное наслаждение, — все это невольно обращает сердце верующего человека к Творцу как к источнику красоты. Получив бытие от этого Источника, природа носит во всех своих проявлениях отблески этой красоты. Человек, наблюдающий космос во всей его необъятной обширности или изучающий его, не может этого не сознавать, не ощущать. Но понять, изъяснить себе, почему эта красота так действует на душу, отвлекая человека от всего низменного, пошлого, возвышая и облагораживая ее, а иногда даже заставляя забыть все земное и только стремиться душою ввысь, иметь "горе сердце", — человеческий ум понять и объяснить эмпирически не может.

Это мы вполне поймем и осознаем лишь после смерти, когда покинутое душою бренное наше тело не будет нас более влечь к утехам, наслаждениям и радостям земным. Только тогда для нас станет вполне ясно, что красота есть являемость, а являемость — Свет; явленная же красота — Любовь[2].

Жизнь человека после смерти, при совершенно новых условиях, когда он уже тесно не связан, оставив тело на земле, с Космосом, а пребывает над ним, силою вещей должна привести к познанию той великой идеи, которая положена в основу творения мира Великим Архитектором, Механиком и Художником, согласно коей эволюция (прогресс) является мировым законом. Все в космосе движется вперед, все совершенствуется, все утончается, и в этом видна не только Премудрость Творца, но и Любовь, ибо Бог есть Любовь.

---

[1] Ученые обыкновенно избегают их изучать. Особенно усердно они отмахиваются от вопросов, возникающих при наблюдении таких, например, явлений, как ясновидение, лунатизм и т. п., так как при этом делается ясным, что у человека есть какая-то подсознательная жизнь, обнаруживающаяся при известных обстоятельствах и условиях. Они также мало занимаются изучением раздробления личности и тому подобными явлениями, необъяснимыми с точки зрения материалистической. — *Прим. автора.*

[2] Спаситель, воплотившись от Пресвятой Девы и вознесшись после Своего Воскресения в теле на небо, обожил наше человеческое тело, т. е. космос, ибо человеческий организм содержит в себе все элементы космоса, будучи его ничтожной частицей. Здесь великая тайна слияния Творца с созданием. — *Прим. автора.*

Таким образом, души веровавших умерших, постигая еще более, чем они сознавали при жизни, всю благость и величие Творца, не могут не желать своим близким, которых они любили и оставили на земле, не только спасения, но и совершенствования, согласно словам Спасителя: "Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен". Вот почему они всегда молятся за нас, но и сами требуют постоянной молитвы за себя[1].

Эти взаимные молитвы и память друг о друге служат великим утешением и, пожалуй, единственным полным утешением и для живых, и для усопших близких людей. Художественно прекрасные формы нашли себе мысли о глубоком действии на наше религиозное настроение разлуки с дорогими сердцу людьми у Байрона:

О, если там за небесами
Душа хранит свою любовь,
И если с милыми сердцами
За гробом встретимся мы вновь, —
То как манит тот мир безвестный,
Как сладко смерти сном заснуть.
Оставить горе в поднебесной
И в вечном свете потонуть".

Неверующий человек не в состоянии понять ни этого настроения, ни этих чувств. Окованный тесными узами грубого материализма, он на смерть смотрит лишь как на простое физиологическое явление — прекращение жизненных процессов в человеческом организме и свертывание белка в его клетках, последствием чего является распадение веществ, входящих в состав организма, и химическое превращение одних элементов в другие. Из человека "лопух расти будет", как говорил Базаров ("Отцы и дети" Тургенева).

Все просто и понятно, и не может быть никакого вопроса о "тайне смерти".

Несовместимый с верою в Творца и Промыслителя, материализм дает удовлетворение и успокоение людям неглу-

[1] Чем человек совершеннее, чем он выше стоит духовно, тем он ближе к миру высших существ — бесплотным духам, и тем он более способен после смерти проникать в сущность мироздания, постигая его цель и смысл, и быть участником новой для него жизни среди душ умерших людей и в постоянном общении с ангелами. — *Прим. автора.*

боким, узким, не способным к анализу, к широким обобщениям, к исканию истины и пониманию того, что человеку должна быть предоставлена полная свобода духа, свобода мысли и что только тогда могут расцвести наука, философия, религия.

Готовые формулы, готовые выводы, плоские, шаблонные мысли преподносятся современными властителями дум как догмат той или другой доктрины, как продукт человеческого гения, простого рационализма, убивая в людях всякое побуждение к исследованию, любознательность и стремление к истине.

Если мы теперь не постигаем многого и в мире имеются для человека так называемые тайны, то это явление (говорят материалисты) временное: наши попытки, оперируя разумом и эмпирическими средствами науки, все выяснят, все докажут, проверив опытом, и все "тайны" и "мировые загадки" исчезнут как дым.

Вот думали люди, что есть какое-то "жизненное начало", почему химия не в состоянии будто бы опытным путем из неорганического вещества добыть органическое, а вот теперь люди научились получать из неорганических веществ органические: белок, мочевину. Так в будущем откроется, что жизненные процессы возникли из случайных химических соединений.

"Мы ленивы и нелюбопытны", — говорил про русских Пушкин, и поэтому многим из нас особенно приходятся по вкусу такие рассуждения и вообще материализм, так как он упрощает миропонимание, избавляя людей от труда и затраты энергии, чтобы читать, самостоятельно мыслить, соображать, делать выводы, анализировать, прибегая к сравнительному методу, стремиться постигнуть истину, критически относясь ко всем гипотезам и иногда поспешным выводам людей науки, и таким образом строить собственное мировоззрение.

Но пока одни люди, возлагая всю надежду исключительно на человеческий разум и науку, успокаиваются в надежде, что если не им, то их детям все в Космосе будет ясно и понятно и что недалеко то время, когда ученые мужи с лукавой, но победоносной улыбкой вынут из <...>[1], другие изнывают от безнадежности миросозерцания, что так верно схвачено Байроном:

---

[1] Фрагмент рукописи утрачен. — *Прим. ред.*

На грани двух миров средь тьмы и света
Мерцает жизни тусклая звезда.
Зачем на свете люди? Нет ответа.
Грядущее темно. Бегут года.
Безжалостно нас вдаль уносит Лета.
В ее волнах мы гибнем без следа.
Века проходят длинной вереницей,
Наследье же их — лишь павших царств гробницы"...
("Дон-Жуан").

Для этих лиц большим утешением и исцелением от безнадежного пессимизма могут служить вести из потустороннего мира, которые убеждают нас, что есть какая-то связь между живыми и умершими дорогими нам лицами, и притом более близкая, чем думают даже очень верующие люди.

Я приведу несколько случаев, подтверждающих эту мысль.

1.

Когда я получил назначение священником храма при ... общине, вскоре ко мне пришла сестра главного врача общины и напомнила о себе. Мы оказались земляками, и я вспомнил, что видел ее однажды, когда ей было 16 лет. Она просила меня при совершении литургии не отказать каждый раз поминать ее мать, отца и своего несчастного убитого мужа "Павлушу" и заплакала.

Я знаю, что она вышла замуж за моего товарища по гимназии — состоятельного, молодого, красивого человека, избранного чуть ли не с университетской скамьи на видный пост в уезде, — но очень удивился сообщению о его кончине и невольно воскликнул: "Когда же Павлуша умер?" "Он убит в 1918 году", — отвечала она мне сквозь слезы. Я немедленно записал в свой синодик имена всех этих лиц. Отца моей гостьи я помнил с детских лет, так как он был с отцом в прекрасных отношениях и бывал в нашем доме.

При совершении литургии я всегда поминал вместе с другими лицами, имена коих были записаны в синодике, и усопших мужа и родителей моей знакомой. При этом я только добросовестно исполнял принятое на себя обязательство, но в молитве не горел.

Через три года храм при общине был закрыт, и я начал совершать литургию раза 2—4 в неделю в другом храме. Не состоя в составе клира этого храма, не извлекая дохода из своей профессии, я занимал, пока в силах был трудиться, скромное место на государственной службе.

Прошло еще четыре года. Однажды у моих знакомых я случайно встретил приехавшую из провинции даму средних лет, читавшую лекции в одном из высших учебных заведений в большом городе, бывшую в дружеских отношениях с хозяйкой дома. Я был ей представлен, причем меня назвали по имени, а фамилию не назвали или назвали так неразборчиво, что она не обратила на нее внимания, ее же фамилию произнесли внятно.

Мы оказались земляками, и фамилия этой дамы мне была хорошо известна, тем более что я встречал ее близкого родственника, когда служил в Петербурге. Я знал, что она двоюродная сестра моей знакомой, просившей меня молиться за ее родителей и умершего мужа, и поэтому сказал этой даме: "Знаете ли вы, что здесь ваша двоюродная сестра?" — "Да, знаю, но я не знаю адреса ее сводного брата, доктора... Не можете ли сообщить мне его, и я зайду к ней?.." Я исполнил эту просьбу, и дама, куда-то очень спешившая, со мной простилась.

После этого прошло еще около полутора лет. Я продолжал молиться, совершая литургию, за всех усопших, записанных в мой синодик, поминая их не только за проскомидией, но и после освящения св. Даров.

Однажды зимой, придя в храм в 6 часов утра в мой очередной день, когда было совершенно темно, я увидел знакомую, в доме которой я как-то встретил ученую даму, о которой упомянул выше. Моя знакомая, подойдя ко мне, просила уделить ей пять минут для беседы и затем вынула из ридикюля письмо, полученное ею от этой дамы, прося разрешения его прочесть.

Вот что там было написано:

"Дорогая ... со мной произошел необыкновенный случай, о котором я хочу тебе скорее написать. Третьего дня мне приснилась покойная мама как живая, и сказала: "Напиши сейчас в Москву о. ... (были названы мои имя и фамилия), чтобы он молился за себя и за твоего умершего брата Бориса. Мы очень нуждаемся в молитвах".

Ты знаешь, дорогая, что мы как-то не привыкли задумываться над снами и довольно критически относимся к таким явлениям, не придавая им серьезного значения, имея дело с точной наукой, почему я и не обратила внимания на сон, который мне приснился. Но в следующую ночь мать мне опять приснилась и сказала: "Дочка! Дело, о котором я тебя просила, серьезное: я и твой брат очень нуждаемся в молитвах. Напиши сейчас же в Москву священнику отцу ..., чтобы он молился за меня и твоего умершего брата Бориса".

Проснувшись, я поняла, что этот сон неспроста, и стала наводить в городе, где я служу и где фамилия священника, о котором мне говорила во сне мать, известна, справки о нем. Но мне не могли точно объяснить, кто именно из семейства, носившего фамилию, названную моей матерью, принял сан священника. Уж не тот ли это священник о. ..., которого я полтора года назад встретила у тебя и которого ты мне отрекомендовала как моего земляка? Если это то самое лицо, то попроси его, пожалуйста, отслужить по рабам Божиим Надежде и Борису заупокойную литургию с панихидой и вообще за них постоянно молиться".

Я, конечно, немедленно исполнил просьбу моей знакомой и записал названные мне имена в свой синодик.

Недели через две моя знакомая приехала ко мне домой и прочитала мне письмо своей подруги, которая через нее посылает мне глубокую благодарность за исполнение просьбы молиться за ее мать и брата и прибавляет: "Вчера мне приснилась мать радостной и сказала: "Спасибо, доченька. Я теперь покойна — о. ... молится за меня и за бедного твоего брата".

А через месяц моя землячка прислала мне икону Божией Матери в серебряном окладе, объяснив, что этой иконой мать благословила ее умершего брата на брак, который не состоялся вследствие его внезапной кончины.

Интересно, что икона была копией той иконы, которая была в нашем, ныне закрытом, храме, и таким образом я имею утешение видеть перед собой образ, который так чтился у нас, постоянно напоминая мне о храме, где я служил в течение шести лет, помогая настоятелю, и где подвизался незабвенный Батюшка.

Каким же образом произошло, что умершая госпожа Б., никогда меня не видавшая и обо мне, наверное, и не слышавшая, явившись во сне своей дочери, живущей в другом городе, просила именно моих недостойных молитв и назвала мои имя и фамилию?

Объяснение весьма простое: родители вдовы моего умершего товарища, о которых она просила меня молиться, поминая вместе и убиенного ее мужа, были близкие родные госпожи Б. Очевидно, они получили большое утешение и облегчение, когда я молился за них за литургией и, имея общение друг с другом в потустороннем мире, поделились с нею своею радостью. Раба Божия Надежда пожелала иметь такое же утешение, и ей было дозволено сообщить об этом дочери во сне. (Без воли Божией общение умерших с живыми происходить не может.)

Этот случай, который не может быть объяснен положительной наукой, должен дать великое утешение всем верующим, так как он ясно показывает:

1) что умершие помнят о своих близких и могут иметь общение с ними;

2) что они нуждаются в молитвах и, конечно, сами молятся за своих родных и друзей.

2.

При содействии и через умерших люди могут получить видимым образом помощь от Бога в скорбях и обстояниях и даже спасение, что тоже подтверждает веру, что земная и небесная церкви находятся в общении.

Лет 10—11 тому назад духовная дочь известного в Москве по своей благочестивой жизни и как молитвенника протоиерея о. Иоанна Кедрова, имела большие переживания и треволнения, лишившие ее душевного покоя. Находясь в таком состоянии, она решила пойти к о. Иоанну, чтобы найти утешение в молитве и причащении св. Тайн, тем более, что не только мучилась морально, но и лишилась сна, а между тем состояла на государственной службе, неся нелегкие обязанности по своей специальности. Она исполнила свое намерение, но во время исповеди не покаялась, из ложного стыда, в одном грехе, который ее особенно мучил.

Причастившись св. Тайн, она не только не получила утешения, но впала в уныние. Стала задумываться над тем, что она великая грешница, ее мучила совесть, что она скрыла свой грех. Все ее переживания и личные скорби с новой силой стали терзать ее измученное сердце, и тут впервые ей пришла мысль о самоубийстве.

Конечно, тут дело не обошлось без влияния врага рода человеческого, действующего "насильством смертного сего телесе", и мысль покончить с собой у несчастной окончательно созрела. Когда она это твердо решила, то стала обдумывать вопрос, как успешнее привести в исполнение задуманное намерение.

Девушка, о которой идет речь, жила вблизи линии окружной железной дороги, и недалеко от ее квартиры был переезд через рельсы с шлагбаумом, около которого стояла будка сторожихи. Она пошла, чтобы ознакомиться с местностью, и рассмотрела, что будка находится с левой стороны переезда, а с правой — керосинно-калильный фонарь, что сторожиха, при прохождении поезда, становится вблизи фонаря и что от будки падает такая густая тень, что там можно забла-

говременно спрятаться, оставаясь совершенно незамеченной и, выбежав быстро, кинуться под проходящий поезд, так что сторожиха не будет в состоянии ей помешать. Так она решила на другой день и поступить, когда будет проходить после полуночи ночной поезд.

Когда наступил вечер и было довольно поздно, несчастной девушке, твердо решившей покончить с собой, осталось жить не больше двух часов, в ее квартире неожиданно раздался звонок. Она пошла отворять, крайне раздосадованная тем, что так не вовремя к ней приходят и могут помешать ей исполнить свое намерение. Когда она отворила дверь, то при свете уличного фонаря увидела очень молодую девушку в меховой шапочке, с муфточкой на шнурке и в короткой шубке, отороченной мехом. Неизвестная спросила ее, назвав фамилию. "Простите, я никак не могу вас принять, теперь так поздно..." — промолвила духовная дочь о. Иоанна. "Я вас долго не задержу, позвольте мне войти: у меня к вам очень серьезное дело, и вы должны меня выслушать", — отвечала неизвестная девушка, и с этими словами они вошли в комнату. Здесь девушка-подросток объяснила, что она дочь о. Иоанна Кедрова, и затем прибавила: "Я знаю, что вы решили сегодня покончить с собой; послушайте, не делайте этого. Ваше удрученное состояние духа и уныние происходит от того, что вы, исповедуясь, скрыли от папы свой тяжкий грех, который вас мучает. Сходите завтра к папе и покайтесь в этом грехе, и все будет хорошо. Послушайте меня". Проговорив все это, девушка удалилась. Духовная дочь о. Иоанна прямо остолбенела и, когда пришла в себя, выбежала на крыльцо вслед за девушкой, но ни на крыльце, ни на улице никого не было.

Легко можно судить о том, что переживала несчастная, когда таким неожиданным образом была обнаружена ее затаенная мысль.

На другой день она отправилась к о. Иоанну на квартиру и попросила его немедленно выслушать ее исповедь. Она покаялась в своем грехе и, получив отпущение, рассказала своему духовному отцу о том, что обязана спасением своей жизни его дочери, которая вчера поздно вечером пришла к ней и настойчиво советовала ей покаяться в грехе, который она из ложного стыда скрыла.

О. Иоанн вынес ей большую фотографическую карточку, на которой была снята их семейная группа, и спросил: "Какая

из моих дочерей, изображенных здесь, к вам вчера вечером приходила?" Духовная дочь показала о. Иоанну. "Она полтора года как скончалась", — ответил с грустью священник.

Вот приблизительно, как до меня вскоре дошло об этом событии от лица серьезного и заслуживающего доверия.

Я решил, что нужно выждать и тогда так или иначе проверить сообщенный мне факт, имеющий громадное значение для религиозного сознания верующих людей. Вскоре почти в тех же словах мне сообщили из другого источника о явлении умершей дочери о. Иоанна девушке, которая решила покончить с собой, чем было отвращено покушение ее на самоубийство.

Тогда я решил проверить достоверность этого события во что бы то ни стало.

Вскоре представился к этому случай. Наступил канун дня кончины Батюшки, когда, для участия в служении по нем парастаса, в числе других почитателей незабвенного старца всегда приходил священник о. ..., духовный сын батюшки и ближайший сотрудник покойного о. Иоанна, который тогда еще был жив.

Я рассказал ему о том, что мне передали о явлении умершей дочери о. Иоанна. Отец ..., выслушав мое сообщение, сказал: "Все, что вам передали, действительно произошло. Отец Иоанн тогда же распорядился составить об этом протокол для церковной летописи и подписал его, а я скрепил этот протокол своей подписью".

3.

Очень мне близкий и глубоко верующий человек, считавший одну очень высокопоставленную особу главной виновницей всех бед, сволившихся на Россию, никогда не молился за нее. Не молился и тогда, когда узнал о ее трагической кончине. Через некоторое время после своей смерти эта особа приснилась ему как живая и, подавая две просфоры, сказала: "Зачем вы не молитесь за меня? Мы все здесь так нуждаемся в молитвах..."

4.

Этот же человек, переписывая синодик, пропустил как-то имя одного умершего епископа, большого молитвенника, бывшего в прекрасных отношениях с его отцом, отпевавшего мать и благословившего его на брак.

Через несколько месяцев после этого этот епископ явился ему во сне и сказал: "Отчего вы перестали за меня молиться? Я вас знал ребенком и так любил".

5.

Мать одной из моих духовных дочерей — гражданка одного из иностранных государств Запада, где у нее остались дочь и сыновья, лет около двенадцати тому назад уезжала навсегда из нашей республики к своим сыновьям. Ей было далеко за семьдесят лет, и огорченная дочь за несколько дней до отъезда матери с волнением сказала ей: "Мама, я вдвойне сокрушаюсь и горюю в ожидании предстоящей разлуки: прежде всего меня печалит то, что мы уже никогда больше не увидимся, а во-вторых, меня смущает и волнует то обстоятельство, что вы — человек неверующий. Годы ваши преклонные, быть может, вам и жить-то осталось немного, и меня очень страшит ваша загробная участь. Вы знаете, как я вас люблю, и мысль, что вы не будете со Христом на том свете, меня просто убивает". С этими словами она с плачем обняла мать. Расстроганная старушка сказала: "Чем же я виновата, что у меня нет веры в Бога и в загробную жизнь? Но я понимаю твое волнение и грусть и скажу тебе одно: ты знаешь, как я любила твоего покойного отца и как меня потрясла его кончина. Так вот, если бы я его увидела телесными очами, то убедилась бы в существовании потустороннего мира, следовательно, признала бы и существование личного Бога".

В ту же ночь старушка увидела во сне своего умершего мужа очень грустным и озабоченным. На вопрос, сделанный ею во сне, почему он такой грустный, покойный спутник ее жизни, отличавшийся своей глубокой верой и гуманностью, назвав ее ласково уменьшительным именем, отвечал: "Как же мне не быть грустным? Человек ты старый, смерть не за горами, а когда она придет, мы, так хорошо жившие на земле в любви и согласии, здесь не будем вместе, так как ты не веришь ни в Бога, ни в загробную жизнь".

Это так ее потрясло, что она села на постели и в этот момент увидела телесными очами покойного мужа уходившим из комнаты и затворяющим за собою дверь. Тем не менее, хотя старушка была очень потрясена тем, что увидела покойного мужа, это необычное событие все же не пробудило в ней веры, и она уехала за границу неверующим человеком.

Особа эта, несмотря на преклонный свой возраст, еще жива и, по словам дочери, пишет, что читает Евангелие и стала употреблять в письмах выражения и слова, которых дети от

нее никогда ранее не слышали, вроде: "Да благословит вас Господь", "Слава Богу", "Бог поможет" и т. п.

Кто знает, не начинается ли у нее в душе переворот, не просыпается ли вера? Ведь пути Господни, коими Он ведет нас ко спасению, неисповедимы.

6.

Небезызвестный епископ Таврический Михаил (Грибановский), оставивший по себе светлую память, как выдающийся архипастырь и большой молитвенник (его перу, между прочим, принадлежит глубокая по своему содержанию книга "Над Евангелием"), имел, когда он еще служил в Петербурге, духовных детей, с которыми поддерживал отношения и после отъезда в Симферополь, куда его назначил Синод, желая продлить его жизнь, так как покойный епископ болел туберкулезом в последней стадии. Известие о кончине в расцвете лет епископа Михаила очень потрясло любивших и почитавших его духовных детей... Особенно была огорчена одна из его духовных дочерей... Она постоянно молилась за умершего своего духовного руководителя, но сердце ее продолжало страдать от горя и сознания, что она никогда не увидит любимого архипастыря.

Однажды зимою, как она передавала нашей общей знакомой, когда она проходила в Петербурге через один из парков, перед ней неожиданно предстал епископ Михаил таким, каким она привыкла его видеть. Радость видеть горячо любимого архипастыря была, по ее словам, так велика, что совершенно парализовала у нее чувство страха, и она вступила с ним в беседу. Епископ всячески утешал бывшую свою духовную дочь, дал ей несколько наставлений и правил жизни, и на дерзновенный ее вопрос, как он себя чувствует "на том свете", отвечал словами ап. Павла: "Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2, 9), и сделался невидимым.

Рассказ Евгении Александровны Нарсесовой.

Покойный профессор геолог Самойлов был мне дальним родственником. По своей специальности он был очень известен, можно сказать, знаменит. Знала я его давно, а также его брата, тоже известного, физиолога-профессора. Оба брата были очень образованные, умные и, разумеется, неверующие.

В 1929 году покойный профессор геолог должен был ехать за границу на съезд геологов по вопросу фосфатов.

Вечером он с женой и другом обсуждал предстоящую поездку. По уходе гостя внезапно ему стало плохо, и он скон-

чался через несколько минут от припадка грудной жабы. Жена его стала звонить по телефону знакомым и друзьям.

Я пошла к ним. Жена убита горем (над ее кроватью я увидала небольшой образок). Я постояла, перекрестила его и ушла с тяжелым сердцем. Я знала, что хоронить его будут без церковного отпевания, по-граждански.

На следующий день я пошла в церковь и подала за обедней о упокоении его души. Мне пришлось быть и на похоронах его. Тяжелы были для меня эти похороны. Было очень торжественно, много ученых, студентов. Гроб утопал в венках. Похоронами заведовали два ассистента покойного, и я хорошо запомнила их лица. Это было на дому.

Когда стали прощаться с покойным, я одна перекрестилась и перекрестила его, при этом чувствуя, что здесь это как бы неприлично. Но иначе я не могла проститься с ним. На Новодевичье кладбище я не поехала, не хотела слушать хвалебные речи о нем вместо молитв за него.

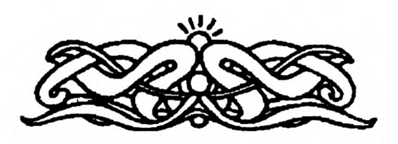
Прошло два дня, и я увидела знаменательный сон.

Сидят за столом два брата-профессора, при жизни необыкновенно дружные. И вот вхожу я. Тогда покойный профессор берет брата за плечи и, провожая, говорит: "Иди, отдыхай". Затем он обращается ко мне и умоляющим голосом просит меня дать ему в руки необходимую, очень нужную для него бумагу.

Я тотчас поняла, что он просить отпевания и ту разрешительную молитву, бумагу, которую при отпевании кладут в руки покойника. Но мне так ясно было его решительное и определенное неверие, что я ответила ему довольно холодно: "Вы же не верите в загробную жизнь, зачем же вам эта бумага?" На это он мне тут же с живостью ответил: "Я — жив, жив, понимаете, как вы живы. Дайте же мне бумагу, мне она нужна".

В это время в комнату входят те два ассистента, которые заведовали его похоронами. Подойдя к нему, они весьма почтительно говорят, что будет заседание в память его научной деятельности как известного профессора и будут прочитаны доклады о его трудах по животной клетке. Они подходили к нему, а он отмахивался от них, говоря: "Теперь все это мне не важно и не нужно", — а затем, обращаясь ко мне, он снова и снова просил у меня нужную, необходимую ему бумагу.

С этим я пробудилась. Мне было совершенно ясно, что он просил у меня отпевания заочно. Но мне не хотелось этого делать. Я думала, что если отпевать, то нужно известить его жену, хотя бы оттого, что по ее вине его не отпели. Но идти к жене профессора рассказывать свой сон мне по малодушию

Епископ Симферопольский и Таврический
Михаил (Грибановский)

не хотелось. И вот, вспоминая слова двух ассистентов о том, что будут читать о трудах профессора о животной клетке, я старалась убедить себя, что сон мой не имеет значения. Все же он меня мучил. Я пошла, рассказала своему духовному отцу и по его совету решила отпевать и сходить к вдове покойного. Всем я дома все рассказала про эту животную клетку, которая, по моему мнению, не соответствовала его специальности геолога.

Я рассказала вдове покойного свой сон и мое намерение отпевать ее мужа заочно в храме, где служил мой духовный отец Р. Она заплакала, благодарила и обещала прийти на отпевание. Ее смущали расходы, но все было сделано бесплатно и очень хорошо, с хором. Прочли ему его молитву, он получил свою бумагу, и у меня полегчало на душе.

Прошло месяца полтора, и мне прислали по почте конверт с траурной каймой — пригласительный билет на заседание, посвященное памяти покойного профессора геологии. Мне не хотелось идти, так как я в геологии ничего не понимаю, но муж уговорил, поскольку жена, приславшая нам приглашение, могла обидеться.

Мы пошли в Политехнический музей. Огромный портрет занимал большую стену. Начались доклады. Я слушала рассеянно, мало что доходило до меня. Хотелось молиться за него, вспоминались его слова, что земные дела и земная слава ему не нужны. Даже моя слабая молитва ему нужнее.

Но вот на кафедру выходит один из тех ассистентов, которые которые мне снились, а за ним и другой — те, что говорили о заседании в память его заслуг перед наукой. И что же? И тот и другой стали читать о его трудах по животной клетке.

Оказывается, он открыл, что горы вдоль Уральского хребта состоят из остатков раковин морских животных, так как раньше там было море. Это его заслуга — открытие там животных клеток.

Я вся холодела, слушая эти доклады. А я-то все ссылалась на эти "животные клетки", чтобы не отпевать его. За полтора месяца вперед я узнала об этом. Жутко стало, и муж меня привел домой потрясенную происшедшим. Не забуду этого вечера.

7.

Многие, наверное, помнят епископа В., несколько раз служившего в наш храме после смерти Батюшки. Он был мой земляк, юрист по образованию и приходился дальним родственником

моей жене. Я хорошо помню его по гимназии, в которой в 1882 году окончил курс и я.

Когда епископ был юношей, то отличался кротостью, много молился и любил посещать богослужения. Все помыслы его были по окончании курса гимназии поступить в монастырь и посвятить себя Богу. Отец епископа, строгий, с сильным характером человек, объявил сыну, что пусть он кончает курс университета, и если у него тогда останется то же стремление, то он не будет ему препятствовать поступать в монастырь, что впоследствии и произошло.

Когда епископ В. был на втором или третьем курсе университета, то решил съездить в Саровскую пустынь, где незадолго до этого произошло торжественное открытие мощей преп. Серафима, очень им почитаемого.

Выехал он ранней осенью вместе со знакомым преподавателем гимназии. Когда они вышли из вагона, чтобы нанять лошадей до Саровской пустыни, то увидели, что погода испортилась. Ночью шел дождь, похолодало, и стал дуть резкий северный ветер. Дождь сменялся временами крупой. По небу катились серые, низко нависшие облака. Извозчики запрашивали громадные деньги, указывая на плохое состояние дороги. От дождя, действительно, дорога сделалась почти непроезжей, так много на ней образовалось грязи, а черноземная грязь особенно липка.

Наконец, они сторговались с одним из извозчиков и поехали. Дождь усилился, и стало еще холодней. Извозчик не только поднял верх экипажа, но опустил козырек, закрывавший от пассажиров дорогу и всю прилегающую к ней местность. Наши путешественники были в демисезонных пальто и начали сильно зябнуть. Лошади с трудом передвигали по грязи экипаж, труся рысцой. Дождь закрыл весь горизонт серой пеленой.

Вдруг экипаж остановился. Лошади чуть не наехали на бедно одетого в какой-то балахон согбенного старика с палкой в руке. Подойдя вплотную к экипажу и просунув голову между фартуком, покрывающим ноги пассажиров, и козырьком, старик проговорил:

— Добрые господа, подвезите меня до пустыни. Видите, какая погода. Я устал и озяб, а путь еще долгий. — Затем он убрал свою голову.

Епископ начал говорить вполголоса своему спутнику, что нужно пожалеть старика и взять его в экипаж. Это услышал извозчик и, наклонившись с козел к пассажирам, сказал:

— Вот, что я вам скажу. Дорога такая трудная, лошади вязнут в грязи, от них, смотрите, пар валит столбом, и если

бы вы мне дали еще столько денег, за сколько мы сговорились, то я не согласился бы взять лишнего человека.

Епископ приподнял козырек и сказал:

— Мы хотели взять вас в экипаж, но извозчик не соглашается. Вот, возьмите, что мы можем вам предложить, — и вложил в руки старика несколько свежих огурцов, которые он купил на станции железной дороги. Посмотрев в лицо старика, он узнал в нем знакомые черты, но ничего не сказал спутнику.

Экипаж тронулся. Едва они проехали шагов десять, как учитель, также пораженный видом пешехода, воскликнул:

— Да это же преподобный!

С этими словами они, остановив экипаж, выскочили на дорогу. Но ни на улице, ни в поле никого не было.

8.

Вот еще сравнительно недавний рассказ одного священника про помощь преп. Серафима, явившегося одной лютеранке.

Эта лютеранка была замужем за лицом, состоящим на советской службе. Одно время она стала замечать, что ее муж начинает нервничать, иногда резко ей отвечать и очень к ней охладел. Ее это стало очень волновать и мучить, так как она любила мужа. Но когда он начал избегать даже с ней разговаривать, то пришла в такое отчаяние, так пала духом, что решила покончить с собой, не вынося отчуждения от нее любимого человека. Наконец решение ее окончательно созрело.

В тот день, когда она хотела вечером привести в исполнение свое намерение и сидела в своей комнате, неожиданно отворяется дверь и входит согбенный старик в мягкой монашеской шапке на голове, опираясь на костыль. Подойдя к ней вплотную, старец сказал:

— Радость моя, зачем ты думаешь о самоубийстве? Муж к тебе вернется, не горюй. Он будет любить тебя еще более, и вы будете жить хорошо. Приезжай в Саров.

Проговорив эти слова, он вышел из комнаты. На женщину появление старца произвело сильное впечатление. Она, можно сказать, оцепенела, но, придя в себя, стала ужасаться того, что так расстроила нервы, что даже забывает запирать двери и к ней входят посторонние люди. Но когда она пошла запирать наружную дверь, то увидела ее на запоре и пришла в ужас, что у нее начинаются галлюцинации.

Вернувшийся со службы муж отнесся к ней приветливо и весь вечер был с ней очень корректен. На другой день она также не слыхала от него ни одной неприятности, ни одного упрека, но, придя вечером, он в волнении сказал жене:

— Представь себе, — меня командируют в бывшую Тамбовскую губернию, в какой-то Саров. Мне очень не хочется ехать в эту глушь, и я отказался, но начальство настаивает, чтобы я ехал туда.

На другой день, возвратясь домой со службы, он прямо сказал жене, что вынужден ехать в Саров, и предложил ей ему сопутствовать. Она с радостью согласилась, и они туда выехали.

Прибыв в то место, куда была назначена командировка, они устроились вблизи Саровской пустыни. Отношения между супругами установились прекрасные, и бедная женщина воспрянула духом и благодарила судьбу.

Через некоторое время по приезде в указанную местность знакомая рассказчика-священника однажды отправилась искать ландыши, которые там растут в изобилии в вековом сосновом бору, окружающем Саровскую пустынь.

Она шла, наслаждаясь прекрасной природой и смолистым воздухом, и так увлеклась собиранием ландышей, что зашла в глухое место и вдруг почувствовала, что нога ее увязла в болоте. Она вскочила на ближайшую кочку, но куда она потом ни пыталась ступить ногой, везде было топко, и нога ее увязала. Долго она делала тщетные попытки выбраться из болота, куда попала, но никак не могла найти сухого места. Кроме того, она чувствовала, что заблудилась, и вскоре пришла в отчаяние, не зная, как вернуться назад.

Прибыв в Саров, она много наслышалась об отце Серафиме и, придя в отчаяние, воскликнула: "Отче Серафиме, помоги мне!"

Вдруг она услышала звук топора и решила идти на этот звук. Несколько раз увязала, но наконец попала на сухую лесную тропинку и пошла по ней.

Вскоре она увидела старого, сутуловатого, бедно одетого человека, рубившего топором деревце. Подойдя к нему, спросила, как ей вернуться к тому месту, где она остановилась с мужем, и старец ей объяснил, что нужно идти прямо, и она выйдет на бараки, выстроенные для лесорубов, и придет куда следует.

Во время беседы со старцем она обратила внимание на то, что лицо ей знакомо. И, отойдя немного, вернулась назад на то место, но на этом месте уже никого не было.

Она действительно вернулась домой по указанной ей тропинке.

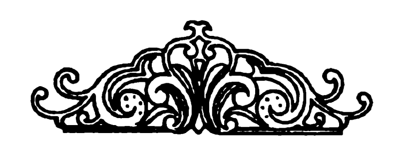
Через некоторое время она пошла осматривать Саровскую пустынь, которая была уже закрыта, и между прочим посетила источник вблизи пустыни, и здесь, в особом здании, над

ним устроенном, она увидела на стене изображение того согбенного старца, который приходил к ней, когда она уже решила покочить с собой, и узнала в нем человека, показавшего дорогу к баракам, когда она заблудилась в лесу.

Понятно, она спросила, чье это изображение, и получила ответ, что это икона преп. Серафима — Саровского чудотворца, почитаемого русским народом последнего святого.

Все изложенное произвело на лютеранку, по словам рассказчика, необыкновенно сильное впечатление, а местность, где находится Саровская пустынь, ей очень понравилась.

Она поняла, что по молитве преподобного получила душевный мир, и ему обязана тем, что с мужем у нее восстановились прежние хорошие отношения, и она решила ежегодно приезжать в Саров.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О СМЕРТИ

Смерть — великая тайна. В чем заключается и проявляется загробная жизнь души *без тела*, мы не знаем, но представляется интересным то обстоятельство, что умирающие нередко как бы предвкушают эту будущую жизнь и видят то, что окружающие смертный одр не видят, не слышат и не замечают.

Жития святых и жизнь подвижников благочестия дают много примеров того, что умиравшие праведные люди видят перед самою смертью Спасителя, ангелов, св. апостолов и святых, а также своих скончавшихся родителей и близких лиц.

Приведу пример кончины моего дяди (брата матери), отрока Василия. Ему было 7 лет, когда он заболел детскою болезнью, которая свела его в могилу.

Отрок Василий отличался удивительной кротостью, любил молиться Богу, был необыкновенно послушным мальчиком, которого все любили в семье, любила и прислуга.

Болезнь, которую он схватил, не поддавалась лечению, и наконец доктор сказал, что мальчик умирает. Кроватку его окружили мать, братья и сестры. Все плакали. Умирающий, пока мог говорить, всех утешал, наконец впал в забытье.

Вдруг он быстро приподнялся и сел в кроватке, протянул вперед руки, воскликнув: "Спаситель мой!" — и, откинувшись назад, скончался. Кончина эта произвела на всех глубокое впечатление.

Мне известен еще подобный случай смерти одной благочестивой крестьянки прекрасной жизни. Она умирала с улыбкой на устах, окруженная родными и близкими людьми. Вдруг она воскликнула: "А вот тетка Лукерья пришла", "вот и дядя Прохор здесь..." И перечислила еще ряд близких родных, давно умерших.

После этого она тихо скончалась. Эти примеры показывают, что мы не должны бояться смерти, но жить во Христе и умирать во Христе, и что явления умерших родных перед смертью лишний раз доказывают, что существует связь во-

инствующей (земной) Церкви с небесной (торжествующей). Почему мы должны постоянно молиться об упокоении родных, друзей и знакомых, подобно тому как они молятся за нас и своими молитвами нам помогают.

ВЛИЯНИЕ НА ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ДУШУ ДИВНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ЧИНА ОТПЕВАНИЯ УМЕРШИХ И ЗАУПОКОЙНОЙ О НИХ СЛУЖБЫ

Ни одна христианская церковь не имеет таких глубоко прочувствованных заупокойных служб, полных глубокой мысли, сердечной молитвы за усопших и выражения надежды, что Господь покроет Своим милосердием их грехи и упокоит в селениях праведных, а среди живых сохранит о них вечную память, как Православная. Нигде, кроме Православной Церкви, мы не услышим таких дивных заупокойных напевов. Одно православное богослужение об умерших способно дать лицам, потерявшим близких и дорогих людей, утешение, примирить их с совершившимся тяжелым для них событием и успокоить их страждущие души.

Когда я служил в храме при общине, однажды привезли туда опасно больную молодую, лет 30-ти, красивую даму, которая была в бессознательном состоянии уже в течение нескольких дней.

Муж ее, довольно известный деятель одного из наркоматов, Я—в, безумно ее любивший, впал в полное отчаяние, тем более, что все попытки врачей вернуть ей сознание ни к чему не привели (она заболела менингитом). Через 2—3 дня больная, не приходя в сознание, скончалась.

Это был такой удар для Я—ва, что он окаменел и совсем потерял голову, так что им нужно было руководить, иначе он ничем не мог распорядиться. Он лишился сна, не отходил от умершей, не говорил ни одного слова, и у него — главное — не было благодатных слез. Чувствовалось, что свалившееся на Я—ва горе пришибло его, и, несмотря на свой сильный характер и железную волю, он падает под тяжестью постигшего его несчастья, может не перенести его и покончить с собой. Действовал он как манекен.

В таком состоянии Я—в пришел ко мне, чтобы условиться о дне похорон и часе, когда начнется заупокойная литургия. Видя, в каком тяжелом состоянии он находится, забывает о том, что он начал говорить, останавливаясь внезапно на полуслове, хватается за голову, я понял, что его может утешить

только молитва, поэтому сказал Я—ву: "Накануне я отслужу вам по усопшей парастас. Советую вам присутствовать при этом богослужении, которое принесет вам большое утешение в вашем горе". "А что такое парастас?" — спросил меня этот типичный интеллигент, не знакомый с церковными службами.

Я объяснил ему, что это — заупокойное всенощное бдение, на коем церковь особенно молится об упокоении умершего. Через всю службу среди обычных молитвословий всенощной красной нитью проходит теплая, сердечная молитва церкви об умершем. Церковь с молитвой встречает появившегося на свет человека и, как чадолюбивая мать, провожает его с молитвой после смерти, когда он рождается для новой жизни, до общего воскресения, бестелесной.

Скорбящий вдовец просил меня непременно отслужить парастас. Он пришел к самому началу службы и неподвижно, как каменное изваяние, стоял у гроба своей безвременно скончавшейся жены, с лица коей он не сводил глаз. Он молился, казалось, не замечая ни окружающих, ни того, что происходит в храме, так он был убит и поглощен своим горем.

Но вот певчие запели: "Со святыми упокой".

В общине служили на разных должностях несколько бывших монахинь, по случаю закрытия одного женского монастыря. Они стали петь в церкви, принеся с собой дивные напевы (киевский и болгарский), которые употреблялись в их монастыре. Они много содействовали красоте богослужения в храме общины. Но особенно хорошо они исполняли все заупокойные службы.

Едва раздались первые, хватающие за душу аккорды этой исходящей из глубины сердца молитвы об усопшей, Я—в както рухнул на колени и, держась рукой за гроб, поник головой и зарыдал.

Мужчины редко плачут, и если такой твердый человек, как Я—в, зарыдал, то это свидетельствовало о том, как велико, как безысходно постигшее его горе. Но эти слезы оказались благотворными для его организма. У Я—ва пропало "окамененное нечувствие". После службы он подошел ко мне и горячо благодарил за то, что отслужили парастас, прибавив, что он совершенно был незнаком с этим "дивным богослужением".

На похоронах жены он был покойнее, молился все время на коленях и, прощаясь с телом, прослезился. Но слезы тихо струились из глаз, не было слышно рыданий, которые накануне раздирали вдовцу грудь.

С этого момента Я—в возлюбил меня, бывал у меня и оказывал мне много знаков внимания и расположения. Потом он получил командировку за границу и самовольно остался там. Оттуда он писал мне и прислал посылку с продуктами (время было голодное). На это письмо я не ответил и не знаю, какая судьба постигла названное лицо.

На мою душу особенно действует, кроме пения "Со святыми упокой", еще песнопение, которое исполняется во время отпевания и панихиды: "Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим" болгарского распева. По моему мнению, трудно лучше выразить и музыкально оттенить скорбь близких лиц, потерявших дорогого человека и в молитве ищущих утешения и успокоения.

Когда скончался император Александр III, в русской посольской церкви в Лондоне была назначена панихида по усопшем монархе. Кроме чинов русского посольства и русской колонии в полном составе, на панихиду прибыла английская королева Виктория, в сопровождении членов королевского дома, членов кабинета и нескольких членов парламента.

На всех англичан наше заупокойное богослужение произвело сильное впечатление, но особенно оно потрясло престарелую королеву Викторию. Более всего она растрогалась при исполнении певчими "Со святыми упокой" (всем иностранцам был роздан перевод на английский язык чина панихиды). Вскоре королева повелела внести в чин заупокойного богослужения англиканской церкви эту молитву[1].

Все пережитое мною во время отпевания усопших произвело на меня такое глубокое впечатление, что я дал себе слово никогда не сокращать чина отпевания и чина панихиды. В результате в домовую церковь общины начали приносить для отпевания покойников из соседних приходов, причем родные усопших объясняли, что очень уж хорошо отпевают в нашем храме и дают "большое утешение".

Пришлось это движение прекратить энергичными мерами, чтобы не нажить неприятностей.

---

[1] Англиканская церковь, как протестантская, считает своей главой короля или царствующую королеву. — *Прим. автора.*

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

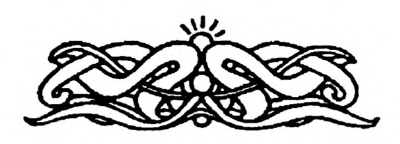
Перед самым закрытием храма при общине я взял себе из икон, лежавших без употребления в шкафу, где хранились облачения, небольшую икону Божией Матери "Умиление" — копию с той иконы, пред которой скончался преп. Серафим. Мне в общем очень нравилась икона "Умиление", представлявшая тот момент, когда Богоматерь отвечает Архангелу Гавриилу: "Се раба Господня. Буди мне по глаголу Твоему". Но, к сожалению, небольшая икона, мною взятая, была очень плохого письма, вследствие чего лик Божией Матери не выражал "умиления" и вообще не передавал тех высоких духовных свойств и того смирения, которые были Ей присущи. Меня это огорчало, и мне хотелось иметь икону "Умиление" хорошего письма.

Отправляясь однажды рано утром для совершения литургии в наш храм, я сказал жене: "Как обидно, что находящаяся у меня икона "Умиление" такого плохого письма. Как бы я хотел иметь икону, написанную в Дивеевском монастыре, хорошего письма, точную копию с иконы, принадлежавшей преп. Серафиму".

Возвратившись после домой, я увидел висящую над моей кроватью икону Божией матери "Умиление" среднего размера весьма хорошего письма. Дивный лик Богоматери выражал смирение и преданность воле Божией. На нем поистине было написано умиление перед высотой того служения спасению рода человеческого, к которому волей Божией призывалась Богоотроковица.

Я получил неожиданно то, о чем не смел и думать, причем так быстро, едва успев выразить пожелание иметь икону, и принес благодарение своей Небесной Покровительнице.

Затем я спросил жену, откуда взялась икона. Мне было объяснено, что вскоре после моего ухода из дома, пришел наш знакомый, когда-то, до революции, богатый человек, а в данное время служивший в государственном банке. Его неожиданно сократили, а он имел жену и ребенка. Сбережений у знакомого не было никаких, и он был вынужден продавать свои вещи и на это жить до получения места.

Икона Божией Матери "Умиление"

За месяц до описываемого события он принес моей жене несколько фамильных образов прекрасного живописного письма в богатых серебряных окладах, изделия Овчинникова и Сизикова, и просил отнести в наш храм и выставить их там для продажи. Теперь же он принес икону "Умиление" работы монахинь Дивеевского монастыря, говоря, что он продаст ее за дешевую цену, так как очень нуждается. "Быть может, — прибавил он, — икону купит какая-нибудь прислуга, посещающая ваш храм, и вообще человек, не обладающий большими средствами".

Тогда моя жена рассказала нашему знакомому о том, как я желаю приобрести икону "Умиление", прибавив, что она охотно приобретет ее для меня и заплатит просимую сумму. Узнав, что икона предназначается для меня, знакомый обрадовался и сказал, что с меня он возьмет за нее на два рубля меньше.

Таким образом, я сделался обладателем прекрасно написанной иконы, о которой так мечтал. Она всегда висит у меня.

Люди скажут: "случай", но я, испытав на себе дивные милости Богоматери и постоянную помощь, дерзаю думать иначе.

"Радуйся, источниче чудес неисчерпаемый, Радуйся, всякия милости Подательница".

О ТЕМНОЙ СИЛЕ, ВЛИЯНИИ ЕЕ НА ЛЮДЕЙ И БОРЬБЕ С НЕЮ

Некоторые, даже глубоко верующие люди, признающие Христа Богом и все догматы, приступающие к таинствам св. Церкви и старающиеся жить по-христиански, в то же время сомневаются в существовании диавола.

У меня была духовная дочь, очень образованная особа и глубоко верующая, которая утверждала, что темная сила — это "мировое зло", что в диавола как личность могут верить лишь самые необразованные люди.

Другие говорят, что народная фантазия как бы воплотила в лице диавола представления людей о дурных сторонах человеческой души и их злых поступках, противоречащих народному идеалу добра, правды и справедливости. Таким образом и возник у разных народов образ злого духа, начиная с Мефистофеля, о котором говорит Гете в своем бессмертном творении "Фауст":

"Частица силы я,
Желавшей вечно зла,
Творившей лишь беды",

и кончая русским и украинским "чертом", который, кроме стремления творить людям всякие пакости, имеет и некоторые комические стороны и свойства, не лишенные юмора.

Но факты говорят за себя. Мы видим, что Божественный Основатель нашей христианской религии был искушаем диаволом в пустыне, изгонял бесов из людей и дал власть делать это Своим ученикам, а затем Своими страданиями и смертью искупил нас "от клятвы законныя" и освободил от власти диавола, искусившего нашу праматерь нарушить заповедь Господню, вследствие чего человечество лишилось богообщения и "повинно было работе" (рабству) диавола, пока новый Адам не "стер главу змия".

Мы или должны верить в Евангелие и признавать все там изложенное за истину, или отказаться от Христова учения, согласно коему избавиться от диавола людям нелегко. "Сей род, — по словам Спасителя, — изгоняется только молитвой

и постом"[1]. В молитве Господней Христос учит нас молиться об избавлении от "лукавого", т. е. от диавола.

Диаволу очень выгодно, чтобы люди не верили в его существование, и он всячески внушает им, что религия является предрассудком, и уже вера в него — диавола — представляется таким абсурдом и чепухой, что допускать ее могут только люди совершенно необразованные, некультурные, по своему развитию приближающиеся к дикарям или к старым деревенским жителям в глухих медвежьих углах, верующим еще в домовых, леших, русалок, в заговоры, в порчу и т. п.

Люди же (мы говорим об обыкновенных, средних людях, желающих быть как все) более всего в жизни боятся быть смешными, казаться глупее, менее развитыми, чем другие, отстать от века. Они, как дети, часто не рассуждая, хватаются за всякую новизну, лишь бы не производить комичного впечатления; отсюда погоня за всем модным во всех сторонах человеческой жизни, отсюда легкомысленное отношение к религии, быстрое отрицание ее культурного значения и духовной силы, в дальнейшем охлаждение к ней (индифферентизм), а в будущем наступление безверия — этих полных потемок души. А диаволу только это и нужно: ему легче плести и закидывать сети, чтобы губить человеческие души, когда люди не признают его существования, теряют духовное трезвение, забывая слова первоверховных апостолов: *"Блюдите, како опасно ходите"* (поступайте осторожно)[2] и *"трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев, ходит, рыкая, иский кого поглотити"*[3].

Если мы верим в реальность Божества *личного*, в Живаго Бога (а без этой веры нет христианства), то мы должны верить и в существование другой мистической — тоже *личной* силы, темной, противоположной силе Божественной. Освободить нас от рабства этой силе, кроме нашего искупления (чтобы удовлетворить правде Божией) Своими страданиями и смертью, и приходил на землю Господь наш Иисус Христос.

В наш век скептицизма и великих открытий в области химии, физики, геологии и других наук, утвердивших многих образованных людей в материалистических воззрениях, с развитием исследований в нашей духовной области (сомнамбулизма, гипнотического внушения, ясновидения, яснослышания, передачи мыслей на расстоянии и других явлений),

---

[1] Мф. 17, 11. — *Прим. ред.*

[2] Еф. 5. 15. — *Прим. ред.*

[3] 1 Пет. 5, 8. — *Прим. ред.*

многие ученые люди перестали признавать материалистическое начало единственным носителем истины и уже избегают отрицать то нематериальное, в чем мы эмпирически убедиться не можем. Некоторые же стараются дать им научное обоснование.

Особенно интересуются этими явлениями, называемыми в науке телепатическими, в Соединенных Штатах Америки, где имеются научные общества, их изучающие и пытающиеся дать им научные разъяснения.

С ослаблением скептицизма, отрицающего все мистическое, в обществе стало ослабевать и отрицание темных сил[1]. Об этом довольно ясно, например, говорит Джемс[2] в своей книге "Многообразие религиозного опыта" и Метерлинк в книге "Жизнь пчел", указывая на возможность введения в заблуждение людей высшим, чем человек, существом и дурного на них с его стороны влияния. Известный русский философ и мистик Владимир Сергеевич Соловьев телесными очами видел диавола и даже боролся с ним, когда однажды ехал на пароходе, о чем он рассказывал писателю Величко[3], с которым был в хороших отношениях. Видел его писатель Лесков, когда вздумал читать заклинательные молитвы, находящиеся в Требнике Киевского митрополита Петра Могилы, как он сам поведал некоторым близким ему людям.

Мы не будем теперь разбирать и сообщать многие другие факты сверхчувственного опыта, относящиеся к злой силе,

---

[1] Наряду с этим наблюдается следующее интересное явление: образованные люди, отрицающие личного Бога и не признающие Христа, умудряются верить в таинственные силы заговоров, амулетов, в порчу, в дурной глаз и т. п., не видя в этом никакого мракобесия. Веру они подменяют суеверием, которое, по нашим личным наблюдениям, по мере упадка веры, все растет. Затем нельзя отрицать того, что мы окружены кругом тайнами, ибо если наука и не обанкротилась окончательно, как некоторые уверяют, то все же, по мере развития и дифференциации научных знаний, делается все яснее и яснее, что наука может изучать явления природы (феномены), но не может постигнуть сущность вещества и что такое жизнь. Это превышает силы нашего разумения. Вообще многое остается сокрытым от нас, и вряд ли когда-нибудь мы будем в состоянии эмпирически разрешить загадки мира и нашей жизни, а также наши сомнения. Не этим ли можно объяснить то обстоятельство, что многие образованные люди, особенно в Германии, желающие тем или иным путем приподнять хотя бы уголок завесы, скрывающей от нас тайну мироздания, стали увлекаться изучением теософии, черной магии, спиритизмом и т. п. — *Прим. автора.*

[2] Джемс (James), Вильям (1842—1910) — известный американский психолог и философ. Книга "The varities of religious experiens" (в русском переводе "Многообразие религиозного опыта") написана в 1902 г., переведена в 1910 г. — *Прим. ред.*

[3] Величко Василий Львович (1860—1903), псевд. В. Воронецкий, — писатель, поэт, драматург, публицист, автор биографии В. С. Соловьева. — *Прим. ред.*

бывшим как в древности, так, в особенности, в средние века и в новые времена, но ограничимся лишь изложением лично известных нам случаев, когда люди или видели злых духов, или попадали под их влияние и более или менее удачно, с Божией помощью, боролись с ними, а также и того, как я лично был стужаем от духов злобы и избавился по молитвам Пречистой Владычицы от их воздействия, и того, как они старались мстить мне, когда я ушел из-под их власти.

1.

В Болховском уезде бывшей Орловской губернии, в довольно глухой, отдаленной от железной дороги его части, в селе Спас-Чекряках, в 20-х годах настоящего столетия скончался священник о. Георгий, оставивший по себе самую светлую память как человек и как пастырь, несомненно, отмеченный перстом Господним.

Он, как великий молитвенник и святой, безупречной жизни человек, принадлежал к числу таких подвижников благочестия, как покойный о. Иоанн Кронштадтский, наш Батюшка о. Алексий, о. Валентин и оптинские старцы: о. Амвросий, о. Анатолий, о. Нектарий и другие пастыри нашего отечества, на которых почила особая благодать Господня.

О. Георгий учился в Орловской духовной семинарии и, будучи в старших классах, сделался духовным сыном оптинского старца о. Амвросия, коим окормлялся. У него не было в епархиальном управлении ни протекции, ни связей, поэтому, когда, по окончании курса духовной семинарии, он изъявил согласие сделаться священником, его назначили в один из самых отдаленных приходов глухой части Болховского уезда.

Прибыл он туда с молодой женой и пришел в большое уныние: обширный церковный дом требовал капитального ремонта, храм был деревянный, очень небольшого размера, убогий, ветхий. Когда о. Георгий поднимался по лестнице, чтобы войти в него, то ступеньки скрипели, шатались и поднимались, как клавиши.

Когда же вечером о. Георгий лег спать в одной из комнат дома, жена уже спала в другой, он услышал голос, который ясно проговорил: "Уходи-ка ты отсюда, мы тебя все равно выживем; лучше добром уйди". Затем начались "страхования": ясно слышался какой-то вой и шум; кровать, на которой лежал о. Георгий, кто-то качал из стороны в сторону. Наконец он был выброшен какой-то силой из кровати на пол, причем голос снова проговорил: "Лучше уходи отсюда, все равно мы тебя выживем".

Страхования продолжались всю ночь и только под утро о. Георгий забылся в легком сне. Встав усталым, измученным, он рассказал жене о том, что с ним было, и объявил, что едет в Оптину пустынь посоветоваться с о.Амвросием, как ему быть, так как оставаться в селе Чекряках он не может, и в тот же день выехал в Калужскую губернию.

О.Амвросий внимательно выслушал рассказ о. Георгия о бывших с ним страхованиях и сказал: "Темная сила не имеет никакой власти над человеком, если не будет попущения для его вразумления и исправления, и верующий человек, а тем более иерей не должен ее бояться. Ему известно, чем и как побеждаются козни диавола".

Когда же о. Амвросий выслушал сообщение о невозможном состоянии деревянного храма в селе Чекряках, сказал о. Георгию только одно: "А ты строй новый, большой и каменный".

Все это очень смутило молодого пастыря, и он в тяжелом состоянии духа возвратился в свое село.

Здесь скоро ему пришла мысль ежедневно среди дня приходить в церковь и служить там молебен Спасителю или Божией Матери (чем псаломщик был очень недоволен).

Несколько дней о. Георгий служил в совершенно пустом храме, но вот однажды, во время службы, в церковь зашел какой-то старик, в следующий раз пришло еще несколько старух.

В сельских местностях, как известно, церковная служба бывает обыкновенно только в праздники, иногда накануне их, и свободные от полевых работ старые жители села Чекряки, слыша колокольный звон в необычное для них время, стали заходить в церковь не из одного любопытства. Им нравилась истовая, проникновенная, неторопливая служба о.Георгия.

В праздничные же дни на эти молебны стал приходить народ не только из села, но и из соседних селений. Этим воспользовался молодой священник и стал говорить каждый раз проповеди на понятные для всех темы, делая заключение, как нужно жить и что нужно делать истинному христианину.

Прихожане понемногу стали привязываться к своему пастырю и ценить его бескорыстное служение. Тогда он в беседах с народом обратил внимание на печальное состояние, в котором находится храм, и на необходимость выстроить новый. Его слово нашло отклик в сердцах прихожан. На общем их собрании было решено выстроить новый, более обширный храм, притом каменный. Был послан в разные города сборщик для получения доброхотных даяний верующих, кроме специального сбора в храме, который производился во время каж-

дого богослужения. Нашлись и жертвователи, приносившие о. Георгию иногда значительного размера суммы.

Через несколько лет в Чекряках, вместо убогого, приземистого деревянного храма высился красивый каменный храм.

Страхования больше не повторялись. Темная сила оставила о. Георгия, который побеждал ее молитвой. Молитва его всегда была горячей, дерзновенной с крепкой надеждой и уверенностью, что она будет услышана, и его надежда не была тщетной: по молитвам о. Георгия стали даваться исцеления больным, оказывалась всякая помощь лицам, впавшим в беду или которых постигла какая-нибудь жизненная неудача. К нему скоро стали обращаться за советом и утешением интеллигентные лица, причем некоторые из них приезжали издалека, например из Москвы, настолько о. Георгий стал известен за пределами Болховского уезда.

Приток денежных средств дал этому выдающемуся пастырю расширить и свою приходскую деятельность: он устраивает в с. Чекряки приют для сирот и выстраивает для него каменный дом. Во главе приюта стала его духовная дочь, титулованная девушка, всецело посвятившая себя делу, которому она сочувствовала.

Таковы были результаты трудов о. Георгия в когда-то бедном, глухом приходе.

О. Амвросий уже скончался, когда все, что он предвидел, совершилось: темная сила была посрамлена, а смиренный пастырь с Божией помощью стал молитвенником и утешителем всех верующих, к нему обращавшихся.

2

Многие помнят митрополита Уральского Тихона[1]. Он был довольно популярной личностью в Москве, жил в Марфо-Мариинской обители, где иногда служил, служил в церкви в Кадашах (Воскресения Словущего), и, когда скончался Батюшка о. Алексий, то накануне его похорон служил в нашем храме парастас (во дворе).

[1] Тихон (Оболенский Иоанн Иоаннович), митрополит Уральский (1856—1926). С 1881 г. в течение девяти лет служил уездным врачом в г. Елатьме. В 1890 г. поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, был постижен в монашество и принял сан архимандрита. В 1901 г. хиротонисан во епископа Николаевского, викария Самарской епархии. После 1918 г. архиепископ. С 1924 г. — митрополит Уральский. — *Прим. ред.*

Митрополит Тихон был по образованию медик. По окончании университета он занял скромное место врача в одном из крупных уездных городов, стоящих на Волге.

Будучи хорошим врачом, а также отзывчивым, доброжелательным и совершенно бескорыстным человеком, митрополит Тихон вскоре заслужил любовь и уважение всех жителей города, так как не щадил ни здоровья, ни сил, чтобы прийти на помощь бедным больным и спасти тех из них, коим угрожала смерть.

Незаметно прошло десять лет. Городской голова, члены городской управы, городской Думы и наиболее уважаемые жители, собравшись в зале городской управы, обсуждали вопрос о том, как ознаменовать десятилетие пребывания любимого и уважаемого человека в должности городского врача. Решили сделать по подписке обед, на котором отметить все заслуги врача и поднести ему подарок.

Город, название которого я забыл, был патриархальным, все жители были глубоко верующими люди, посещавшими храмы, которых в городе было много. Особенно богомольным был городской голова, искренно сокрушавшийся, что любимый ими городской врач был неверующим.

Произошло это таким образом: соприкасаясь в студенческие годы с материей во всех ее видах и проявлениях, при изучении на практике анатомии, при производстве опытов по химии, при изучении биологии, гистологии и других положительных наук будущий митрополит понемногу утвердился в мысли, что материя вечна, что закон сохранения энергии показывает, что она не может исчезнуть, а только видоизменяется и что материя находится в вечном движении. В дальнейшем он стал отрицать существование личного Бога, перестал молиться и, сняв с себя нательный крест, держал его в одном из ящиков письменного стола.

Когда он снимал две меблированные комнаты, хозяйка квартиры просила разрешения оставить в одной из комнат, им занятых, большую старинную икону Божией Матери в серебряном окладе, объяснив, что ее негде повесить в других комнатах. Врач на это согласился, говоря, что икона ему совсем не нужна, но, если некуда ее устроить, то пусть остается.

За несколько дней до чествования врача городской голова написал письмо о. Иоанну Кронштадтскому, где изложил, как они будут чествовать любимого и уважаемого врача,выражая скорбь, что тот ни во что не верит, почему и просил усердно помолиться за врача, чтобы Господь просветил его светом разума Своего.

В день чествования врача городской голова получил из Кронштадта телеграмму без подписи, составленную из одного слова: "Молюсь". Обед прошел хорошо, тепло и сердечно. Участники провозгласили много тостов за любимого врача, говорились речи, и высказывались ему лучшие пожелания.

В конце обеда городской голова не вытерпел и высказал, что их радость, что город получил такого гуманного, бескорыстного врача, омрачается тем, что он неверующий человек. Как-то не пристало ему, по всем своим поступкам истинному христианину, отрицать существование Бога и Христа.

Доктор сперва отшучивался, а потом призадумался. Он понял скорбь этих простых, сердечных, хотя в большинстве и малообразованных, но глубоко верующих людей, и ему стало больно, что он невольно огорчает их.

В своем заключительном слове врач благодарил городского голову, городскую управу, членов Думы и всех участников обеда за любовь, внимание и большую честь, ему оказанную; со многими из присутствующих врач, прощаясь, облобызался. Он был очень умерен в пище и питии, водки совсем не пил, а вино редко и очень мало, почему, несмотря на многие тосты, провозглашенные за обедом, был совершенно трезв.

Возвратясь домой, он долго сидел, задумавшись, вспоминая все пережитое им за десять лет в городе, где ему так улыбнулась жизнь, и у него не выходили из головы последние слова старика — городского головы.

Время приближалось к полуночи. Он разделся и стал размышлять над тем, что для таких простых, искренних, немудрых, малообразованных, но в то же время сердечных и верующих людей, как горожане, его атеизм может показаться действительно чудовищным и они могут быть оскорблены в лучших своих чувствах.

"Чем же я виноват, — воскликнул он, — что вера моя утрачена, что я пришел к заключению, что веру и науку согласовать нельзя!" Вот если бы я увидел телесными очами диавола, то убедился бы на опыте в существовании бесплотных духов, и следовательно, для меня было бы гораздо легче признать существование Бога как Личности и истинного Духа". (Этот путь, которым врач думал помочь себе, несколько напоминает математические доказательства от противного.)

Едва он проговорил эти слова, как отворяется дверь и входит тот, которого он так жаждал лицезреть. Диавол был громадного роста и очень гнусного вида. Подойдя к кровати, на которой лежал врач, сатана сказал: "Вот ты так хотел меня видеть, я и пришел, давай поцелуемся!" Врач оцепенел от ужаса, ибо в реальности видения не было никакого сомнения. Он совершенно

забыл о силе крестного знамения и молитвы, а диавол тянулся к нему. Вдруг врач почувствовал, что кровать приподнимается и диавол не может уже дотянуться до него. Тогда сатана проговорил: "Ну ладно, я приведу того, кто выше меня", — и с этими словами вышел.

Вскоре дверь снова отворилась, и вошел бес такого внушительного роста, что было ясно, что он дотянется до врача. Забыв о крестном знамении, он вспомнил, что в письменном столе у него хранится нательный крест, и, сделав прыжок с кровати, быстро открыл ящик письменного стола и схватил крест. Видение немедленно прекратилось.

Он пал на колени пред иконой Божией Матери в какой-то молитве без слов. В этот момент от иконы послышался голос: "Если ты хочешь спастись, то должен посвятить себя Богу".

Этот голос заставил его очнуться и вскочить на ноги.

"Что же это такое происходит со мной? Я уже испытываю настоящие галлюцинации, вижу бесов и тут же слышу еще даже "гласы". И все это переживаю я, имеющий дело с положительной наукой, не допускающей мысли, что есть духовный мир. Прочь от этого мракобесия".

В этот момент от иконы послышался снова голос: "Я тебя не неволю и не утруждаю, поступай, как хочешь. Я только говорю тебе, что если ты хочешь спастись, то должен посвятить себя Богу".

Не было никакого сомнения, что это не была галлюцинация.

Легко можно себе представить, что пережил за короткий промежуток времени врач, бывший до поступления в университет глубоко верующим человеком. Все наносное — скептицизм, агностицизм, а затем и полное неверие, как результат рационализма, спали с него, как чешуя.

Душа потянулась к Богу, как в детстве, к Богу любви и милосердия, к Источнику жизни и бессмертия, после долгих лет "окамененного нечувствия" и жизни без Бога из уст врача вырвалась искренняя, сердечная молитва. Это была вдохновенная молитва, исходящая из глубины сердца; в ней не было ни прошения, ни мольбы, одно лишь славословие и благодарение за то, что Создатель поставил на стезю спасения, просветив светом Своего разума.

На другой день врач выехал в Петербург, а оттуда проехал к о. Иоанну Сергиеву в Кронштадт. Долго беседовал о. Иоанн

с врачом и принял его исповедь. Здесь он узнал о просьбе городского головы и об ответе, посланном о. Иоанном по телеграфу.

От этого пастыря врач вышел просветленным, твердо решившим посвятить себя Богу. Осенью он поступил в Духовную Академию, прекрасно ее окончил и принял затем пострижение. Постепенно подвигаясь по иерархической лестнице, он, еще далеко не в старом возрасте, был посвящен во епископы.

Такова история обращения к Богу по Промыслу Всевышнего будущего митрополита Уральского Тихона.

3.

В Москве до революции проживал молодой человек, некто Майков, происходивший из хорошей купеческой семьи и пользовавшийся прекрасной репутацией. Он занимал место маклера на бирже, добросовестно относился к своим обязанностям и пользовался расположением товарищей и посетителей биржи, ценившими в нем искренность, приветливость, желание всем быть полезным и доброе сердце.

Майков имел небольшие средства и получал приличное вознаграждение, так что мог хорошо жить, но он не признавал жизни только для себя, следуя велениям сердца, делал много добрых дел, причем старался приходить на помощь бедным или впавшим во временную нужду людям тайно. Между прочим, он много помогал нуждающейся учащейся молодежи.

Как ни скрывал Майков свою благотворительную деятельность, о его щедрости скоро узнали многие бедные люди и в тяжелых случаях своей жизни стали обращаться к нему за помощью.

Незадолго до мировой войны Майков женился на прекрасной, очень недурной собою девушке по взаимной, горячей любви. Молодожены были очень счастливы, и, казалось, их блаженству не будет конца. Они никогда не расставались и лучшим временем считали, когда могли остаться одни.

Но вот Майкова поразило внезапное горе: нежно любимая жена его заболела и через очень короткое время скончалась. Горе молодого вдовца не поддается описанию; одно время ему даже приходила мысль о самоубийстве, и, если бы не друзья, следившие за каждым его шагом, быть может, он и привел бы в исполнение свой замысел.

Видя состояние, в котором находился Майков, кто-то посоветовал ему обратиться к известному спириту В. Быкову[1], издававшему тогда в Москве журнал "Спиритуалист", в квартире коего, близ храма Спасителя, происходили спирические сеансы, в во время которых наблюдались удивительные явления. Майкова познакомили с Быковым, и тот предложил ему прийти на один из сеансов.

Придя в назначенный день, Майков сел в стороне и не принимал участия в сеансе, но когда столик стал выстукивать и начали записывать все то, что говорил столик, Майков по содержанию записанного и по отдельным фразам, словам и выражениям с радостным чувством убедился, что это его умершая жена обращается к нему со словами утешения и одобрения, прося его не падать духом, вспомнить ее и, если он хочет, то вступать с нею в общение, в чем и он и она будут находить тоже большое утешение.

Когда он сообщил Быкову с великой радостью, что он узнает мысли, слова и выражения жены, тот порекомендовал ему установить связь с женой при помощи планшетки, что доставит ему немало отрадных минут и облегчит перенесение скорби.

Возвратясь домой, Майков немедленно сел за стол и стал при помощи планшетки вызывать душу умершей жены. Скоро она пришла, и планшетка едва успевала отмечать буквы, записывая которые, Майков вступил в оживленную беседу, как он был убежден, с умершей женой. Часто он засиживался за сеансом до зари и всегда вставал из-за стола с радостным чувством, что он разговаривал с дорогим существом.

Майков несколько повеселел и не производил уже впечатления человека, убитого горем. Между тем он продолжал заниматься благотворительностью.

Когда однажды Майков начал свой спиритический сеанс, планшетка отметила буквы, показавшие, что с ним будет беседовать преп. Сергий. Вслед за этим записанные буквы выявили обращение "преподобного" к Майкову: продолжать занятие благотворительностью, причем ему было указано, что

[1] В. Быков в начале XX столетия стал сомневаться в том, что во время спиритических сеансов с людьми вступают в общение умершие, поехал в Оптину пустынь к старцам, которые целым рядом фактов и анализом феноменов, бывших во время спиритических сеансов, убедили его, что не души усопших вступают в общение с людьми при посредстве столика или планшетки, а темная сила. Быков бросил издавать журнал "Спиритуалист", принял сан священника и был настоятелем храма на Пречистенском бульваре. Я был с ним знаком. Скончался он в 1924 или 1925 г. Написал прекрасную книгу "Тихие обители". — *Прим. автора.*

если он купит на бирже такие-то бумаги, то, продав их после, он наживет большие деньги, на которые может затем расширить помощь ближним.

Майков послушался. Курс на приобретенные им процентные бумаги и акции скоро очень поднялся, и он, продав их своевременно, действительно получил большую сумму денег. Вечером вступил с ним в беседу опять якобы преп. Сергий, и планшетка передала Майкову следующие слова "преподобного": "Ты видишь, что все, мною сказанное тебе, подтвердилось. Ты в большом выигрыше и получил немало денег. Вот завтра к тебе придет игуменья одного женского монастыря, которой рассказали о том, что ты щедро помогаешь нуждающимся. Она строит в монастыре новый собор, и ей недостает двадцати трех тысяч, чтобы окончить постройку колокольни. Дай ей недостающую сумму, и Бог благославит твои начинания".

Майков отсчитал 23 тысячи из вырученных им от продажи купленных бумаг и акций и положил их в особый пакет, остальные же деньги присоединил к своему довольно значительному капиталу.

На другой день, действительно, приходит игуменья, называет монастырь, коим она управляет, рассказывает о постройке нового собора и просит помочь ей, дав 23 тысячи рублей, чтобы достроить колокольню собора.

К ее изумлению, Майков говорит: "Сумма, в которой вы нуждаетесь, готова", — и, взяв из столика пакет с 23-мя тысячами рублей, вручил игуменье, которая не сразу пришла в себя от происшедшего с нею и удалилась, рассыпаясь в благодарностях.

Вечером, после беседы с душой умершей жены, Майков по движению планшетки, узнал, что с ним хотят говорить. Оказалось, что это снова "преподобный Сергий". Отмеченные планшеткой буквы дали следующее обращение к Майкову: "Вот видишь, все, что я говорю, сбывается, поэтому ты должен меня слушаться. Завтра же купи акции (было названо предприятие), как бы тебя от этого ни отговаривали, и ты снова выиграешь на разнице в курсе бумаг громадные деньги. Это настолько увеличит твои средства, что ты получишь возможность делать добрые дела и помогать несчастным и нуждающимся так широко, как ты и не думаешь. Но ты должен купить акции на весь имеющийся у тебя капитал, без всякого сомнения в успехе".

Майков, придя в большом волнении назавтра на биржу, дал приказ закупить акции названного "преподобным Сергием" предприятия на все принадлежавшие ему деньги. Едва

он сделал это распоряжение, как к нему подходит гофмаклер и говорит: "Что вы делаете? Отмените сейчас же ваше распоряжение: акции, которые вы хотите купить, бешено падают в цене. Дела предприятия, их выпустившего, идут из рук вон плохо. Мы с минуты на минуту ожидаем телеграмму с уведомлением, что по делам этого предприятия будет назначена администрация, и тогда, по правилам, акции его вовсе не будут котироваться на бирже. Одумайтесь, пока не поздно".

Но Майков, веря "преподобному", настаивал на заключении сделки по покупке акций шатающегося предприятия. "Я убежден, что дела предприятия поправятся, — упрямо твердил он, — и я буду не в убытке, а в большом выигрыше". Сделка была заключена и утверждена гофмаклером. Майков уплатил все бывшие у него деньги, чтобы получить ничего не стоящие акции. Перед закрытием биржи была получена телеграмма, что по распоряжению правительства над сомнительным предприятием утверждена администрация. Майков потерял весь свой капитал. Неудача страшно его потрясла.

Возвратившись домой, он немедленно сел за стол и положил руки на планшетку. Она быстро задвигалась, и Майков к своему ужасу, записав те буквы, которые она отмечала, прочитал: "Ха, ха, ха, ха". Он понял, какой "преподобный" являлся его утешать, выдавая себя за умершую жену, и как он над ним надругался.

Майков от огорчения заболел. Выздоровев, он стал как ребенок: ничто его не интересовало, иногда он даже плохо соображал и, можно сказать, потерял вкус к жизни.

Над ним сжалился известный коммерсант Прохоров: нанял Майкову комнату, ликвидировал его квартиру, нашел ему небольшое место и вообще заботился о нем, как любящий близкий родственник. Майков уже не жил, а существовал.

Все это мне рассказывала незадолго до своей кончины Вера Михайловна Хлудова, которая владела когда-то известной Ярцевской мануфактурой, принадлежавшей прежде ее умершему мужу М. А. Хлудову, а потом товариществу, пай коего принадлежал ей, Прохорову и ее брату Максимову.

"Темная сила" осталась верна себе, и только поэт мог сказать про диавола: "И зло наскучило ему".

4.

Когда я служил еще при церкви общины, ко мне однажды пришла одна дама, окончившая курс института и бывшая замужем за человеком, когда-то служившим гофмаклером на бирже. В то время он был "валютчиком" и посещал так на-

зываемую "черную биржу" близ Ильинских ворот и зарабатывал большие деньги.

Эта дама имела лет сорок пять и была "стужаема от духов нечистых" с молодых лет. В самом юном возрасте она пристрастилась к вину и, имея всего 16 лет, будучи во время летних каникул у матери, убегала тайно из дома и посещала все соседние пивные и трактиры, так что многие ломовые извозчики ее знали. Сделавшись совершеннолетней, она продолжала тот же образ жизни.

Замужество не внесло в ее жизнь никаких перемен. Она, в отсутствие мужа, уходила из дома по-прежнему и пила горькую, причем могла выпить громадное количество водки и пива. Мужа своего любила и очень страдала от того, что она, кроме огорчения, ничего ему не доставляет.

От природы эта дама была не глупая, была добрым человеком, очень верующей, понимала всю низость своего падения, боролась со своей страстью, но ничего не могла с собой поделать. Это не был болезненный запой, так как дома она не пила и производила впечатление домовитой хозяйки, думающей и заботящейся о муже и своей воспитаннице (детей у них, слава Богу, не было), но ее неудержимо тянуло или в пивную, или в трактир, где атмосфера, насыщенная алкоголем, доставляла ей своеобразное наслаждение. Она там преображалась и чувствовала себя счастливой.

Случайно придя в храм, при котором я состоял, отстояв литургию и прослушав сказанную мною проповедь, она почему-то решила, что я буду в состоянии помочь ей избавиться от кошмарной жизни, которую она ведет около 36-ти лет.

Подойдя ко мне после службы, она со слезами на глазах рассказала всю свою жизнь и просила помочь ей избавиться от воздействия темной силы, которая, как она чувствует, поработила ее волю, действуя на воображение, так как своеобразное наслаждение, которое она испытывает, нагружаясь водкой (пьяной она почти не бывает) и обоняя кругом алкоголь, весьма сомнительное, и в минуты просветления ей противно вспоминать свои падения и делается совестно своей двойной жизни, которую она ведет дома и в пивной или трактире.

Я отказался сделаться руководителем ее жизни, ссылаясь на свою неопытность и рекомендовал ей обратиться к Батюшке о. Алексию.

Но она стала настаивать, объясняя, что если я не возьмусь за это дело, то она погибла, что это мой долг и т. п. Тогда я ей сказал, что возьмусь вести ее по пути спасения только в том случае, если меня на это благославит мой духовный

руководитель — Батюшка, причем я буду передавать на его одобрение все свои действия и указания, которые буду ей давать, и просил прийти ко мне послезавтра.

Тем временем я сходил к Батюшке и рассказал ему обо всем происшедшем. "Да я ее знаю, — воскликнул о. А. — Она у меня была несколько раз. Несчастная женщина. Ее воля, несомненно, порабощена чужой волей. В роду у них алкоголизма не было, так что наследственность не играет тут роли. Хотел я ей помочь, но она не пошла по пути, мною ей указанному, и кончила тем, что... объяснилась мне в любви. Трудно вам будет с нею".

Посоветовавшись с Батюшкой, я предложил моей новой духовной дочери постоянный режим духовной жизни, объяснив, что Спаситель прямо сказал, что темная сила изгоняется "только молитвой и постом", при этом я ей запретил бесконечно возиться и делать центром своего внимания козу, которую она любила какою-то болезненною, странною любовью. Взамен пребывания у козы советовал ей молиться и читать Евангелие, не забывая Иисусовой молитвы.

Должен сказать, что Батюшка о. А. категорически мне воспретил читать заклинательные молитвы, имеющиеся в Требнике[1], и велел молиться за бедную женщину как за больную.

Все пошло, казалось, хорошо. Дама, о которой я рассказываю, перестала посещать трактиры и пивные, заходила к козе в хлев, чтобы только накормить и напоить ее, часто бывала в храме, исповедовалась и причащалась св. Тайн, много молилась, и ее перестало тянуть из дома в трактиры и пивные. Она поздоровела и телом и духом. У нее исчезла угрюмость, она перестала смотреть исподлобья, взор стал открытым и светлым. Я, конечно, усердно за нее молился.

Так прошло полгода. Можно было подумать, что несчастная на пути к полному выздоровлению. Она бесконечно радовалась и от души благодарила меня за помощь, хотя я это и запрещал ей делать, объясняя ей, Кого нужно благодарить.

---

[1] Причиной этому было то, что я сам испытывал на себе воздействие темной силы, был ею порабощен, так как одно время ничего не мог сделать с одной охватившей меня страстью, и следовательно, не имел духовной силы бороться с нею, чтобы ее одолеть, надеясь только на себя. Я так высоко ставил руководящие советы Батюшки и им подчинялся, что мне в голову не пришла мысль переписать страшные по своей силе заклинательные молитвы, имеющиеся в Требнике Киевского митрополита Петра Могилы, который мне удалось достать для ознакомления с ними. — *Прим. автора.*

Такой длительный светлый промежуток у нее был впервые. Муж тоже был счастлив, и дома у них водворился мир и лад.

В это время серьезно заболела моя жена. Доктор нашел, что нужно во что бы то ни стало улучшить питание, а мы были так бедны, что полтора года питались черным хлебом, с которым пили чай и ели один раз в день пшенную кашу без масла.

Я был сверхштатным, в дележе кружки не участвовал, трудясь за больного настоятеля безвозмездно, советская же служба давала нам в месяц сумму, на которую нельзя было существовать. (Это происходило в 1921 году, когда все были миллионерами и голодали.)

Случайно узнав о болезни жены, моя духовная дочь стала присылать жене куриный бульон, жареную курицу, ветчину, икру, яйца и т. п., так что жена, которая уже вставала с постели, быстро поправилась. Этот сердечный порыв дамы нас еще более сблизил.

Как вдруг у нее заболела коза. Это, казалось, был для несчастной женщины не только неприятный эпизод ее жизни, а страшное горе. Она приходила в полное отчаяние. Перестала ходить в храм, забросила домашнюю молитву и стала жить исключительно для козы. Она перевела ее из хлева в кухню, где устроила для нее мягкое ложе, и стала спать на полу на тюфяке рядом с козой. Домашнее хозяйство забросила, на мужа и на воспитанницу не обращала никакого внимания. Она подняла на ноги ветеринарных врачей и, наконец, пригласила (что стоило ей больших денег) известного Москве ветеринарного врача Тоболкина. Тоболкин прямо сказал, что коза не выживет и что нужно ее прирезать.

Я тоже предъявил это требование, объяснив, что она может тушу отдать бедным, так как, конечно, она сама не будет есть мясо любимого животного, и, наконец, она может усыпить козу. При этом я напомнил, что я согласен руководить ею, содействуя при помощи Божией и по молитвам Батюшки избавиться от порока, которому она предана, лишь на условии полного подчинения мне ее воли, и что, если она не исполнит моего требования, я буду вынужден отказаться руководить ее жизнью. Но она мне объявила, что не в силах покинуть козы: "Что будет, то будет".

Коза в страшных мучениях издохла от воспаления легких, а несчастная ее хозяйка на другой день побежала в трактир, откуда на этот раз вернулась домой совершенно пьяной. Муж ее побил и пригрозил, что выгонит ее из дома. Она пришла ко мне вся в слезах, но я категорически отказался с нею беседовать и не пошел ее навестить.

Кончилось дело тем, что муж потребовал ее удаления, и я потерял ее совершенно из виду. Из Москвы она исчезла. Прошло года два или три. Одна из моих духовных дочерей и близких мне по духу людей отправилась как-то с дочерью поклониться мощам преп. Серафима. В храме там к ней подходит какая-то незнакомая женщина с приятным лицом и спрашивает, не из Москвы ли она. Узнав, что оттуда, незнакомка пригласила ее к себе, объяснив, что она навсегда осталась жить вблизи преподобного. Жила она в соседней деревне у крестьянина. По словам моей духовной дочери, она не производила впечатления пьющей, была уравновешенна и спокойна. Узнав, что приезжая меня хорошо знает, она тепло меня вспоминала, просила передать мне привет и высказала сожаление, что меня огорчила, не исполнив моей воли.

Затем при таких же обстоятельствах с нею встретилась там же моя другая знакомая.

Был ли это у нее светлый промежуток, или она исцелилась по молитве преп. Серафима при раке его мощей, или погружаясь в источник, — мне неизвестно. Если она исцелилась, то я первый порадовался бы, так как очень жалел несчастную, в основе хорошую, добрую женщину и глубоко верующую, которую "сатана связал" более чем на тридцать лет.

5.

Принятие мною сана священника, по повелению покойного Батюшки, изменение всего уклада моей жизни, которая стала осмысленной; ясная цель, которую я имел перед собой, и сознание того великого служения, которое я возложил на свои слабые рамена и громадной ответственности[1], принятой на себя, заставили меня очень следить за каждым своим действием, словом и помышлением, чтобы мое личное поведение, отношение к людям и к своим обязанностям соответствовали званию пастыря и руководителя человеческих душ по пути спасения, а молитва была искренней и теплой, возносимой с глубокой верой, дабы всегда чувствовать пребывание Спасителя в сердце.

[1] Я живо помню, как меня потрясло чтение одного из творений великого учителя Церкви — святителя Иоанна Златоуста — "О священстве", где святитель, изъясняя, как высоко служение иерея, упоминает о той ответственности, которая возлагается на каждого, решившегося принять священство. Если бы я прочитал это творение до посвящения, то, быть может, не решился бы на этот шаг, приступить к которому я долго колебался, будучи недостойным нести пастырские обязанности, что я тогда сознавал очень хорошо, сознаю и теперь и всегда молюсь, чтобы мне было прощено мое великое дерзновение стать священником. — *Прим. автора.*

Эта борьба со своими недостатками, грехами и страстями и особенно молитва очень не нравились и раздражали врага рода человеческого, и он на меня ополчился. Сперва он мне мешал молиться, отвлекая посторонними мыслями, так что, бывало, остановишься среди молитвы и погрузишься в эти мысли и улетишь за тридевять земель, забудешь, что стоишь на молитве; потом начал раздражать разными мелкими досаждениями, которых на каждом шагу в домашнем быту, если человек не следит за собой, может быть бездна, но к ним прибавились и специальные "досаждения": предметы вырывались из рук и падали или закатывались так, что приходилось их искать; при исполнении какого-нибудь дела возникали всякие препятствия, в коих ясно чувствовалась рука "окаяшки".

Все это иногда приводило меня в большое раздражение, и я, вместо того чтобы молиться и просить помощи свыше, гневался (я был прежде вспыльчивым) и награждал "окаяшку" разными нелестными эпитетами.

В результате он мне отомстил так называемыми "навязчивыми идеями". Совершаю я как-то литургию, как всегда благоговейно и сосредоточенно, настает самый великий, потрясающий ее момент — освящение даров[1], воздымаю чашу и дискос, возглашая "Твоя от Твоих...", — вдруг мозг прорезает нецензурное слово, гадкое, мерзкое, которое никогда в жизни не употреблял. Вслед за этим является внушенная мысль: "Вот тебе, вот тебе"...

Несколько секунд стою в смущении. Прихожу в себя, делая все усилия, чтобы забыть происшедшее, сосредоточиться и благоговейно продолжать литургию. С помощью Божией это удается, но на душе остается какой-то осадок.

В следующий раз дело обстоит хуже: в самый торжественный момент литургии мозг пронизывает мысль о каком-либо соблазнительном поступке или сладострастном моменте, за чем следуют нецензурные слова и целые выражения. После совершения литургии я чувствую себя смущенным, и у меня нет спокойствия и умиления.

Все эти переживания заставили меня пойти к прекрасно ко мне относившемуся старцу Исайе (иеромонаху Пантелеймоновского подворья, бывшему келейнику старца Аристоклия, там погребенного).

---

[1] Советую вам прочитать чудное описание совершения литургии, поэтически и вдохновенно составленное Гоголем, в собраниях его сочинений, изданных до 1917 года. Оно производит сильное впечатление. — *Прим. автора.* (По-видимому о. Константин Ровинский имеет в виду сочинение Н. В. Гоголя "Размышления о Божественной литургии". — *Прим. ред.*)

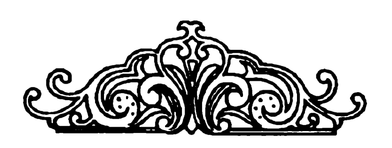
О. Исайя выслушал меня со вниманием и сказал: "Конечно, все, что с вами происходит, дело врага рода человеческого, но вам не следует раздражаться, а тем более бранить его, как вы делаете. Имейте в виду, что он зол, мстителен, но и обидчив. Чем меньше вы на него обращаете внимания, тем более он стушевается. Обращение с ним должно быть корректным".

Это последнее определение мне особенно понравилось: не нужно подавать повода темной силе делать зло, мстить, а просто ее игнорировать, не замечать, как ничтожество, как существо бесполезное и вредное.

Батюшка о. Алексий, к которому я обратился позднее по этому делу, в дополнение к тому, что сказал о. Исайя, прибавил следующее: "Обращая внимание на выходки врага рода человеческого, вы не только поощряете его на разные поступки, но сами ему помогаете: вот вы ожидаете, что в известный момент должно наступить то-то и то-то, оно действительно и совершается. Но часто может совершаться без его участия: в известное время слова и выражения вам могут придти уже по ассоциации идей. Вам нужно стараться совершенно забыть и не вспоминать того, что с вами происходило во время совершения литургии; не настораживаться, ожидая, что вот мысль к вам придет, и, верьте, все обойдется благополучно и вы не будете посрамлены".

Так все и произошло. Постепенно навязчивые мысли меня перестали беспокоить, и совершение литургии стало происходить беспрепятственно.

По поводу изложенного скажу, что внушение темной силой нецензурных слов и выражений дело обычное: нередко одержимые девушки из лучших семейств, совершенно невинные, никогда не слышавшие дурных слов, не имеющие понятия о дурных действиях и безнравственных поступках, во время припадков выкрикивают, к ужасу близких, гадкие слова и выражения, делают соблазнительные движения и жесты, а после ничего не помнят.

ДОПОЛНЕНИЕ 1

Перед самой революцией я занимал на государственной службе видное место в одной из центральных губерний, и, когда произошел октябрьский переворот, я сохранил свой пост. Работая всецело в интересах и на пользу народа, я получил от центральной советской власти, оценившей мою успешную деятельность, довольно крупную денежную награду. Казалось бы, все обстоит благополучно. Но в смутные времена — беда иметь личных врагов. Им легче всего в такие времена сводить личные счеты и, увлекаясь идеей "святой мести", даже уничтожать ненавидимых ими лиц. Это я испытал на себе.

Один подчиненный мне человек, которому я сделал добро, оказался недостойным моего доверия и потому вынужден был покинуть службу во вверенном мне учреждении, что соответствовало желанию его сослуживцев. В момент свержения власти временного правительства этот человек неожиданно получил влиятельное в политическом отношении положение в губернии, а именно: он сделался помощником председателя военно-революционного комитета, лица, тоже невзлюбившего меня, так как я неумышленно задел его самолюбие. Власть этих людей была дискреционной. В результате этого, несмотря на всю мою лояльность, я неожиданно был арестован и заключен в тюрьму. Через двое суток, однако, я был освобожден, так как все служащие единогласно засвидетельствовали мою полную непричастность к каким бы то ни было антиправительственным действиям.

Вскоре после этого председатель военно-революционного комитета нашей губернии уехал по вызову Ленина в Москву, и на всей воле остался мой враг. Он приходился зятем моему помощнику, весьма недурному человеку, прекрасному работнику, но очень болезненному. По его просьбе я и принял его зятя к себе на службу. Однако, когда этот молодой человек начал манкировать службой, выступая на митингах и общих собраниях служащих, возбуждая против меня моих подчиненных и вообще ведя себя недостойно, помощник мой, возмущенный образом действия своего зятя, просил его от него уехать (они жили в одном доме). Тот уехал, но затаил против своего родственника злобу.

И вот теперь я, мой помощник и двое наиболее способных моих подчиненных, неоднократно с большим успехом выступавших против моего врага на общих собраниях служащих, были арестованы и заключены в тюрьму в одиночные камеры. Я и двое моих подчиненных хорошо переносили тюремный режим и одиночное заключение, помощник же, страдавший катаром желудка и, кажется, даже язвой желудка, совершенно не выносил тюремного режима и питания. Он стал плохо спать, лишился аппетита и сильно ослабел. Когда через десять дней нам дали свидание с нашими семьями, и я увидел своего помощника, то испугался, так он изменился, похудел и пожелтел.

Жена же его и сын были очень огорчены и обеспокоены. Сын его — воспитанник 8-го класса гимназии, талантливый юноша, прекрасный музыкант, писавший недурно стихи, очень любил своего отца и в свободное от занятий время не разлучался с ним. Он очень взволновался и решил действовать сам. Взяв из письменного стола отца казенный револьвер, он отправился к своему дяде и обратился к нему с просьбой выпустить из заключения отца, указав на состояние его здоровья. Но тот, приняв очень недружелюбно своего племянника, сказал: "Я уничтожу... (назвал мою фамилию) и твоего отца..." Тогда возмущенный юноша пришел в страшное возбуждение и стал стрелять в своего дядю, метавшегося по комнате. Он дал четыре выстрела и двумя из них опасно ранил дядю. Вслед за тем сам явился к судебному следователю, хорошему знакомому своих родителей, рассказал о происшедшем и просил арестовать его. Следователь заключил юношу в тюрьму и приступил к производству следствия. Опасно раненному оказали первую медицинскую помощь, признав положение его весьма серьезным. Его родственники из одного крупного города увезли его туда с целью спасти ему жизнь и вылечить его.

Кто-то неосторожно дал моему помощнику в камеру вместе с книгами вышедшую на другой день местную газету, в которой было описано вышеизложенное событие. Легко можно себе представить, какое впечатление произвело на него, этого больного, нервного и слабого духом человека, описание преступления, совершенного его любимым сыном, на которого он возлагал так много надежд. Он плакал и рыдал, лишился сна и перестал есть. Об этом я узнал от зашедшего ко мне начальника тюрьмы. Я просил начальника немедленно перевести ко мне в камеру моего помощника. Это было сделано. Здесь я окружил его вниманием и заботою, и с Божией помощью мне удалось его несколько успокоить и убедить воз-

ложить все надежды на Бога. Он пробыл в моей камере до самого нашего освобождения.

Покушение родного племянника на жизнь дяди, видного представителя местной советской власти, произвело на всех громадное впечатление. Моего врага в городе не любили, и все решительно жалели юношу, находя, что любовь и жалость к отцу и возмущение циничным ответом дяди вызвали его на преступление. Один из присяжных поверенных внес по собственному почину судебному следователю залог в 10 000 рублей, и юношу освободили. Он мог в том же году с успехом окончить курс гимназии.

Между тем все начальники отдельных частей административных и судебных учреждений объявили лицу, стоявшему во главе губернской советской власти, что, если я не буду немедленно освобожден из заключения, то все должностные лица города и губернии забастуют. В результате все мы были выпущены из тюрьмы, просидев в одиночном заключении две недели.

Приблизительно около этого времени от губернской советской власти были вывешены объявления, предупреждавшие жителей, что если лица, имеющие какое-либо оружие, не сдадут его властям в назначенный срок, и у них оно будет найдено, то они будут расстреляны.

У меня в доме никогда на было ни холодного, ни огнестрельного оружия.

В большом сарае, бывшем при казенной квартире, которую я занимал, хранились вещи прокурора местного окружного суда. После октябрьского переворота он уехал из города и просил меня разрешить оставить в моем сарае свою мебель и некоторые вещи. Вскоре после его отъезда ко мне на двор пришла какая-то комиссия. Предъявив экзекутору мандат, они увезли на грузовике всю мебель прокурора и вскрыли все чемоданы, корзинки и баулы, принадлежавшие ему. Не найдя в них ничего, кроме белья, одежды и посуды, они оставили их на месте и удалились.

Вскоре после моего освобождения от вторичного ареста, опять прибыла какая-то комиссия, предъявившая экзекутору мандат на право произвести обыск в сарае. При осмотре одного из чемоданов, принадлежавшего бывшему прокурору, комиссия обнаружила в нем небольшой револьвер какой-то неведомой мне итальянской системы и приступила к составлению протокола, в котором было обозначено, что в вещах, находящихся в помещении, принадлежащем к квартире управляющего таким-то учреждением, найдено такое-то огнестрельное оружие. Экзекутору было предложено подпи-

саться под этим протоколом и, следовательно, удостоверить все в нем изложенное. Экзекутор глубоко возмутился. Он отлично понимал, что так как срок представления оружия давно истек, то составленный протокол даст полное основание к моему уничтожению на "законном, так сказать, основании". Экзекутор наотрез отказался подписать протокол, заявив, что еще месяца не прошло, как приезжала специальная комиссия осматривать вещи, хранящиеся в сарае, причем она прекрасно знала, что они принадлежат не управляющему учреждением, а уехавшему в другой город прокурору, и тогда в чемодане, при нем осмотренном, никакого револьвера не было. В противном случае лица, отобравшие мебель для клуба, не преминули бы взять револьвер и представить его куда следует, составив об этом акт. Экзекутор предлагал все это изложить в протоколе, соглашаясь тогда его подписать. Но так как такая приписка лишала протокол всякого смысла, прибывшая комиссия на это не согласилась и уехала.

Таким образом, благодаря высокой порядочности, находчивости и смелости экзекутора, мне была спасена жизнь. Несколько же лиц, у которых было найдено оружие, были расстреляны.

Вслед за этим главный представитель власти, так невзлюбивший меня, получил ответственную командировку куда-то на юг, и я в течение восьми месяцев управлял вверенным мне учреждением без всяких неприятностей и осложнений, пользуясь, должен при всей скромности это сказать, любовью и уважением сослуживцев.

14 августа 1918 года, когда я шел ко всенощной под наступающий великий праздник, то неожиданно встретился лицом к лицу с моим врагом (зятем моего помощника). Я едва его узнал: бледный, изможденный, он едва брел, опираясь на палку. Я, конечно, догадался, что он, почувствовав себя способным передвигаться, поспешил приехать, чтобы свести со мной счеты, о чем я сказал жене, которая шла со мной, прибавив, что сегодня вечером я буду арестован. В этом я утвердился и потому еще, что другой мой недоброжелатель, обладающий громадной властью, незадолго перед этим возвратился из своей длительной командировки на юг и вступил в отправление своих обязанностей.

За два дня перед этим мой помощник, придя ко мне, заявил, что опасается за судьбу своего сына, дело о котором поступило в суд из следственной комиссии, но, что оно может быть легко направлено для разрешения в административном порядке, так как покушению на убийство, совершенному его сыном, могут придать политическую окраску. (В это время уже

начали функционировать чрезвычайные комиссии.) Поэтому он решил бросить службу и немедленно скрыться с сыном на Украину, но у него не было денег. Он просил меня снабдить его заимообразно довольно крупной для моих ресурсов суммой денег. Я отдал ему все бывшие у меня деньги. Долга я этого, конечно, не получил. Гораздо позднее я узнал, что мой помощник скончался в Киеве. Вспоминая внезапный отъезд моего помощника, я теперь понимаю, что он либо встретил раньше меня своего зятя, либо был предупрежден об этом каким-нибудь доброжелателем.

Вместо всенощной я отправился к своему секретарю, чтобы сделать ряд служебных распоряжений, ввиду предстоящего моего заключения, а также урегулировать вопрос о выдаче 20 августа моей жене причитающейся мне зарплаты.

Я не ошибся: дома меня уже ожидали чины милиции, я был немедленно арестован и препровожден в дом заключения, где был помещен в одиночную камеру. Дело мое рассматривалось в административном порядке Губчека, и по ходу его было видно, что оно будет решено не в мою пользу и что меня ожидает печальная участь. Наконец, моей жене было прямо сообщено одним расположенным к ней и очень жалевшим ее лицом, занимавшим видное служебное положение, что спасти меня нельзя. Через несколько дней после этого означенное лицо спешно пригласило к себе мою жену и сообщило ей, что в город на короткое время, от поезда до поезда, приехал народный комиссар по финансовым делам Крестинский с серьезным поручением по партийному делу и что, если ей удастся увидеть и переговорить в ним, то единственно, кто может спасти меня — это он, мой прямой начальник. Жена моя немедленно отправилась в лучшую гостиницу города и застала народного комиссара, спускавшегося с лестницы, чтобы ехать на вокзал для следования в Москву. Узнав, в чем дело, он вернулся в номер, очень участливо отнесся к моей жене и сказал, что с ним приехал видный партийный работник Квиринг, который останется в городе, чтобы исполнить возложенное на него поручение и, что он поручит ему по партийной линии лично рассмотреть мое дело. К этому Крестинский прибавил, что Квиринг окончил курс юридического факультета Юрьевского университета, что он справедливый, гуманный и прямой человек, но в то же время сторонник строгой революционной законности, почему, если по обстоятельствам дела окажется, что я виновен в каких-нибудь контрреволюционных деяниях, то он не остановится перед тем, чтобы подвергнуть меня самой печальной участи. В заключение народный комиссар финан-

сов сказал жене, если дело решится в мою пользу, он переведет меня в другой губернский город на ту же должность.

Я пробыл в одиночном заключении больше месяца. Дело мое наконец было рассмотрено Губчека под личным наблюдением Квиринга. Никаких данных к моему обвинению не оказалось, и я был освобожден.

Вскоре я получил из народного комиссариата финансов предложение перейти в одну из соседних с Ленинградской губерний, но я отказался от назначения туда. Затем последовала реформа губернских учреждений, должность, которую я занимал, упразднили, и я переменил службу. Ввиду голодного времени я поступил на службу в местный эвакуационный пункт, где давался прекрасный военный паек. Меня назначили помощником начальника отделения санитарного управления армией южного фронта, но так как управление вскоре перевели в Харьков, то я оставил эту службу и перешел в Государственный контроль, заняв место помощника ревизора. Своею деятельностью я был доволен и преуспевал по службе, но все пережитое оставило глубокий след в моей душе. Для меня было совершенно ясно, что мне два раза была спасена жизнь. Невольно возникал у меня вопрос, для чего мне была оказана свыше милость. Неужели для того только, чтобы я мог служить, получая хорошие пайки, чтобы есть, и ел бы, чтобы служить. В моей голове совершенно не укладывалась мысль, что со мной ничего особенного не случилось, тем более что во время моего пребывания в одиночном заключении у меня были такие переживания, такие озарения, которые совершенно изменили мою настроенность и заставили на многие вопросы, в том числе на вопросы о цели и смысле жизни, смотреть более глубоко, чем я делал это прежде. Вне всякого сомнения в моей душе произошел большой сдвиг и переворот, и я стал ближе к Богу. В одиночном заключении я познал сладость молитвы, которая одна могла дать мне утешение, тем более что одновременно с моими злоключениями я переживал и большую семейную драму. Моя жизнь со дня скончания университета сложилась для меня во всех отношениях чрезвычайно удачно, и вдруг на меня посыпались одна за другой беды, и какие беды! Я смирился и предал свою жизнь Богу, нередко вспоминая Иова, но я не был праведником, как он, и в тайниках своей души чувствовал, что заслужил, вполне заслужил ниспосланные мне испытания и что они лишь на пользу моей душе.

Молитва сделалась для меня такой потребностью, так меня утешала, что я все свободное время старался проводить в церкви, посещая Крестовую церковь местного епископа. Там

была прекрасно поставлена служба: она была строго уставная. Монахи пели весьма недурно с канонархом. Любя с детства церковную службу, я там вполне оценил глубокое содержание нашего общественного богослужения, его смысл, и понял всю его красоту.

Епархиальный епископ, понимая мои переживания, предложил мне стать ближе к церкви. Еще ранее, когда я занимал видное служебное и общественное положение, он посвятил меня в благовестники, чтобы я мог проповедовать под его наблюдением и руководством в храме. Теперь он предложил мне занять место члена от мирян в епархиальном совете. Я был назначен на должность члена совета властью Св. Патриарха. Мне было определено епископом довольно приличное по тому времени содержание и отведена в нижнем этаже архиерейского дома недурная квартира из двух комнат. Это дало мне возможность бывать уже каждый день в церкви. Архиерейский дом находился за городом в упраздненном монастыре, и таким образом я показывался в городе лишь тогда, когда нужно было что-нибудь приобрести из съестных припасов. Своею жизнью я был доволен и только благодарил Бога. Она мало чем отличалась от монастырской.

Однажды в конце августа 1919 года, когда я пришел наверх для служебных занятий, один из членов епархиального совета от духовенства (ныне умерший), дочь которого служила в канцелярии военно-революционного трибунала, со слов ее передал мне под величайшим секретом, что она печатала бумагу от имени военного трибунала в Губчека о том, чтобы дело по обвинению меня в подстрекательстве сына моего помощника убить его дядю, бывшего осенью 1917 года помощником председателя военно-революционного комитета, решенное в мою пользу в административном порядке, было немедленно препровождено в трибунал. Время было беспокойное: с востока наступал Колчак, с юга — Деникин, с запада — белополяки, с севера — Юденич. Наш город находился в центре республики и легко мог стать ареной весьма серьезных событий. Поэтому в нем был назначен диктатором мой недоброжелатель, в первые дни революции занимавший место председателя военно-революционного комитета. Вместе с этим он теперь сделался и председателем военно-революционного трибунала и в качестве такового затребовал мое дело из Губчека.

Для меня было ясно, что мое дело, окончательно решенное, будет, вопреки всяким законам и установившейся практике, вновь рассматриваться, но уже в судебном порядке, и я стал ожидать ареста, который и состоялся дня через два. За мной

пришел агент уголовного розыска на службу и повел меня к начальнику милиции для дальнейшего направления в дом заключения. Начальник милиции, зная, что дело мое решено в мою пользу окончательно, не хотел меня принимать и заявил мне, что здесь кроется какое-то недоразумение, что он переговорит по телефону с военно-революционным трибуналом и немедленно затем меня отпустит. Но через некоторое время, смущенный, объявил мне, что, к сожалению, распоряжение об аресте сделано Трибуналом и он вынужден привести его в исполнение.

Легко можно себе представить, как все это повлияло на мою измученную жену, когда она, находясь на службе, узнала о моей участи. Дело было ясно: не удалось уничтожить меня в Губчека в порядке непосредственной расправы, решено достигнуть этого в судебном порядке. Я снова подвергся одиночному заключению. Вскоре меня позвали к следователю военного Трибунала, который меня не допрашивал, но с моих слов составил анкету. Затем расследование велось им путем собирания обо мне сведений и допроса бывших моих подчиненных, я же ни разу не был допрошен.

Следователь произвел на меня впечатление человека очень решительного, с железной волей, но видно — все мое обвинение было построено на песке, так как и он не нашел никаких данных к привлечению меня к судебной ответственности. Моя жена была так от всего ею перенесенного измучена, что даже этот суровый человек ее пожалел и, встретив на улице, сообщил, что он сделал распоряжение об освобождении меня из заключения. "Сегодня, — прибавил он, — в три часа ваш муж будет выпущен".

На посуде, в которой жена прислала мне обед, она написала карандашом: "Сегодня в три часа ты будешь свободен". Ровно в три часа, когда я вкушал присланную мне пищу, вдруг в коридоре раздался громкий женский голос, назвавший мою фамилию и прибавивший: "Вниз с вещами". Одновременно надзиратель отомкнул дверь моей камеры. Уверенный, что я освобождаюсь, я крикнул в дверь: "Сейчас, кончаю обед, тогда уже пойду на свободу". — "Вот увидишь, какая тебе будет свобода. Иди сейчас, когда тебя требуют... (следовала нецензурная брань). Что тебя дожидаться, что ли, прикажешь!" — и в двери показалась в форменной тужурке с синим шнурком, на котором висел револьвер, мощная фигура женщины лет сорока со свирепым лицом. Конвоируемый ею, я, неся свои вещи, проследовал в канцелярию. Здесь я застал нескольких человек, в форменных военных тужурках, затянутых ременными поясами, в фуражках, и бледного начальника тюрьмы,

который от волнения ничего не мог говорить, а молча протянул мне бумагу, адресованную на его имя из Губчека, только что доставленную ему указанными лицами, там служившими. В ней предписывалось немедленно перевести меня в тюрьму при Губчека, которая была рядом, и оттуда-то за мной и была прислана надзирательница.

Прочитав эту бумагу, я понял, что я перевожусь в разряд смертников и ночью буду расстрелян. (Я не знал, что в предшествовавшую ночь было расстреляно, в целях наведения террора ввиду приближения конного белогвардейского отряда Мамонтова, 250 человек заложников.) Сам не знаю зачем, я спросил начальника тюрьмы: "Что это обозначает, расстрел?" "Вы не ребенок, и отлично должны понимать, что это обозначает", — подтвердил он. Тогда я при всех присутствовавших, снял шапку, положил на себя крестное знамение и громко сказал: "Господи, да будет Твоя святая воля". Вслед за тем меня повели в новое для меня помещение.

Когда меня ввели в камеру, я застал в ней много знакомых, начиная с прокурора местного окружного суда и кончая несколькими присяжными поверенными и домовладельцами, приветствовавшими меня восклицаниями. "Ну теперь, — сказал один из них, — выбирайте себе постель: вот эта свободна, здесь вчера лежал ..., ваш секретарь, который сегодня ночью расстрелян, или вот, хотите, ложитесь сюда, на этой постели спал начальник отделения вашего учреждения ..., который тоже сегодня расстрелян". "Что вы говорите", — воскликнул я в ужасе. "Разве вы ничего не слышали? Ночью расстреляно 250 человек. Сегодня ты, а завтра я", — прибавил он, своеобразно меня ободряя.

Кончилась жизнь, а началось житие, житие смертника, перефразируя слова прот. Туберозова из "Соборян" Лескова, скажу я. Не дай Бог никому испытать то, что все мы переживали, ожидая своей участи. В сочинении В. Гюго "Le dernier jour du prisonnier" ("Последний день осужденного") дается об этом довольно ясное представление. Но я был в гораздо более бодром состоянии духа и не в таком подавленном настроении, как мои сожители, так как, когда я еще находился в канцелярии и всецело предал себя воле Божией, мой мозг ярко прорезала мысль: "Будь спокоен, ты расстрелян не будешь". Эта мысль меня не оставляла. Какая-то вера в помощь Божию меня ни на минуту не покидала, и доверие к Богу, моему Защитнику и Покровителю, у меня росло.

Кормили нас отвратительно, и обращение надзирателей с нами было невозможное.

Наступила ночь, и, к нашему изумлению, никого из нас не тревожили, а утром нам было объявлено, что небольшую часть заключенных, в том числе и меня, отправят в Москву, а остальных заложников и заключенных повезут в ближайший уездный город, так как экстренно назначена эвакуация губернского города, ввиду быстрого приближения белогвардейского конного отряда Мамонтова. Вдали действительно раздавались все более громко пушечные выстрелы. В тюрьме происходила какая-то невозможная суета, слышались громкие распоряжения, командные слова, беготня и топот ног спускавшихся спешно по лестнице людей. Атмосфера была какая-то нервная, напряженная... Наконец отворилась дверь, и всех отправляемых в Москву вывели на двор, где подвергли перекличке и, окружив конвоем, повели через широко открытые ворота на вокзал. У ворот я увидел жену. На лице ее застыл ужас, когда я стал проходить мимо нее, окруженный конвоем, никого к нам близко не подпускавшим. Жена думала, что нас ведут на расстрел. Я успел шепнуть ей, что нас везут в Москву, и, как ни отгоняли ее прикладами конвойные, она успела передать мне на ходу посуду, в которой был мой обед, очень пригодившийся мне в пути.

Когда нас привели на вокзал, оказалось, что поезд, составленный исключительно из товарных вагонов, стоит на запасном пути очень далеко от вокзала. Сюда через час пришла моя измученная жена, с трудом найдя наш поезд, так как ей давали неверные сведения. Она успела сходить домой за деньгами. Мы трогательно простились, несмотря на то что конвойные этому всячески препятствовали. Жена передала мне небольшую сумму денег, которая пригодилась в дороге не одному мне. Нас отправляли в Москву всего 37 человек. Все деньги в тюрьме были отобраны, и нам выдали перед отправкой на вокзал по фунту хлеба. С этим "провиантом" мы должны были доехать до Москвы. Между тем наш поезд прибыл туда через сутки, и на деньги, бывшие в моем распоряжении, мы недурно питались. Я же кроме того имел с собою принесенный мне обед.

По приезде в Москву выяснилось, что все мы в качестве заложников будем препровождены в Ивановский лагерь особого назначения. Если бы Мамонтов или его подчиненные умертвили по занятии города хотя бы одного партийного человека в нем, то все мы подлежали бы расстрелу.

Вот каким образом мне в третий раз в течение года была спасена жизнь.

Впоследствии я узнал, при каких интересных обстоятельствах я был избавлен от смерти во время террора перед на-

ступлением Мамонтова. Оказалось, что, когда следователь при военно-революционном трибунале сделал постановление о моем освобождении, диктатор, желавший моего уничтожения, положил резолюцию: "Обратить в заложника". В качестве заложника я подлежал ликвидации в числе 250-ти человек на общем основании. Но машинистка, составлявшая список обреченных, по ошибке пропустила мою фамилию. Мне передавали, что комендант Губчека, приводивший в исполнение массовую казнь, заметил, что меня в списке в числе подлежащих уничтожению нет, задержал вывод смертников со двора и по телефону потребовал от начальника тюрьмы, где я находился, меня "дослать". "Пришлите мандат", — был ответ. "Завтра вам будет мандат" — телефонировал комендант. "Завтра вы его и получите", — отвечал начальник тюрьмы.

Назавтра был составлен в Губчека дополнительный список на 33 человека, и я фигурировал в нем на первом месте. Казалось, спасения нет, но вот какие обстоятельства помешали и на этот раз меня уничтожить. Один из партийных людей, с университетским образованием, занимавший видное место по земледелию и землеустройству, сообщил по прямому проводу в Москву В. И. Ленину о бесшабашном расстреле 250-ти заложников, в числе коих было много пожилых людей, небогатых и ничем с городом не связанных. Это вызвало в населении панику и возмущение. Он сообщил, что изготовлен новый список на 33-х человек, подлежащих расстрелу дополнительно. Из Москвы последовало распоряжение: "Расстрелы прекратить, заложников выслать в Москву".

Но, кроме избавления в третий раз от смерти, Господь Бог оказал мне еще другую большую милость: меня с другими лицами везли в Москву в теплушке, хорошо продезинфицированной и очень чистой. Накануне отправили в тот же Ивановский лагерь другую партию заключенных из соседней камеры. Вагон, в котором они ехали, прицепили к воинскому поезду, поезд этот шел до Москвы семь дней. Мы уже давно обосновались в лагере и не могли понять, куда они запропали. Наконец они прибыли, но в таком ужасном виде! Вагон, в котором они следовали в Москву, не был продезинфицирован, и их в течение семи дней ели вши. Одного из них, моего хорошего знакомого, так искусали, что потребовалось клиническое лечение. Кроме того, прибывшие очень отощали: во все время своего путешествия они получали в пищу только по одному фунту хлеба в день и больше ничего... От этого ужаса я был избавлен тоже, дерзаю думать, не случайно.

В концентрационном лагере я был четыре месяца и 28 февраля 1920 года был неожиданно освобожден. Оказалось,

о моем заключении узнал один известный специалист по постройке мощных паровозов, профессор Л., которого я знал, когда он был еще кадетом. (Я был дружен с его отцом.) Он поручился за мою полную политическую благонадежность, и меня выпустили из заключения, правда, совершенно больным физически, но бодрого духом. Я немедленно устроился на службу, и, как только установилась связь с городом, в котором оставалась моя жена, поехал туда в отпуск, чтобы затем перевезти ее и свое несложное имущество в Москву, где мы решили обосноваться.

Дело о покушении на убийство бывшего помощника председателя военно-революционного комитета в конце концов все-таки разбиралось, по счастью в судебном порядке, в городе, где произошла вышеописанная драма, в 1924 году. Обвинялся сын моего бывшего помощника, учившийся в это время в Киевском политехническом институте. Меня хотели вызвать в качестве свидетеля и обвиняемый, и его мать, но болезнь мне помешала выехать для этой цели из Москвы. Приговорили юношу, учтя все смягчающие обстоятельства, при которых он совершил покушение на жизнь дяди, к какому-то сравнительно небольшому наказанию. Таким образом, правда восторжествовала.

ДОПОЛНЕНИЕ 2

ВОСПОМИНАНИЯ О БАТЮШКЕ ОТЦЕ АЛЕКСЕЕ МЕЧЕВЕ

В воспоминаниях моей жены о покойном Батюшке приведено немало интересных случаев из его пастырской деятельности, рассказанных им нам лично во время неоднократных посещений незабвенного старца.

Случаи эти свидетельствуют, как о мудрости Батюшки и его большом житейском опыте, так и о силе его молитвы.

Мне хотелось бы, в дополнение к воспоминаниям жены, привести несколько случаев, свидетельствующих о *прозорливости* Батюшки и о том, что он мог объявлять волю Божию.

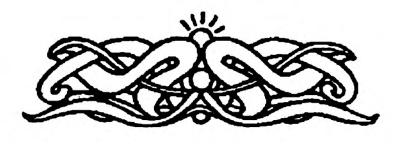
Они чрезвычайно характерны, происходили при мне, и уж мне не приходится сомневаться в их очевидности.

1.

В период времени с 1915 по 1918 год мне пришлось пережить много тяжелого и испытать большие потрясения. Я занимал крупное место на государственной службе, в одной из пограничных с Пруссией губерний. Когда началась мировая война, я, живя близко от фронта, видел немало тяжелых событий и наблюдал много страданий населения, жившего близ границы.

Эвакуированный перед взятием немцами города, в котором я служил, в одну из центральных губерний, с личным составом всех подведомственных мне учреждений, лишившись почти всего движимого имущества, ограбленного немцами и вывезенного в Германию, я продолжал свою, на этот раз скитальческую жизнь, будучи вскоре назначен в одну из помянутых губерний на ту же должность, которую занимал до эвакуации, и переехал в довольно большой город, который я никогда не любил и куда поехал с большой неохотой.

Здесь меня застали обе революции — и февральская, и октябрьская. Помимо сильных потрясений и испытаний, перенесенных во время второй революции, я пережил в период

Протоиерей Алексей Мечев

времени с 1915-го по 1918 годы большое, длительное семейное горе, отразившееся на моем душевном состоянии и расстроившее мое здоровье.

До этого моя жизнь протекала мирно и тихо, и я не переживал ни больших огорчений, ни тяжелых испытаний.

Свалившиеся на меня беды и моральные страдания так подействовали на мою психику, так меня стали угнетать, что я потерял, как говорится, вкус к жизни: из здорового, уравновешенного, жизнерадостного человека, любившего людей и природу, понимавшего, что жизнь есть благо, радовавшегося каждому пустяку, всем интересовавшегося и не знавшего, что такое скука, я обратился прямо в одряхлевшего человека, который получил преждевременно артериосклероз, едва передвигал ногами, ничем не интересовался и находил забвение и утешение только в молитве.

Мне пришлось перенести несколько раз одиночное заключение. Там человек остается наедине со своей совестью и получает возможность, не щадя себя и не оправдывая, заглянуть в мрачную глубину своей грешной души и ужаснуться.

Заключение научило меня молиться и привело к искреннему покаянию.

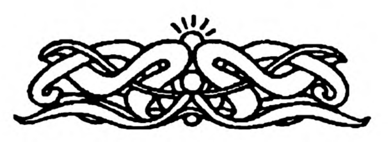
Выйдя на свободу, я только в храме находил отраду, обретал душевную радость и спокойствие духа.

Сильное впечатление произвело на меня и заставило сосредоточиться и то, что в течение 1918-го и 1919 годов, я чудом был три раза спасен от смерти.

Тяжелое, мрачное, не соответствующее моей натуре душевное состояние усугублялось тем, что я оказался в Москве, куда попал не по своей воле, а жена осталась в месте моей прежней службы. Вследствие гражданской войны, принявшей одно время в 1919 году неблагоприятный оборот для новой власти, мы четыре месяца не имели возможности сообщаться друг с другом, и каждый из нас не знал — жив ли другой. Наконец, весной 1920 года мы соединились с женой и остались жить в Москве, где оба получили должности на советской службе.

Легко можно судить, в каком душевном состоянии была жена, перенесшая, кроме душевных потрясений, и большие лишения, и холод, и голод!

Ее также поддерживала только вера и молитва. Она не менее меня искала религиозного утешения и духовного ру-

Святейший Патриарх Тихон

ководства и, по совету архиепископа Илариона[1], которого мы знали, когда он был еще профессором Духовной Академии и архимандритом, отправилась к Батюшке.

Батюшка принял жену чрезвычайно тепло, беседовал с нею более двух часов, согласился быть ее духовником и велел обязательно приходить к нему для духовной беседы каждую субботу. Жена возвратилась домой, полная тихой радости и душевного спокойствия, утешенная и умиренная.

Батюшка произвел на нее глубокое, неотразимое впечатление. В Москве мы почти никого не знали и о Батюшке ни от кого не слышали.

Жена горячо поблагодарила владыку Илариона за совет и как-то сказала мне: "Что бы тебе сходить к Батюшке? Он тебе понравится, как мне, я уверена, и даст тебе многое в смысле религиозного утешения и духовной настроенности".

В ближайший праздничный день, в начале лета того же года, я отправился к Батюшке. Когда я подошел к церковному дому, где он жил, то застал человек 15—18, ожидавших очереди быть принятыми Батюшкой, стоявших на лестнице и сидевших на верхней ее площадке, на стульях.

В числе ожидавших оказался один мой знакомый, с которым я виделся четыре года тому назад в Туле, несколько дам и девушек и две-три женщины, по-видимому из прислуг.

Все тихо ожидали своей очереди. Вдруг открылась входная дверь, и кто-то вышел из квартиры Батюшки. Вслед за этим показался и сам Батюшка. Окинув всех своим проницательным взглядом, Батюшка обратил внимание на меня, стоявшего последним в низу лестницы, и, сделав жест рукой, проговорил, обращаясь ко мне: "Пожалуйте, пожалуйте, прошу вас!" На мои слова, что мне неловко идти, так как здесь много лиц, которые пришли прежде меня и давно ожидают своей очереди, Батюшка оглянув всех, сказал мне: "Это все, верьте мне, с пустяками, а у вас серьезное дело, вам необходимо зайти ко мне".

Тогда я поднялся по лестнице и вошел к Батюшке и рассказал ему все, что мне пришлось пережить, а также о моем посещении Святейшего Патриарха, который, выслушав мою

---

[1] Иларион (Владимир Алексеевич Троицкий), архиепископ Верейский, викарий Московской епархии (1886—1929). Выдающийся богослов и проповедник, большинство работ которого посвящено раскрытию православного учения о Церкви. Хиротонисан в 1920 г. Патриархом Тихоном. В 1923 г. возведен в сан архиепископа. В декабре 1923 г. сослан в Соловецкий лагерь. Скончался от сыпного тифа в ленинградской тюремной больнице, в Крестах. — *Прим. ред.*

исповедь, сказал: "Вы нигде не найдете на земле покоя, пока не посвятите себя Богу".

Батюшка сказал мне то же самое и велел снова прийти в самом непродолжительном времени.

Наша беседа продолжалась около двух часов, и, когда я вышел из квартиры, то люди, ожидавшие на лестнице, чтобы его видеть, встретили меня весьма недружелюбно, выражая вполголоса свое неудовольствие, что я долго у него сидел.

Таким образом, Батюшка, узрев меня в первый раз в жизни, сразу узнал, что меня привели к нему действительно тяжелые переживания, горе, а также необходимость моральной поддержки и религиозного утешения.

2

Я колебался принять сан священника, что убеждали меня сделать Святейший Патриарх и Батюшка, признавая себя не только недостаточно подготовленным для этого подвига, но и недостойным, в чем особенно утвердился, прочитав слово великого учителя Церкви Иоанна Златоуста "О священстве".

На мои слова о недостоинстве и страшной моральной ответственности, если сделаю этот шаг, оба они говорили, что и они не без греха и что нет ни одного кандидата в священники, который был бы вполне безупречным, а Батюшка еще прибавил: "Вы думаете, что на земле есть хотя бы один человек, достойный причащаться св. Тайн? Никто этого не достоин, и если все-таки причащаемся, то лишь по особому милосердию Божьему".

Весь 1920 год и почти весь 1921-й я колебался сделать решительный шаг, а между тем жизнь текла мимо меня, я ничем не интересовался и чувствовал себя как бы выбитым из колеи, оживая только в храме, где молитва и дивное наше православное богослужение согревали мое исстрадавшееся и оледенелое сердце.

Весною за мной неожиданно прислал Батюшка. Когда я вошел в комнату, он, благословив меня, спросил: "Доколе вы будете тростью, колеблемой ветром? Ведь вы человек пожилой, долго ли вам жить, а вы тянете разрешение вопроса о своем посвящении! Извольте-ка принимать сан священника!" Я невольно опустился на колени. Батюшка благословил меня иконой и спросил, когда я пойду к Святейшему Патриарху, чтобы сказать ему, что я согласен посвятить себя Богу и Ему послужить как пастырь. Я ответил, что пойду завтра.

— От Святейшего придите ко мне и расскажите, как он решил поступить с вами.

Когда я вошел в кабинет Святейшего Патриарха и, приняв его благословение, доложил, что Батюшка велел мне бросить колебание и принять, не откладывая надолго, сан священника, Святейший Тихон сказал: "Добре! Добре! Давно бы так!"

Тогда я просил Святейшего Тихона назначить меня вторым или третьим священником в самый незначительный московский приход, объяснив, что я не получил богословского образования, человек старый, измученный, больной и людям ничего не могу дать, что стремлюсь только участвовать в общественной молитве и совершать литургию и в этом находить отраду, утешение и забвение всего пережитого мною за последние годы.

— Нет, мы употреблять вас тряпкой на затирку не будем, — возразил Святейший Патриарх, — скажите митрополиту Крутицкому, преосвященному Евсевию[1], что я велел вас назначить на первую вакансию настоятелем в один из самых лучших приходов Москвы.

Я отправился к митрополиту и передал приказание Патриарха, смягчив, конечно, его указание. Я формулировал так, что хотел бы "быть настоятелем в одном из приходов Москвы".

Мне сказано было митрополитом написать прошение. Это прошение митрополит Евсевий понес в кабинет к Святейшему Патриарху и вернулся оттуда с резолюцией на прошении: "Назначить просителя настоятелем на первую вакансию в самый лучший московский приход".

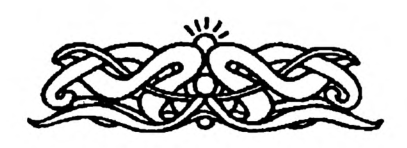
Когда я пришел к Батюшке и объяснил ему все, что произошло, он отнесся ко мне очень тепло и выразил радость, что все так хорошо произошло. Потом задумался, некоторое время смотрел на иконы, снова взглянул на меня своими прекрасными голубыми глазами, как бы проникавшими в душу, и сказал, буквально, следующее: *"А мне указано Вам быть священником в храме при Иверской общине"*.

Не буду останавливаться долго на подробностях, как я попал в Иверскую общину [2], где я никого не знал, скажу только, что Батюшка, желая дать мне рекомендательное письмо к начальнице общины, просил меня узнать, как его имя и отчество, так как он забыл. Я пришел на двор общины, ища входа в канцелярию, как вдруг встретил сестру милосердия,

---

[1] Евсевий (Никольский Евгений), митрополит Крутицкий (1861—1922). С 1920 года был наместником Патриаршего Престола в Москве — *Прим. ред.*

[2] Иверская община в начале 20-х годов XX в. была распущена, а ее клиники объединены в детскую больницу им. К. А. Тимирязева. Храм при общине действовал до 1925 года, затем его передали больнице под хозяйственные помещения. В 1988 году началось восстановление храма. — *Прим. ред.*

Храм Иверской иконы Божией Матери
при Иверской общине сестер милосердия

спешившую в здание общины. Я спросил ее, кто стоит во главе общины. Она мне ответила и спросила, зачем мне это нужно знать. Я объяснил. "Уж не хотите ли вы у нас быть священником?" — задала она мне вопрос.

На мой ответ, что если меня захотят в общине иметь пастырем и будет на это воля Божия, то я этого очень хотел бы, сестра милосердия сказала: "Пойдемте к начальнице, а рекомендательное письмо вы принесете как-нибудь после".

Мы вошли к начальнице, которая мне очень понравилась. Высокая, стройная, моложе своих лет (ей было довольно за тридцать), с умным, энергичным лицом, она очень импонировала своей внешностью. Я объяснил ей, что служил на гражданской службе, не имею богословского образования и что до представления рекомендательного письма от Батюшки являюсь "человеком с улицы", почему, конечно, не могу рассчитывать на то, что она и весь персонал общины захотят меня видеть пастырем их храма, но что со мной имеется мой формулярный список, из которого можно видеть, кем я был до осени 1918 года и каково прохождение мной гражданской службы со времени окончания мною высшего образования в 1886 г. "Дайте мне его", — сказала начальница и удалилась с ним, прося меня обождать ее возвращения...

Через три четверти часа она возвратилась и вручила мне прошение на имя митрополита Крутицкого Евсевия от имени всего врачебного персонала Иверской общины и ее администрации, в котором они ходатайствовали о назначении меня священником храма при этой общине.

Как мне передавали, я произвел на начальницу хорошее впечатление, и дело обошлось без представления рекомендательного письма.

Я прослужил в храме при Иверской общине более трех лет, неся некоторое время обязанности пастыря и по закрытии храма.

Служба священника при больнице имела для меня громадное значение и принесла мне большую пользу. Только таким образом я мог в течение короткого времени пройти известную школу пастырской деятельности и приобрести хотя бы небольшой опыт несения пастырских обязанностей. Я каждый день навещал больных (за исключением находившихся в заразном отделении), беседовал с ними, утешал, молился с ними, совершал все требы: напутствовал умирающих, принимал покаяние и причащал больных, соборовал их, отпевал умерших.

Я был в постоянном общении с больными и, с Божией помощью, приобрел их любовь и видел, с какой радостью они

ожидали моего прихода. Я навещал больных не только православного вероисповедания, но и лютеран и католиков, а также совершенно неверовавших. Один больной лютеранин принял, выйдя из больницы, православие и был мною миропомазан. После этого он вскоре скончался, напутствованный мною.

Имел несколько раз случаи видеть, как после усердной молитвы болящих, во время соборования, они чудесным образом исцелялись, хотя на спасение их, казалось, не было никакой надежды. Видеть страдания больных, наблюдать, с какой верой они молятся, возлагая надежду только на Бога, присутствовать при последних минутах умиравших и постоянно, по необходимости, задумываться над великою тайною смерти, — все это имело большое влияние на мою душу, смягчало мое окаменелое сердце и вселяло в меня и укрепляло желание помогать, чем я только мог, страждущим и скорбящим.

Служба в богатом приходе настоятелем, с участием в пышных богослужениях, с громоподобными диаконами и гремящим хором певчих, поющих на светский образец, с исполнением изредка обычных треб, конечно, не дала бы мне того, что я получил, трудясь в Иверской общине. Меня могла бы захватить внешняя сторона богослужения, и я мог бы, сам не замечая, усвоить лишь обрядовое благочестие, далеко стоя от человеческих душ, от их страданий, скорбей, стремлений и чаяний, так как с большинством прихожан соприкасался бы во время исполнения треб или исповеди, которая при наплыве в больших приходах постом кающихся поневоле часто происходит с поспешностью и носит даже иногда чисто формальный характер.

Я был принципиальным противником общей исповеди. Далее, неся обязанности настоятеля в большом приходе, я, несомненно, имел бы очень скоро конфликты с сослуживцами и церковным старостой, так как я признавал только строго уставное богослужение и чисто церковное, обиходное пение или напевы киевский, болгарский и другие старинные напевы и, конечно, явился бы врагом гремящего хора с его модернизированными напевами итальянской школы концертного характера, привлекавшего не молящихся, а слушателей.

Такая деятельность в обширном и богатом приходе давала бы мне еще, пожалуй, почет и, быть может, хорошее материальное обеспечение, но в конце концов я не получил бы того, к чему стремилась моя измученная, исстрадавшаяся душа, и я не был бы удовлетворен избранной дорогой.

Мудрый Батюшка, несомненно, имел указание свыше на тот скромный путь, которым я должен был следовать, чтобы

получить подготовку к пастырской деятельности и руководству душами пасомых, так как я сделался священником на склоне лет.

Когда все совершилось, как сказал Батюшка, я однажды во время беседы, спросил его — как он, объявив мне прямо волю Божию, узнал ее. Батюшка ничуть не удивился моему вопросу и сказал мне: "Первая мысль, которая приходит к человеку после молитвы — от Бога, ей и нужно следовать. Когда я много раз наблюдая, утвердился в этом, то в известных случаях, помолясь усердно Богу, начал прямо объявлять Его волю. Так я поступил и с вами".

Это же мне сказал однажды один архиепископ, большой молитвенник. "Вот, иногда решишь, как поступить, после молитвы, с провинившимся клириком, — дополнил мне святитель свой рассказ примером, — а потом возьмет жалость и смягчишь наказание и смотришь — это ему оказалось не полезным. *Нужно всегда приводить в исполнение первую мысль, которая приходит после молитвы*".

3.

Еще до посвящения в сан иерея я, в качестве благовестника, несколько раз проповедовал в храмах и в провинции, и в Москве. Так как я обладал даром слова и привычкой говорить в собраниях не смущаясь, то мне нетрудно было произносить проповеди без тетрадки и даже экспромтом, и слушатели ими были довольны, хотя, конечно, с богословской точки зрения, они, вследствие отсутствия у меня необходимых знаний, вряд ли отличались глубиной мысли и могли бы удовлетворить требовательного человека, а тем более знакомого с гомилетикой.

Чаще всего я говорил на тему о том, как претворять христианские начала в жизнь самую обыденную: в семье, обществе и т. д.

Меня стали приглашать настоятели храмов проповедовать у них в храмовые дни или иные праздники. Я обыкновенно соглашался, но ставил два условия: 1) чтобы мне не предлагали за это никакого вознаграждения и 2) чтобы об этом не вывешивать на дверях храма никакого извещения с обозначением моих имени и фамилии. Однажды я с успехом проповедовал в одном большом храме на Таганке. Возвращаясь после службы домой, я стал раздумывать над тем, хорошо ли поступаю, принимая приглашения проповедовать в других храмах, и моя совесть подсказала мне, что нехорошо, по следующим основаниям.

1. Я не имею нравственного права считать себя настоящим проповедником, способным "глаголом жечь сердца людей".

2. Посещая другие храмы, я отвлекаюсь от своего прямого дела, затрачивая много времени, которое я мог бы с большей пользой провести, навещая больных.

3. В мое отсутствие может наступить необходимость совершения срочных треб, могут меня искать, чтобы напутствовать умирающего, причастить больного, которому назначена немедленная операция, пособоровать больного и т. п.

4. Приглашения проповедовать могут участиться, и тогда, принимая их, я окончательно разменяюсь на мелочи и обращусь в какого-то гастролера, да еще неизвестно, как повлияют на мою, далеко еще не собранную душу, дешевые успехи, пожинаемые мною в храмах, наполненных невзыскательными слушателями.

Придя к этому заключению, я решил пойти к Батюшке и откровенно рассказать ему о своих ошибочных действиях и просить благословить меня отказываться от приглашений настоятелей храмов проповедовать у них.

Идя к нему для этой цели, я дорогой снова упрекал себя и мысленно говорил: "Охота тебе гастролировать, сколько ты на это теряешь драгоценного времени и т. д.". Едва я вошел к Батюшке и поздоровался с ним, как он, улыбаясь и потирая ручки, говорит мне: "Что, все гастролируете, гастролируете, гастролируете?"

Смущенный, я мог ему только ответить: "Я с этим и шел к вам, Батюшка, чтобы покаяться в своих ошибках, думаю больше не ходить гастролировать в другие храмы". "Вот и отлично, — сказал Батюшка, — сколько у вас дела в больнице, и как много вы можете там дать утешения и молитвы, не теряйте времени, чтобы ходить по чужим храмам".

4.

Однажды мне пришлось венчать пожилую чету — вдовца, имеющего трех девочек, и вдову, имевшую трех мальчиков. Они овдовели почти в одно время и жили в одном доме. Несчастье и то обстоятельство, что вдовец затруднялся, как ему быть с девочками, сблизило их, и довольно скоро образовалась одна семья, дружно жившая, члены которой были спаяны общей любовью. Хотя они жили в разных квартирах, но хозяйство у них велось общее. Дети вдовы и вдовца, придя в возраст, часто говорили им: "Ведь вы любите друг друга, и мы не считаем вас чужими, так как фактически мы составляем одну семью. Отчего бы вам не повенчаться? Как мы были бы этому рады!"

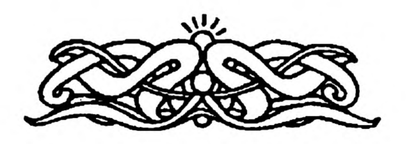
Эти прекрасные люди решили в какой-то семейный праздник сделать детям сюрприз и вернуться домой мужем и женой.

Они просили только меня венчать их без свидетелей, что я исполнил, по предъявлении ими свидетельства из ЗАГСа.

Новобрачным очень понравился наш храм, и они начали посещать его в праздничные дни. Через некоторое время дама, которую я венчал, пришла ко мне на квартиру по следующему делу: по ее словам, у нее имелся от первого брака сын, совершеннолетний, он уже более трех лет как служил на Украине в г. Киеве, который 17 раз во время оккупации его германцами, поляками и петлюровцами переходил из рук в руки. Несмотря на это, сын писал, как только являлась возможность, и сообщал о себе краткие сведения, но вот уже более четырех месяцев, как она не получает от него ни строчки и очень беспокоится и мучается. "Главное, — прибавила дама, — не знаю, как молиться за сына — поминать ли его как живого, или как умершего". Затем она спросила меня, знаю ли я Батюшку и на мой утвердительный ответ, стала умолять меня со слезами помочь ей повидать Батюшку, хотя бы на самое короткое время, прибавив, что ее не допустили до Батюшки, так как, говорят, он болен, лежит и никого не принимает.

Это происходило на Святой неделе в 1922 году. Мне стало жаль бедную мать, и я вручил ей письмо к Батюшке, прося, в виде особого исключения, принять ее, хотя бы на минуту. После этого я не видал этой дамы. Оказалось, что вскоре после Фоминой недели, она с мужем и со всей семьей переехала на дачу, на которой они оставалась ввиду хорошей погоды до самого конца сентября.

Помянутая семья после долгого промежутка времени пришла в наш храм ко всенощной, накануне Покрова. После службы муж и жена подошли ко мне, горячо благодарили за содействие, так как, прочитав мое письмо, Батюшка велел пригласить так беспокоившуюся мать к себе. Когда ее позвали, как она мне передавала, к Батюшке, он лежал на постели и показался ей слабым и бледным. Войдя в комнату, она упала на колени близ кровати и, и не имея возможности говорить от волнения и горя, зарыдала, закрыв лицо руками. Она ничего еще не успела сказать Батюшке и пришла в себя от ласковых его слов. Батюшка, сев на постели, положил ей на плечи руки и, улыбаясь, говорил: "Счастливая ты мать! Не плачь, твой сын жив и здоров". Затем он встал и, подойдя к столу стал разбирать иконки, лежавшие на письменном столе, приговаривая: "Вот, тоже одна мать так же беспокоилась о сыне, а

Храм св. Николая Чудотворца в Кленниках

он преспокойно себе живет и служит на табачной фабрике в Софии". "Выбрав иконку, — продолжала рассказчица, — Батюшка благословил меня ею и простился.

Представьте себе, что вчера я неожиданно получаю письмо от сына из Болгарии: он служит на табачной фабрике в Софии и доволен своей судьбой.

Вот я и пришла с мужем в ваш храм помолиться по случаю завтрашнего праздника, а теперь прошу вас отслужить благодарственный молебен Царице Небесной".

Я немедленно исполнил ее просьбу. Во время молебна рассказчица плакала, но уже счастливыми слезами. Замечу, что в моем письме к Батюшке не было ничего сказано, по какому случаю я прошу принять подательницу письма.

5.

Во дни моей ранней молодости, когда я получил самостоятельное место, для моих лет довольно видное, по финансовому ведомству, в один из уездных городов Смоленской губернии, туда же почти в один день со мною приехал вновь назначенный судебным следователем Л. Я. Дудкин, и мы одновременно делали визиты, поминутно встречаясь то в одном, то в другом доме.

Он был тогда холостым и оказался прекрасным человеком. Мы сдружились. Дудкин был на отличном счету и скоро получил место уездного члена окружного суда, сперва в той же губернии, а потом должность члена суда в Москве. Позднее он был нотариусом в Москве же, и вывеска с надписью "Нотариус Л. Я. Дудкин" висела еще в 1922 году на одном из домов на Тверской улице, близ Иверских ворот.

Я, в свою очередь, сперва перевелся в другой уезд, затем служил в Министерстве в Петербурге, пока не получил назначения в одну из пограничных губерний. В период времени с 1893 по 1922 год мы виделись только один раз. В 1922 году Л. Я. возвратился в Москву из Житомира, в Москве у него была квартира, и мы встретились снова, как старые приятели. Оказалось, что после Октябрьской революции, спасаясь от голодовки, он уехал с женой на Украину, где занимал какое-то скромное место. Надо заметить, что Л. Я. Дудкин вел всегда примерную жизнь и был чрезвычайно богомольным. Он много молился дома, каждый день читал акафисты. Узнав об избранной мною дороге, он сказал мне: "Я всегда думал избрать такой же путь. Ваше решение посвятить себя Богу произвело на меня глубокое впечатление, и, если Батюшка и меня благословит, как вас, принять священство, то я с радостью сделаюсь пастырем".

Дудкин пошел к Батюшке, который принял его со свойственной ему приветливостью и ласковостью. Зашла речь о цели посещения. Батюшка, по словам моего старого приятеля, сказал ему, когда он изложил свое намерение и просил благословить на служение церкви, одно слово: *"Поздно!"* — и, благословив, простился.

Довольно скоро после этого Л.Я. Дудкин скончался.

6.

Припоминаю еще один замечательно интересный случай прозорливости Батюшки.

В период времени с 1920 по 1922 год, когда я еще служил на советской службе, мне приходилось встречаться по делам службы с одним профессором, умным и талантливым человеком, интересным собеседником.

Идя как-то осенью, часов в пять вечера, чтобы послушать беседу Батюшки во время вечернего богослужения и кстати навестить его перед службой, и пересекая сквер перед Большим театром, я увидел упомянутого профессора, сидевшего на скамейке с газетой в руках.

Увидев меня, мой знакомый встал и пошел мне навстречу и, поздоровавшись, стал очень просить меня уделить ему пять минут для беседы. Мы сели. "Знаете ли вы священника, отца Алексея Мечева?" Я ответил утвердительно. "Это, должно быть, замечательная личность, послушайте, что случилось с моей знакомой дамой Х.

Она и я имели до революции имения в Тульской губернии, и они были смежными. Знал я ее прекрасно, когда она была еще девушкой, и поддерживаю знакомство и теперь. Она овдовела и поселилась в Туле. У этой дамы — единственный сын, жил и служил на Украине, где был мобилизован и неоднократно его жизнь подвергалась там большой опасности. Вот скоро два года, как она получила от него последнее письмо, извещавшее ее, что он жив и здоров, и с тех пор от него нет никаких вестей.

Моя знакомая была в отчаянии. Ее горе было так велико, что она даже захворала. Однажды одна старая женщина, видя отчаяние моей знакомой дамы, посоветовала ей съездить в Москву, говоря, что есть там старый священник — отец Алексей Мечев, служащий в каком-то храме, который может сказать ей, жив ли ее сын, или нет. Она, по крайней мере, будет знать, как за него молиться. Моя знакомая послушалась и весной приехала в Москву. Она остановилась у нас и на другой день отправилась в указанный ей храм. Войдя в него, она спро-

сила, кто служит, и получила ответ — "Отец Алексей!" — тот самый священник, которого она хотела видеть.

Отец Алексей не произвел на нее, с первого раза, глубокого впечатления. По внешности, по ее словам, он напоминал обыкновенного сельского священника. Служил очень просто, но хорошо, и настроение у нее было очень молитвенное.

С нетерпением она ожидала конца службы, чтобы подойти к о. Алексею и спросить его о сыне, как ей советовала женщина в Туле.

Обедня окончилась, и бывший в церкви народ стал подходить ко кресту. Со всеми двинулась и моя знакомая. Когда ее стало отделять от отца Алексея два-три ряда прихожан, он внезапно высоко поднял крест и, через головы лиц, стоявших впереди, дал ей его поцеловать, быстро промолвив: "Молись как за живого".

Все произошло так неожиданно и так взволновало мою знакомую, что она расплакалась и выбежала из церкви. Придя к нам, долго не могла успокоиться и вечером уехала в Тулу с проблесками какой-то надежды.

Представьте себе, что вчера она снова приехала к нам и сообщила, что на днях получила письмо от сына из Болгарии, где он поселился, имеет место и не испытывает нужды. Она приехала, чтобы принести отцу Алексею свою глубокою благодарность и просить его молитв. Все происшедшее с нею произвело на нее глубокое впечатление. Согласитесь, сказал в заключение профессор, что все это необъяснимо. Моя знакомая никогда в жизни не видела отца Алексея и, кроме меня и жены, никому не рассказывала о своем сыне. Тут есть над чем призадуматься".

Я ответил профессору, что не удивляюсь его рассказу, так как имел несколько раз случаи убедиться в силе молитвы Батюшки и в его прозорливости. Затем мы расстались.

Когда я пришел на двор храма, направляясь к квартире Батюшки, то увидел довольно хорошо сохранившуюся даму, лет сорока, в английском костюме темного цвета, нервно ходившую в какой-то ажитации по двору, смотря вниз и судорожно сжимая в руке зонтик. Увидев меня, она подошла и спросила: "Не знаете ли вы, будет ли сегодня служить вечерню отец Алексей и вести беседу?" Я ответил, что если он здоров, то, наверно, будет. "Впрочем, — прибавил я, — иду его навестить и, возвращаясь в церковь, сообщу вам об этом". "Ах, как жаль будет, если Батюшка не придет, — промолвила дама, — ведь я нарочно приехала из Тулы, чтобы его повидать". "Что же, — сказал я ей в ответ, — вы все продолжаете беспокоиться о сыне?" Она в ужасе отскочила от меня. Видно,

ей пришло в голову, что это за люди здесь, которые читают ее мысли.

Я рассмеялся и сказал: "Успокойтесь, я не прозорливец, я самый обыкновенный человек". Дама рассмеялась и сказала: "Тогда вы, наверное, знаете профессора Н., так как только от него вы могли узнать о моем сыне". "Да, — ответил я, — мы знакомы, и еще не прошло и полчаса, как он мне рассказал о происшедшем с вами в храме случае, так вас поразившем".

"Представьте себе, все, что вы слышали от него, действительно произошло, и полученное от сына письмо меня окончательно успокоило. Вы можете судить, как я хочу видеть Батюшку и принести ему свою благодарность".

Батюшка в этот день служил, вел беседу и приехавшая из Тулы дама взяла у Батюшки благословение, горячо благодарила его и просила у него молитв за себя и за сына.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ

в Москве

Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт был открыт весной 1992 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия II и был удостоен чести носить имя святого Тихона, Патриарха Всероссийского.

Институт является православным высшим учебным заведением, обеспечивающим богословское образование для мирян и высшее гуманитарное образование (историко-философские дисциплины, словесность, древние и новые языки и др.). Богословско-пастырский факультет готовит кандидатов для принятия священного сана.

Выпускники Богословского Института смогут квалифицированно работать в области просвещения, образования (начального, среднего и высшего), научной и богословской деятельности, церковных искусств (церковное пение, иконопись, реставрация, церковное шитье, мозаика, фреска), искусствоведения, музейного дела и т. д.

На дневном отделении Института предполагается большая программа по изучению новых и древних языков. На вечернем отделении Института преподаются гуманитарные и богословские дисциплины студентам, преимущественно имеющим высшее образование. Заочное отделение организовано для обучения иногородних студентов по программам вечернего отделения.

После успешного окончания четырехлетнего обучения студенты получают степень бакалавра. Пятый год посвящается написанию дипломной работы.

В 1994 г. степень бакалавра теологии получили первые 36 выпускников Института.

На всех факультетах имеется подготовительное отделение.

Структура Института

Институт управляется Ученым Советом и избираемым им ректором, кандидатура которого утверждается Святейшим Патриархом Московским и всея Руси. В настоящее время ректором Института избран и утвержден протоиерей Владимир Воробьев.

На дневном и вечернем отделениях Института имеются факультеты:

Богословско-Пастырский (подготовка кандидатов в клир Русской Православной Церкви, а также преподавателей богословских наук).

Катехизаторский (подготовка преподавателей истории, а также преподавателей Закона Божия и других церковных дисциплин, миссионеров, лекторов, журналистов и др.).

Педагогический (подготовка преподавателей Закона Божия для детей; на словесном отделении — преподавателей литературы и русского языка, на отделении истории — преподавателей истории, на отделении иностранных языков — преподавателей иностранных языков для средних школ и православных гимназий; на отделении восточно-христианской филологии — подготовка специалистов по переводу святоотеческого наследия и произведений церковных писателей христианского Востока).

Церковных художеств (подготовка специалистов в области истории христианского искусства, иконописи, реставрации, мозаики, фрески, церковного шитья, музейного дела, архитектуроведения).

Церковного пения (подготовка преподавателей церковно-певческого обихода, регентов, певчих, специалистов по истории и теории церковного пения).

В настоящее время в Институте работают более 190 преподавателей, в том числе выпускники и сотрудники Московской Духовной Академии, Московского Государственного Университета, Московской Государственной Консерватории и ГМПИ им. Гнесиных, ВХНРЦ им. И.Э.Грабаря, крупнейших художественных мастерских и музеев Москвы, известные иконописцы, реставраторы, специалисты церковного пения.

С осени 1994 г. число студентов превышает 1300 человек.

Прием студентов

В Институт принимаются лица православного вероисповедания, мужчины и женщины. Обучение бесплатное, общежитие не предоставляется.

Список необходимых документов:

- *Прошение о приеме на имя ректора*
- *Письменная рекомендация духовника, заверенная печатью храма*
- *Автобиография*
- *Анкета на бланке (заполняется при подаче документов)*
- *Копия диплома или аттестата (заверяется при подаче документов)*
- *Шесть фотографий 3 Х 4*

- Медицинская справка (по обычной форме для поступающих в ВУЗы)

(Для женатых абитуриентов, поступающих на богословско-пастырский факультет и желающих принять сан, требуется рекомендация духовника для рукоположения и свидетельство о том, что абитуриент состоит в первом браке с православной девицей и обвенчан).

Прием документов начинается с 1 апреля. Документы принимаются по адресу: 113184, Москва, Новокузнецкая ул. 23б (проезд: м.Павелецкая или Новокузнецкая, 1 остановка любым трамваем). Тел. 231-67-84, 233-51-41

I. Богословско-пастырский, катехизаторский и педагогический факультеты

На дневное отделение факультетов принимаются лица от 17 до 40 лет. Вступительные экзамены: Закон Божий (в объеме книги прот. С.Слободского "Закон Божий"), история России до 1917 г., сочинение (предлагаются темы сочинений по русской литературе, а также свободные темы).

На дневное отделение педагогического факультета: отделение словесности — Закон Божий (прот. С.Слободской), русский язык (устно), сочинение; отделение истории — Закон Божий (прот. С.Слободской), история России до 1917 г., сочинение; отделение иностранных языков — Закон Божий (прот. С.Слободской), иностранный язык (устно), сочинение; отделение восточно-христианской филологии — Закон Божий (прот. С.Слободской), иностранный язык (устно), сочинение.

На вечернее отделение факультетов принимаются лица преимущественно с высшим образованием, в возрасте до 50 лет. Вступительные экзамены: Закон Божий (прот. С.Слободской), сочинение.

II. Подготовительное отделение

Срок обучения на подготовительном отделении богословско-пастырского, катехизаторского, педагогического факультетов — до 1 года. Вступительные экзамены: собеседование по Закону Божию.

III. Факультет Церковных художеств

На дневное отделение принимаются лица от 17 до 30 лет. Специальности: история христианского искусства, реставрация икон, иконопись, мозаика, фреска, церковное шитье, архитектуроведение.

Вступительные экзамены по специальности история христианского искусства: Закон Божий (прот. С.Слободской), история России (до 1917 г.), сочинение, собеседование по истории искусств.

Вступительные экзамены по специальности архитектуроведение: Закон Божий (прот. С.Слободской), история России (до 1917 г.), сочинение, архитектурный тест.

Вступительные экзамены по специальностям иконопись, реставрация икон, мозаика, фреска, церковное шитье: Закон Божий (прот. С.Слободской), собеседование и просмотр работ, копирование иконы (орнамента — по специальности церковное шитье), сочинение, собеседование по истории искусств.

На вечернее отделение принимаются лица до 45 лет, преимущественно с высшим образованием. Специальность: история христианского искусства.

Вступительные экзамены: Закон Божий (прот. С.Слободской); собеседование по истории искусств, сочинение.

При факультете имеется подготовительное отделение. Вступительные экзамены: просмотр работ и собеседование по Закону Божию.

IV. Факультет Церковного пения

Принимаются лица с музыкальным образованием, на дневное отделение до 30 лет, на вечернее — до 35 лет. Специальности: регентование, пение в церковном хоре, преподавание церковного обихода, история и теория церковного пения.

При обучении особое внимание уделяется изучению обиходной традиции Русской Православной Церкви. Предусмотрено практическое освоение церковно-певческого обихода в действующих храмах.

Вступительные экзамены: Закон Божий (прот. С.Слободской), специальность (сольфеджио, вокальное прослушивание), фортепиано, изложение.

При факультете имеется двухгодичное подготовительное отделение для лиц, не имеющих достаточного музыкального образования. Вступительные экзамены: вокальное прослушивание, фортепиано, Закон Божий (прот. С.Слободской).

V. Заочное отделение

Прием на катехизаторский и педагогический факультеты заочного отделения осуществляется на тех же условиях, что и на вечернее отделение этих факультетов. На богословско-пастырский факультет заочного отделения принимаются только клирики Православной Церкви — священники и диаконы.

Вступительные экзамены на заочное отделение проходят в конце сентября. На время экзаменов общежитие не предоставляется.

Адрес Института:

113184, Москва, Новокузнецкая ул. 23б

Тел. 233-22-89 ***Fax*** 233-56-97

Расчетный счет:

Новокировский филиал Уникомбанка г. Москва,
Тек. счет 700502, код по ВЦ (р/о): 4К; МФО 212166

В Издательстве
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА
вышли в свет следующие книги:

Протоиерей Всеволод Шпиллер. Слово Крестное. М., 1993. 192 с. (совместно с Братством со Имя Всемилостивого Спаса).

Протопресвитер Александр Шмеман. Введение в богословие: Курс лекций по догматическому богословию. М., 1993. 44 с.

Отец Арсений. М., 1993. 304 с. 2-е изд. М., 1994. 284 с. 16 ил. (совместно с Братством со Имя Всемилостивого Спаса).

Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. М., 1993. 224 с. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1994. 224 с. 16 ил.

Помощник и покровитель: Христианские утешения несчастных и скорбящих. / Сост. священник Григорий Дьяченко. В 3-х т. М., 1993 (совместно со Свято-Успенским Псково-Печерским монастырем).

И. В. Шпиллер. Воспоминания об о. Всеволоде Шпиллере. М., 1994. 2-е изд. М., 1995. 96 с. ил.

Протоиерей Всеволод Шпиллер. Проповеди. М., 1994. 64 с.

О порядке предоставления религиозным объединениям земельных участков в г. Москве: Сб. нормативных актов / Сост. М. Ю. Варьяс, М. В. Ильичев, М. Ю. Орлов, А. А. Чернега. М., 1994. 60 с. Серия «В помощь православному приходу».

О порядке предоставления религиозным организациям зданий, строений и сооружений в г. Москве: Сб. нормативных актов / Сост. М. Ю. Варьяс, М. В. Ильичев, М. Ю. Орлов, А. А. Чернега. М., 1994. 60 с. Серия «В помощь православному приходу».

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. 1064 с. ил. Серия «Материалы по новейшей истории Русской Православной Церкви» (совместно с Братством во имя Всемилостивого Спаса). В переплете.

Исторические сведения о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковию и местно чтимых. М., 1994. 704 с. (репринтное издание).

Житие Святителя Феофана Затворника Вышенского. М., 1994. 704 с. (репринтное издание).

Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников / Сост. С. Л. Фирсов. М., 1994. 208 с.

Новоселов М. А. Письма к друзьям / Под ред. Е. Л. Полищука. М., 1994. 408 с. В переплете.

Епископ Арсений (Жадановский). Воспоминания. М., 1995. 297 с. Серия «Материалы по новейшей истории русской Православной Церкви» (совместно с Братством во Имя Всемилостивого Спаса). В переплете.

Служба с акафистом Божественным Страстям Христовым. М., 1995. 72 с. 2 краски.

Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Поучения на св. Четыредесятницу (совместно с компанией «Арико»). 112 с.

По вопросам приобретения книг обращаться по адресам:

*113184, Москва, Новокузнецкая ул. 23 б.
Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт.
Тел. 231-12-19, 233-32-22.*

*109017, Москва, ул. Пятницкая, 51/14, строение 2.
Магазин «Православное слово».
Тел. 231-34-22.*

В Издательстве
ПРАВОСЛАВНОГО СВЯТО-ТИХОНОВСКОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА
готовятся к выходу в свет следующие издания:

Евангелие (Богослужебное, с чтениями на Страстную Седмицу). 2 краски. Переплет.

К. П. Победоносцев. Праздники Господни / Послесловие протоиерея Валентина Асмуса.

Протоиерей Владимир Богданов. Наставления о духовной жизни. Проповеди. Воспоминания об о. Владимире Богданове и его чадах.

С. И. Фудель. Записки о литургии и Церкви.

Подвижник веры и благочестия / Предисловие протоиерея Валентина Асмуса.

Книга посвящена знаменитому московскому протоиерею Валентину Амфитеатрову.

Протоиерей Валентин Свенцицкий. Монастырь в миру.

Протоиерей Валентин Свенцицкий. Тайное поучение о нашем спасении (о молитве Иисусовой).

Митрополит Нестор (Анисимов). Воспоминания.

Гр. Андрей Бобринский. Из эпохи зарождения христианства: Свидетельства нехристианских писателей первого и второго веков о Господе нашем Иисусе Христе и христианах.

Протоиерей Константин Ровинский

Беседы старого священника

Художник П. В. Еремин
Подписано в печать 15. 12. 1994.
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Объем издания 12,5 п. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ 6158.

Издательство Православного Свято-Тихоновского
Богословского института.
Адрес: 113184, Москва, Новокузнецкая ул. 23б.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.